

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 5 (май 2008)

ИЗДАНИЕ

Тамбовского отделения Союза писателей России
Тамбовского отделения Литфонда России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
администрации г. Тамбова.

Главный редактор

Николай НАСЕДКИН

Редакционный совет

Валентина ДОРОЖКИНА

Людмила КОТОВА

Евстахий НАЧАС

Лидия ПЕРЦЕВА

Тамбовский альманах. № 5. Тамбов: Изд-во Тамбовского
Т 17 отделения ОООП “Литфонд России”, 2008. 256 с.

ББК 84Р

ISBN 5-7117-0381-1

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Владимир СЕЛИВЁРСТОВ. <i>Губернатор Миронов. Историческая повесть</i>	3
Валерий АРШАНСКИЙ. <i>На деревянной скамье сидели. Рассказ</i>	49
Александр МАКАРОВ. <i>Ванюшка. Рассказ</i>	79
Зинаида КОРОЛЁВА. <i>Я пройду по Интернету. Рассказ</i>	84
Евгений ЯКОВЛЕВ. <i>Знай наших! Рассказ</i>	106

ПОЭЗИЯ

Владимир РУДЕЛЁВ.....	113
Николай ЗАМЯТИН.....	125
Виктор КОСТРИКИН.....	130

ДРАМАТУРГИЯ

Пётр АЛЁШКИН. <i>Время великой скорби</i>	139
---	-----

ЮНОСТЬ

Ольга КУЛЬКОВА. <i>Стихи</i>	194
Анастасия КОНДРАТЬЕВА. <i>Стихи</i>	200
Валентин ПОВЕТЬЕВ. <i>Солдат Степан. Сказка</i>	207
Сергей ДОРОВСКИХ. <i>Гадающие на спичках. Рассказ</i>	225

ЮБИЛЕИ

Николай НАСЕДКИН. <i>Трудные годы Бориса Панова</i>	243
---	-----

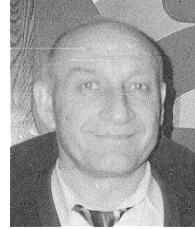
ВЗГЛЯД

Елена БОРОДА. <i>О поэзии без пафоса</i>	249
Елена ЛУКАНКИНА. <i>Проза как поэзия</i>	252

ЛИТЖИЗНЬ

Будни и праздники.....	256
Новые книги.....	256

Владимир СЕЛИВЁРСТОВ

ГУБЕРНАТОР МИРОНОВ*

Историческая повесть

НАЧАЛО

Назначенный Высочайшим Указом 16 апреля 1823 года исправляющим делами Тамбовского гражданского губернатора действительный статский советник Миронов Иван Семёнович уже почти два месяца никак не мог добраться до вверенной ему губернии и приступить к исполнению должности.

То отпуск губернаторский в двадцать четыре дня, то дожди непролазные, а тут простуда лихорадочная, наложившись на пожилые лета и немощь телесную, хандру душевную породила, в постель уложила на две недели без малого. Но всё начавшееся непременно кончается, бесконечна только суета людская. Любой отъезд въездными воротами вершается, любая болезнь — жизнью или вратами адовыми.

---

* Миронов Иван Семёнович — тамбовский гражданский губернатор с 1823 по 1831 г.

Владимир Селивёрстов имеет юридическое образование, много лет работал на высоких должностях в органах тамбовской милиции. В настоящее время занимается адвокатской практикой.

Автор нескольких детективов и книг краеведческо-исторической тематики, в том числе романа о Державине и цикла повестей о тамбовских губернаторах.

Член Союза писателей России.

Миронов размышлял, скользя взглядом по пустынной равнине, лучше б жизнь со смерти начиналась, а заканчивалась бы рождением. Вот было бы славно! Всё равно все мы возникаем из ничего и превращаемся в ничто. До нас ничто было и после нас ничто остаётся. Пережёвывая в голове подобные мысли, жуя во рту прописанный лекарем сладкий изюм, он, человек, не чуждый всякому философствованию и умствованию, весьма удивился, прочитав на указателе дорожном — «Ничевоки». Обзовут же сельцо, а!

— Там что, голь перекатная вплоть обитает? Откуда такое наречение взялось? — спросил губернатор ждавшего в Козлове у Московской заставы председателя казённой палаты, советника губернского правления статского советника Чеботарёва Василия Ивановича.

— Самое что ни на есть, Ваше превосходительство, зажиточное место. Тута экономические обитают. Жизнь свою обихаживают достойно. Прасольничают, скот из Моршанска и Шацка в Воронеж, Усмань с Ельцом гоняют, а то и из Астрахани по тыще голов, промысел опасный, но доходный. И то сказать, деньги вещь обоюдоострая. Хлебопашничают, правда, всё меньше и меньше, но всё же... Вы как, Ваше превосходительство, пожелаете отдохнуть после дороги дальней? Или закусить?

— Подкрепиться не откажусь, а отдыхать, так и так все бока отлежал-отбил. Благо, пыли не было, дожди в грязь обратили.

Подали холодную телятину, квашеную капусту, пшеничный хлеб и красное вино. Губернатор усмехнулся: вот бестии продувные — уж узнали, что без капусты за стол не сажусь и какое вино в предпочтении. Чеботарёв, отказавшийся разделить трапезу по причине колики почечной, получил указание повести речь о губернии.

— С чего начать, Ваше превосходительство?

— Как Бог на душу положит. Я в этих краях новый, до всего жадный.

— Тогда, чтоб упредить злозяйки, о себе сначала. Рожак я местный, из небогатых среднепоместных дворян. Род старобытный, но захудалый, из мордовских панков, то бишь князей, но без титулов. Зачинал ещё при Державине Гавриле Романыче, царствие ему небесное, писарем магистрата наместнического, мальцом неразумным... Розгами ум-разум вбивали, копиями каллиграфию вбирали.

В строку сказать, самый стародавний у нас город — Шацк, обоснован в 1553 году. Лебедянь тоже в шашнадцатом веку возникла

из небытия. По последней ревизии, коея уж с полвека как не проводилась, в губернии имелось 870 тыщ лиц обоего полу. Из них 433 тыщи мужиков. По ремеслу сказать... В тамбовском уезде канатно-верёвочное дело обширно. В Елатье скорняки овчинные знаменитые, хоть кожи и выдělываются повсеместно. В Шацке кузнецы-мастера высокие. Женщины повсюду в тканье мастерицы. Суконное и шерстяное, холсты, чулки, варежки цветные, красивые и тёплые, в обеих столицах с руками отрывают.

— А чулки с ногами?

— Иносказательно, Ваше превосходительство, для образного изображения с обеих сторон.

Губернатор перебил:

— Я вот сколь не спрашивал, никто толком объяснить не может: откуда есть-пошло название Тамбов? Не от слова же «тамби», касту магометанскую на острове Цейлон означающую? Далековато больно, хотя общее есть — они там тоже каменщики отменные, а тамбовцы такой же народ дикий, как и азиаты.

— Достоверно никому неизвестно. Кто говорит — от татар пошло: сколько ни брали нашу крепость приступом — никак не удавалось, вот и прозвали «Там бог», потому и непобедимая.

— Так получается, имя раньше города родилось?

— Доподлинно не известно. Обширная наша губерния с юга на север тянется на 400 вёрст, с востока на запад — на 270. В Липецком уезде издавна густое средоточие серного колчедана. Железные руды весьма обширные залегания имеют. Ещё радетель земли русской Пётр Великий там целебный водоисточник открыл. Недавно его в казну взяли, а то вишь, совсем захирел. В Моршанском уезде со времён первого императора российского купоросная земля открыта. Завод из неё купорос, квасцы, мумие выщелачивает. В урочище Кузьминки цокольный камень в большом достатке. Возле Умёта — жерновой песчаник, мостовой камень. В Козловском уезде, у села Жидиловки — известь. Вдоль урочища Торфяники — глины мягкие, в гончарном деле первейшие. Главное же богатство наше неиссякаемое — чернозём тучный почти повсеместно на два, два с четвертью аршина толщиной. Урожаи стопудовые безо всякого труда вырастают. Засухи случаются жестокие — весенние или летние, но редко. Леса тянутся вековые по крутому берегу Цны, Мокши, Оки и дальше в Нижегородскую губернию. Сосна, осина, берёза, дуб с подлеском из липы, орешника, крушины. Бересклет,

чёрная ольха ивняк в мокрых местах.

Миронов смотрел на подчиненного и дивился той любви к родным местам, с которой тот говорил.

— Есть ещё ясень, клён татарский, вяз, зелёный тополь, карагач... Из дерева промысел разный — бондарный, колёсный, тележный, особенно, в Моршанском уезде и Бондарях.

— Переходите уж к слабости моей — охоте.

— Эх, Ваше превосходительство, а у кого она не в слабостях? Это как посмотреть, может, и в силе. Угодья у нас звериные богатые — медведи, лоси, волки пешком ходят, то есть бегают. Лисицы, зайцы, хори так и шныряют под ногами. А тетерева, драхвы? Но и охотников до охоты хватает. Охота пуще неволи. У каждого, почитай, помещика своя псовая свора. Соколиная только в Кирсановском и Моршанском уездах ещё теплится.

— Что вы всё о природе, да о животных, переходите уж и к людям.

— Эх, Ваше превосходительство, человек, он по большинству, любого зверя лютеет. Они друг друга убивают токма для еды засушенной, а мы из жестокости иль корысти ради. У них всё по природе и ни одна животина супротив не пойдёт. А мы? Сколь сказано «не убий», да убивают. За самую малость жизни лишают. Вон на той неделе пьяница записной Фролов на Большой топором кабатчика Пронина порешил. А за что? Всего-то рюмицу не поднёс. Так и развалил черепушку, что твой арбуз ни за понюх табаку.

Губернатор нежданно озлился.

— Ваши рассуждения примитивны и безмысленны. Доклады-вайте, да не отъезжайте от существа предмета в эмпирии небесные. Что касаемо помещиков здешних, то вся Россия хлебосольству и гостеприимству дворян тамбовских поражается. Любой проезжий или приезжий жить может сколь угодно на сытных хлебах хоть у Мосоловых, хоть у Рахманиновых — пить-есть с хозяевами за одним столом...

— Что есть, то есть. Только одно непреложно — ни в чём не прекословить хозяину. Скажет на серую в яблоках, что вороная, значит вороная, а не каурая, иначе пулей вылетишь, да по шеям ещё вослед накладывают.

По человечеству цифирь тоже имеется. Сел и деревень по последней сказке 3123. Серединное семейство крестьянское имеет 6,6 детей обоого полу. Если не считать городов, то самые крупные по-

селения: Рассказово — 15 тысяч, Уварово — 10 тысяч, в Мучкапе, Козловке, Большой Грибановке, Пичаево, Алгасово — по 12 тысяч. Крупных деревень много — Иноковка, Пересыпкино, Сеславино. Ежели отнять северные четыре уезда, то остальное население сплошь русское. Но вот в Тамбовском уезде каждый сотый — татарин. В Шацком десятая часть — мордва, а в Спасском её больше половины. Оно и в Темникове почитай каждый третий мордвин.

Почти всё население живёт в деревнях и числится в крестьянах. Дворян полпроцента и городских жителей на чуть больше. Женщин в каждой тысяче больше, чем мужчин, на 50 человек. Губерния наша занимает по населению третье место в России. Натуральный прирост ежегодный в полтора процента, рождается, слава Богу, значимо больше, нежели умирает народу. Если и далее так пойдёт, то Малитус со своей наукой о перенаселении Земли прав окажется — лет через сто людишки спина к спине стоять будут — яблоку упасть негде станет.

— Если спина к спине, то детишки вряд ли появляться будут, для того лицом к лицу стоять надобно. Кстати, никогда не задумывались, кто соизмеряет, сколько родилось мальчиков, сколь девочек? Бог или мать Природа? Во все времена поровну получалось, а ваш прогноз если и сбудется, то не ранее века эдак двадцать первого. Вы же сами назвали цифру — всего полтора процента прироста в год, вот и посчитайте, сколько в наших краях народу будет лет через двести — не так уж и много при наших просторах необъятых и необжитых. Тут вам, дорогой мой, не Франция и не Германия, где плотность людская сплошь, как в Москве или Петербурге.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Как распочался новый 1825 год, так и пошли от доброхотов из Зимнего и Сената вести с каждой оказией про то, что император высочайшее желание высказал Тамбов посетить. Миронов и глазом не успел моргнуть, как двухлетие его губернаторства на двор вместе с апрелем пришло. Уж освоился в здешних местах, кажется, всю жизнь на троне губернаторском властвовал. Всё чаще приходили в голову мысли всякие по поводу собственной персоны. Воистину мудро сказано: не место красит человека, а человек место. Применимо к нему что сие означает? Он собою губернаторскую

должность украсил, а не она его. Значит, он как лицо и человек ценнее и значимее, нежели как чиновник, должность начальника губернии занимающий. Вот и вся премудрость философическая. Губернатор, правитель, наместник — должность единственная и неповторимая, выше на триста вёрст вокруг и среди трёх миллионов подданных нет и быть не может! Значит, он, эту должность занимающий, человек только по этой причинности исключительный и неповторимый.

Пройдёт много лет, а фамилия Миронов забвению не предастся. Кто-никто, а вспомнит: был такой тут губернатор, правил праведно и благотворно!

Кресло, в коем покоился он во время службы, действительно походило на трон, только не русских царей, а азиатских султанов. Как и откуда оно возникло в губернском правлении, никто не помнил. Старые чиновники Мосолов и Беклемишев, помахивая седыми венниками бакенбард, удостоверяли с почтительным достоинством, что стояло оно при Романе Илларионовиче Воронцове и Гаврииле Романовиче Державине, в него никогда не садившемся, много над этим тронном потешавшемся и повторявшем: «Уж это-то место любого-всякого украсит!»

Посреди залы для торжественных собраний на помосте высилось огромное, тяжёлое даже на взгляд сидилице с высокой спинкой, окрашенное в зелёный, красный и белый цвета. Красная замшевая кожа светилась золотыми узорчатыми гвоздями. Спинка и боковины искрились и сверкали уральскими самоцветами: малахитом, яшмой, ониксом, среди радужного перламутра, выделанного из больших ракушек. Всё это нестерпимо и празднично сверкало и светилось при солнечных лучах или свечах. Кто и где сделал это диковинное в чернозёмных краях чудо — оставалось тайной загадкой.

Отставной гвардейский каптенармус, курьер Афанасий, шагнувший за восьмой десяток, в трезвом виде божил, что ещё при Коновницеине трон подарен был проезжим султаном за гостеприимство, а главное, вкуснейшую тамбовскую водку, настоящую на чудотраве девясиле, вмиг оздоровившую азиата, «вдрызг и наскрозь» простудившегося в наших краях в ожидании высочайшего визита. Предназначался же сей весомый и дорогой подарок якобы для подношения самой императрице.

В подпитии герой крымских компаний, поглаживая выбеленную долгой жизнью бороду, изрекал другую историю: про сказочный

пьедестал, присланный Великой Екатериной Державину Гавриле Романовичу в презент за невиданный дотоле сбор податных недоимок. И как знак приглашения его в фавориты, потому как именно тогда матушка царица и дала туфлём золочёной под зад светлейшему князю Потёмкину.

Миронов, смекнув, что правление за посмешище сочтёт, на троне сидеть не любил. Уселся разок и почувствовал себя неким ханом Хереем самозванным. И странно, но почувял он, что трон хоть и деревянный, но холоднее любого камня пронизывает до ломоты костей в поясище и седалище.

Подумалось, что трон может пригодиться — как раз к событию. Приказал привести его в порядок: помыть, подкрасить, смазать конопляным маслом, а на сиденье положить пуховичок, дабы вседержательное тело не застудить.

Править губернией старался по правде, иначе власть его сама собой суживаться начнёт и касаться будет лишь чиновников подневольных, а народ подчиняться, но не повиноваться станет. Если перед тобой шапки ломают, это ещё не значит, что уважают и обожают. Кланяются должности, а приветствуют человека. Купечество, мещане, однодворцы, вольные землепашцы приписные, крестьяне экономические лишь тогда за власть радеть станут, когда защитительное её свойство на себе ощутят-испытают.

Одного плетью, другому каравай с маком, но отдельно и поврозь. Попробуй пряник жевать, когда тебя кнутом охаживают!

Миронову где на окрике, где на хитрости, но удавалось держать губернию в узде. Только чем перед государем хвалиться? Один его взгляд неудовлетворённый, и — поедешь в имение старость доживать безвестную.

Так чем же выставляться придётся? Последние годы ярмарки весёлые расцвели в каждом уездном городишке. В Лебедяни, к примеру, если с предторжиями больше двух месяцев тянутся.

Товары привозятся российские, европейские, азиатские — какие только заблагорассудится, только плати денежки немалые. Ананас один заморский полсвиньи стоит. Находятся чудачки, покупают. Но основной товар — лошади и железо. Повсеместно шерсть тамбовская, пенька пензенская, лён владимирский, бумага московская, фарфор питерский, стекло рязанское. Изделия хлебные в избытке и разнообразии изобильном.

Гильдия купеческая доносит, что и оборот товарный, как опара

свежая — растёт вширь и ввысь. В той же Лебедяни на Троицкой и Крещенской ярмарках продано на триста тысяч добра всякого.

Одна забота: Тамбов хоть и столица губернская, а оборот невелик и товары тут дорогие, не по зубам горожанам и чиновничеству, хоть и многому, но мелкому. И все почему-то колониальные: кофе бразильский, чай и шёлк китайские, ковры и атласы из Бухары. На ярмарку в июне на миллион привезли, а лишь на двести тысяч куплено. Не должно быть купцов больше, нежели купляющих.

Зимой в Крещенские ярмарки товары кожаные моршанские и кирсановские по всему окрестью растекаются при большом спросе.

А, вот чего Его Величеству в интересе будет — первый в России Конный клуб. Скаковое общество. Говорят, император весьма охоч до бегов лошачьих.

Если летом прибыть изволит, то по городу везти стыд и срам — грязь вселенская и вонища содомская. На углу Долевой и Большой до сих пор камень бутовый для мостовой валяется, ещё Державинным завезенный, мохом и травой пророс. Екатерина Великая на город в 1781 году 439 десятин отвела. По плану вроде всё застроено, а едешь, вдруг то пустырь открывается, то буерак разверзнется; идёшь, а посередь улицы болото непролазное.

До чего ж архитектор Травин нерадив и нерасторопен — толку, как от козла молока. Сколь уже раз приказывал ему план представить правильной квартальной застройки, так нет же, строятся, как Бог на душу положит, вернее — кто сколь ему, Травину, на руку покладёт.

Миронов вышел на Астраханку и огляделся, силясь представить, как царь подъезжает, выходит из кареты... Что помазанник, повелитель империи бескрайней от Курил до Карпат, от Белого до Чёрного морей узрит очами своими божественными?

* * *

Начиная с 1820 года Александр Первый почти постоянно путешествовал по России и Польше. Езда длилась и днём и ночью, в любую погоду по бездорожью, будто кто-то неведомый не давал ему покоя. Раньше он любил ездить один, а с января 1825 года здоровье его резко ухудшилось и приходилось терпеть свиту, состоявшую из барона Дибича, начальника генерального штаба князя Петра Волконского с супругой, генерал-адъютанта Чернышёва, пяти медиков и нескольких младших офицеров знатных дворянских фа-

милий. Всего сопровождали Александра более 20 человек, не считая двух рот охраны — гвардейцев Преображенского полка. Вся царская кавалькада, растянувшись на целую версту, нехотко двигалась по тамбовскому тракту, тронутому ранней мартовской ростепелью.

Кто бы что ни говорил, а в больших санях, крытых сукном, пропитанным китовым жиром, запряжённых шестёркой сильных бытюгов, ехал глава самой обширной империи Вселенной, исполнивший главное предназначение государя — освобождение страны от иноземного порабощения, чем и заслуживший именование Благословенный.

Встретив императора на границе Тамбовского края, губернатор Миронов, приглашённый в тёплое нутро царского санного вагона, по обычному чину докладывал:

— Ежегодно, Ваше величество, по Цне из Моршанска вывозится свыше 8 миллионов пудов хлеба разного в значимом количестве и с Шиловской пристани. Винокурение, как вам известно, весьма развито повсеместно. Наньне 34 завода в год производят полтора миллиона вёдер. Можем и сахарком похвалиться. В сельце Тюшевке сладкое производство, Давыдовой принадлежащее, исправно действует.

Император мягко, дождавшись паузы, перебил губернатора:

— А что, Иван Семёнович, герб ваш означать предназначен?

— Впервые как изображение появился он на знамени тамбовского гарнизонного полка в 1730 году. Герб тамбовский утверждён был в 1781 году вашей бабушкой вседержательницей всероссийской Екатериной Великой: «Быть по сему» своеручно начертала. Описание его составлено знаменитым герольдмейстером Волковым, в коем значилось, что город Тамбов иметь должен старый герб — на лазоревом поле улей, а над ним три золотых пчелы, земля зелёная. Сии слова внесению подлежат и во все вновь сочиняемые гербы верхней части своей в означение того, что города принадлежат губернии Тамбовской...

— И что же он означает?

— Улей и форма его, крепость напоминающая, говорят о неприступности и гордости народа русского местного, о борtnичестве, трудолюбии и способности ужалить, отпор дать врагу-неприятелю и разбойнику всякому. Цвета в гербе тоже символичность несут. Золотой значит справедливый, Лазурный — величие и красота. Зе-

лёный — надежда и свобода...

Александр невольно улыбнулся.

— Тебе, господин губернатор, лавры твоего предместника Державина покою не дают. Эк заговорил-то — пиит, да и только. Давно тут наместничаешь?

— С апреля двадцать третьего Ваше величество высочайше ввели мне сию Лапландию необъятную.

— Ну, вези, будь квартирмейстером моим.

Императора поселили в Протасьевском доме, чистом уютном тёплом двухэтажном особняке, выстроенном для важных особ, посещающих или проезжающих через Тамбов. После обеда он прилёг отдохнуть, а губернатор с помощниками в последний раз обсуждал, кого к высочайшей особе можно и должно допустить.

Вечером губернатор докладывал на одобрение государя череду дел:

— Завтра, Ваше величество, предлагаю проехать по городу с целью ознакомления с его жизнью — улицами, домами, горожанами, после чего отобедать у предводителя дворянства. В пять пополудни, если изволите, делегации и делегации почётных граждан и купечества с докладами и прошениями.

Утром император встал в прескверном расположении духа. На календаре числилось 11 марта — чёрный день убийства его отца, императора Павла Петровича.

Он мрачно слушал скрипучий голос тамбовского губернатора.

— Вот, Ваше величество, взгляните на сей образчик провинциальной Римской империи. Всё как положено — портик, колоннада. Изображают приверженность владельца к вечным ценностям. А вот он и сам.

Из толпы зевак выдвинулся обычного вида мужик в суконной поддёвке, красной атласной рубахе, малиновом бархатном жилете, с золотой цепью, скрывающей, видимо, такой же золотой брегет в кармашке.

Золотоносец сначала сдёрнул, потом, чтобы было что «ломать» перед царём, надел шапку из бобра, снова снял её и склонился в низком поклоне.

— Купец первой гильдии Суворов Иван сын Иванов, прасольничаем и хлебушком торгуем.

— Каков оборот, купец?

— Дык, ить не хуже других. Прибыль — гривенник с рубля. На

Десятой ярмонке под тыщу взял. Дело торговое хоть и обыкновенное, но капризное.

— Дом у тебя доходный или сам живёшь?

— С год как построил, с семейством проживаю. Комнаты просторные, кухня высокая, подвалы глубокие, ледник круглый год не отпускает, держит.

Купец чуть замялся, пожевал губы, мотнул головой, решаясь:

— В честь вашего высочайшего гостевания в Тамбове нашем благословенном отдаю дом свой под девический приют. Больно много сирот до сих пор скитаются-мыкаются после нашествия Буа-напартова.

Александр повернулся к князю Волконскому:

— Пётр, распорядись наградить сего добродетеля медалью памятной... А вы, Иван Семёныч, вручите её при ближайшем стечении народа моим именем.

Погоды стояли морозные, и улицы города сделались вполне проезжими. Все колдобины и ямы сравнял лёд, преобразившийся из воды, упредительно залитой распорядительным губернатором.

На набережной Миронов указал на высокий дом с мезонином, тоже украшенный античной колоннадой и портиком.

— Духовенство наше в прошлом годе сподобилось второй семинарский корпус возвести. Там далее Городская Дума расстаралась на два корпуса трёхэтажных для гимназии, в сём году открывшейся. Школяров пока 37, но в следующем уже за полсотни будет. Я уже дважды обращался в правление Московского университета о выделении средств по приобретению для гимназии дома и флигеля Хвощинского, и никакого толку, а лучше во всём городе не сыщется. Целая усадьба. С двух сторон — площади, с третьей — улица, с четвёртой — Дом присутственный. Фасад классический с шестью колоннами и балконом и флигель такой же. Немаловажно, что и службы все на месте: конюшня со стойлами дубовыми, каретный сарай, баня, кухня с тремя плитами, колодезь глубокий, ледники обширные.

Государь кивнул князю Волконскому:

— Займись, князь, этим делом и мнение представь. Главное, Иван Семёныч, чтобы дети знали Закон Божий и латинский язык, остальное само приложится. А как ты на телесные наказания смотришь? Я думаю, для воспитания надлежащего все меры хороши, не вред и выпороть, но только за дерзость особую, не за малость. И не забы-

вайте, Россия на трёх китах держится: Православие, Самодержавие, Народность!

Губернатор предложил царю прогуляться вдоль канала реки Цны. Ему было чем гордиться — осенью закончилось прочищение дна. У самого льда на жёлтом песочке переминались два офицера в парадной пехотной форме. Оба коротко представились:

— Подполковник Яниш.

— Поручик Сомов.

— Ну что, господа инженеры, удалось вам избавлением от болота застойного оздоровить климат тамбовский?

— Чищение, Ваше величество, длилось шесть лет с переменными результатами, но, слава Богу, увенчалось успехом. Сия канава снова стала каналом реки Цны, прозываемым Ериком. Вода пригодна ныне как для купания, так и для забора на нужды горожан. Поручкой тому созданный нами бассейн чистой воды размером в 60 саженей и в 8 саженей глубиной. Из него вода через две плотины с перепадом в одну сажень проистекает в основное русло реки, Старицу. Течение столь быстрое, что и зимой льдом не сковывается. Сия позиция разработана была ещё инженером Бодаобером.

— Ну а судоходство до каких пределов возможно?

— Барки и баржи до двух саженей усадки причаливать могут ко всем пристаням городским, а по главному руслу и до трёх.

— Помню, покойный Державин Гаврила Романович, уже покинув тутошнее наместничество, всё досаждал мне прожектами по углублению реки Цны, сам, путешествуя по её руслу, многие промеры делал. Ну да ладно, не Волга и не Ока. На сколь долго благополучие водное обещаете, господа офицеры?

— Пока дубовые плотины дуба не дадут, простите за каламбур, вода сама себя очищать будет. Горожане первыми слух пустят — как рыбы не станет в Ерике, считай, вода протухла.

Миронов слушал болтовню подполковника Яниша и укоризненно усмехался. Он-то уж знал: Ерик — чистилище известное ныне, присно и во веки веков. Всякий, кто брался его чистить, чистил, прежде всего казну губернскую и городскую, и если бы он, прибыв сюда, не посадил обоих офицеров на гауптвахту за расхищение денег казённых, пощадив их от каторжных работ, гнила бы и цвела бы река и донныне.

Приём просителей начался с купечества. В депутацию допустили только гостей первой гильдии: Малина, Попова, Толмачёва, Ту-

линова, Гнусова, Хвощинского, Колдаева, Суворова.

Старшина гильдейский Тулинов просил у царя разрешения на постройку Гостиного Двора на 37 торговых мест. Просьба согласована была с губернатором и высочайшего вмешательства не требовала, служа всего лишь поводом встречи с поднесением подарков.

Вечером Александр поехал ужинать к старому знакомому, герою Отечественной войны с Наполеоном генерал-майору Андреевскому. Усадьба принадлежала его супруге записной красавице Елизавете Андреевне. Двухэтажный угловой особняк считался одним из красивейших строений в Тамбове и мало чем внешне отличался от губернаторского дворца. Стройный фасад дома украшали пилястры, с южной стороны к нему примыкал одноэтажный флигель.

По дороге император кивнул на высокое острие кирпичи, бросающейся в глаза среди одноэтажных домишек мещанской слободы:

— И давно у вас лютеране поселились?

— В прошлом году закончено возведение.

Прощаясь, государь, чуть осветлев особенно грустным в этот день лицом, увлажнился глазами:

— В Тамбовском крае, как я погляжу, самые высокие патриоты российские живут. У вас архитектура и та стала победная. Строения и дома, после нашествия Бонапарта возведённые, все так и дышат русской славой. В Конном клубе конюшня своими колоннами, портиком, лепниной с любым греческим дворцом поспорит.

ВЫСОЧАЙШИЙ ОБЕД

Миронов уже отдал все нужные распоряжения по подготовке торжественного обеда, как князь Волконский передал пожелание Александра об устройстве его в совершенно русском обычае. Кушанья и весь обиход тоже должны быть славянскими, не ближе двухвековой давности, в традициях Дикого Поля.

— На столах ни единой вещи и ни единого блюда иноземного не должно быть!

— Да у нас везде русским духом и пахнет, особенно в отхожих местах.

— Тут ты, Иван Семёныч, неправ. Дерьмо, оно и есть дерьмо, хоть в Тамбове, хоть в Париже. Таков уж закон человеческий. Неваж-

но, что на входе съел, ананас или репу — на выходе аромат один.

— Где ж это я за два дня русский стол-то соберу? Задал ты мне, князь, незадачу.

— Не я, господин правитель, не я. Говори да не заговаривайся. У царей незадач не бывает. Можешь и не трудиться. Выставить, по обыкновению, богемский хрусталь и китайский фарфор. Французский коньяк с итальянским вином. Это куда проще. Учти только, государь на пиру в кавалерство производить будет, а потом сразу и покинет твои владения. Так что соображай не по перцу турецкому, а по муке русской. Пиршество это последнее, что император вспоминать будет о земле тамбовской, а знать, и о тебе.

Едва князь за порог, Миронов вызвал вице-губернатора:

— Ушакова ко мне, бегом! На одной ноге! Нет, одна нога тут, другая там!

Иван Михайлович, вице-губернатор в третьем поколении, столбовой тамбовский дворянин, отличался великой оборотистостью, изворотливостью и мог в мгновение делать то, что другим и в неделю не по силам.

— Ты, дорогой мой, человек исконно русский. Вон, под мундир сапоги смазные надеть норовишь. Помнишь, в прошлом году у себя в Борках обедом потчевал? Так вот, послезавтра к пяти пополудни сотворишь такой же, только на сто с полста персон. И чтоб скатерть и та — с петухами...

Александр с удовлетворением осмотрел убегающий вдаль стол под белоснежным льном, расшитым ржаными колосьями, подсолнухами и яблоками. В шеренгу через аршин пузатились бутылки зелёного стекла с водками, выдержанными на душице, чабреце, мяте, полыни. Вместо привычных тарелок пускали солнечные зайчики серебряные и оловянные миски. Закуски на блюдах разных фигур и величины с двумя и четырьмя ручками, под силу только нескольким слугам. Ложки светились матовым серебром с золотёным узором, ручки украшали фигуры мифических животных. Ножи и двузубые вилки поблёскивали драгоценными камнями и финифтью. На обширных овощниках лежали груды яблок, груш, винограда. Соль и перец хранились в утробе оскаленных зверей, сверкавшими рубиновыми глазами. У каждого прибора стоял разложистый достакан на серебряных ножках.

Александр сказал:

— Согласись, Иван Семёныч, вряд ли найдётся ещё такой народ

на земле, чтоб имел такую страсть к застольям и чревоугодию, а?

— Русские обеды, Ваше величество, начало берут со времён великих князей. И ни один из гостей без блюда с мясом или пирогами не отпускался.

Александр улыбнулся:

— И донныне обыкновение то соблюдается. От хозяйки гость без узелка с разными лакомствами, пряниками, сладостями, плодами сушёными не уйдёт. Доброта русская везде место найдёт. А не принять — прогневить Бога. Хлеб-соль — дар Божий.

Когда хмель начал брать верх над верноподданническим благоговением, а среди монотонного гула голосов проявились вскрики, император поднялся и сделал знак князю Волконскому:

— Почёл я за честь, господа, наградить самых достойных среди вас кого кавалерством, кого чином неочередным...

* * *

Средоточием присутственных и казённых мест в Тамбове являлся Старый Кремль — обветшала, отслужившая-отжившая своё крепость: нарытые рвы, дубовые, обмазанные глиной стены, тянущиеся от Спасо-Преображенского собора до Солдатской церкви.

Громадные волоковые брёвна, вопреки времени не сгнившие, а заморённые ветрами, снегами и ливнями за двести лет до каменной тверди, кое-где смертельно нависли над тропинками, протоптанными в траве до лысой земли по странной привычке русского человека выбирать самые опасные жизненные пути, именно под грозящими пришибить всмятку многопудовыми брёвнами. Но люди всё равно ходили именно под этой смертельной грозой. Ров, вырытый без малого двести лет тому, неустанный работник время сгладило, обвалило, обмелило. Люди, отжившие своё за эти два века в Тамбове, валили в него отходы, мусор, навоз, дерьмо. Паводки и дожди смешали всё это в непролазную зловонную грязь, испускавшую такое парение, что в окрестных избах дохли куры, поросята и телята, выживали только люди и лошади. Они пропитывались насквозь таким «амбре», что любой встречный, принявшись, сразу определял:

— Чую, ты с Набережной?

При сооружении губернского правления, судов, палат и прочих казённых мест во главу угла ставились фасады, вестибюли, мраморные лестницы с литыми витыми перилами и парадные залы,

дабы один вид их внушал трепет и должный пафос к власти, по образцу и подобию православных перед святым храмом.

Но, как у нас издревле было и до сих пор водится, одно делая, другое, часто главное, упускаем. Обходились эти строения казне втридорога, а служить в них было тяжкотно. Каждую осень и весну до начала или после конца топки в присутственных местах стояла промозглая сырость. Долгими холодными зимами печи-голландки топить приходилось никак не реже двух-трёх раз в неделю. Они дымили, чадили, разваливались. Что толковать про Тамбов, в столичном Зимнем Дворце дым стоял коромыслом. Возимые каждую осень бесчисленными телегами дрова хранились тут же во дворах, образуя ещё один забор, исчезающий к марту. Зима на зиму не приходилась, и дров до тепла не хватало — чиновники дрожали от холода, кутаясь во что попало, оправдательно опрокидывая законную рюмицу «для сугрева».

До водопровода с канализацией оставалось ещё полвека с гаком. К весенним ростепелям город утопал в накопившихся нечистотах. Благо, паводок и апрельские дожди приносили облегчение, смывая естественное человеческое поганство в Цну. Зато майские запахи цветущих садов, сирени и черёмухи заставляли забыть вонючее прошедшее и счастливо вдыхать весенние приятственные ароматы.

Миронов бросил через плечо дышащему сзади секретарю:

— Дайте месяц сроку городскому голове и полицмейстеру — ров сравнять с землёй. Да скажи, с завтрашнего полудня сам буду ходить — смотреть, как работы спорятся.

В кабинетной зале Миронов засел за почту, растущую день ото дня. Первым лежал неприятный документ:

«Указ Его Императорского Величества Всероссийского из Правящего сената действительному статскому советнику Миронову.

Сенат слушал прошение генерал-лейтенантши Александры Баратынской поверенного Петра Бакачёва.

Жалуясь на тамбовское губернское правление о взыскании 500 рублей штрафа за 20 душ крестьян прописных, просит от взыскания одного освободить.

Прошение сие препроводить к вам, губернатору, с тем, чтобы, собрав по оному надлежащие сведения, донести Сенату со своим заключением.

Обер-секретарь Крикуновский».

И тут рука предводителя дворянства Баратынского высунулась! Не бывать, как ему захочется! Миронов зло сунул перо в чернильницу и, разбрызгивая раздражение по бумаге, начертал: «Отказать за прошествием всяческих сроков».

Следующим шёл секретный высочайший Указ Верховной Уголовной палаты. Среди длинного перечня первейших и известнейших фамилий дворянства российского мелькнула и кольнула остро фамилия подполковника Лунина. Бросились в глаза высочайшие строки: «...желая по возможности согласить с чувствами милосердия, признали мы за благо определённые сим преступникам казни и наказания смягчить... лишением чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на пятнадцать лет, а потом на поселение».

О-хо-хо, революции, восстания, бунты! Какое государство смирится с посягательством на основы. Правительство любое поползновение в сторону за ярый якобизм принимает. Вон наш российский Талейран граф Канкрин недавно изрёк очередную мудрость государственную: «С проведением реформ торопиться не следует, так как недостатки существующего известны, а нового скрыты». Крыть-то нечем, хотя историю и время не остановишь, они своё возьмут. Сила их непреоборима!

ПЕРВАЯ ТАМБОВСКАЯ ХОЛЕРА

Утро 26 августа 1830 года и помина не давало о приближающейся осени. Теплынь, цветение зелени, растительное изобилие. Рассмотрение утренней почты, нынче особенно объёмной и бесполовой, заняло без малого три часа. Потом вместе с председателем тюремного комитета статским советником Соседовым долго ломали голову, где приискать средства на достройку Лебедянского тюремного замка, в который уже вгрозано 14500 рублей. Губернатор самолично занимался новым узилищем, повторяя:

— В нём-то уж арестанты обретут замок несокрушимый.

Соседов долго расхваливал проект:

— Основной дом двухэтажный из цокольного камня. Три каменных флигеля и ограда кирпичная в два роста с осколками обоюдострыми поверху и вокруг. Камер общих — 71. Одиночных, для особо тяжких преступников — 24. Хотя кого туда определять-то, если арестанты по большинству с трёхлетним сроком или подследствен-

ные, так сказать, бессрочные пока ещё.

Когда дошли до денег, губернатор не согласился:

— О-го-го, начальнику острога жалованье в 600 рублей! Больно жирно будет вместе с подношениями разными да при казённых харчах и вицмундире... Хватит и 450.

Губернаторский дворец, кроме того, что был самым видным со всех концов города строением, отличался замечательной гулкостью и звучностью. В дальней комнате чихнули, на улице «Будьте здоровы!» откликнулись. По дальнему коридору загремели торопливые сапоги. Через три двери к губернатору запыхлённой статуей ворвался фельдъегерь. В случаях особой важности и срочности они имели право входить в служебные кабинеты без спросу и позволения.

Разорвал зачем-то двойную бумагу пакета, присланного из Пензы почему-то предводителем дворянства, а не губернатором, и обомлел.

«В Пензе холера, — писал испуганно, без обиняков, личных обращений и церемоний адресат. — А при самом появлении сей болезни приняты все меры, город разделён на кварталы, кои поручены смотрению служащих чиновников и господ дворян, продажа овощей и фруктов воспрещена, кроме того, на границах губернии и кругом губернского города устроены заставы для того, чтобы пропуск производился не иначе как по билетам здоровым...»

Миронов смотрел на бестолковую беспомощную бумагу и не мог уразуметь, о какой холере идёт речь. Слыхать о ней слыхивал, но в здешних краях, слава Богу, никто её не видывал. Запоздало спохватился:

— Где егерь? Вернуть! Задержать и в полицию под караул до моего приказы.

Первой мыслью стало разорвать, сжечь паническое письмо. Бунты холерные страшнее любой чумы. Но, подумав, позвонил в колоколец приказал:

— Советников и председателей палат сию минуту ко мне. Бегом!

Пензенский предводитель в первых губернских лицах не ходил — слабоват был родом, душой и телом. Потому и не поверил бы ему Миронов. Но ранее, 10 августа, получилось уведомление из Саратова предостережительное о появлении в тамошних местах смертоносной болезни легкозаразительной, чуме подобной. Но та депеша почему-то не вызвала такого беспокойства, как эта, пензенская, то ли потому, что ближе, то ли потому, что брала старуха с косою по прозвищу нездешнему «холера» эту вверенную ему высо-

чайше губернию в клещи могильные.

Ещё с июльской жары по городам и весям бродили злые слухи про невиданную прежде болезнь, губившую всех подряд без милости. Среди публики покультурнее и пограмотнее то и дело, а чаще без дела произносились слова «холера морбус». Но, как водится среди людей, особенно среди русских, быстрее самой болезни распространяются пересуды, перевраки вплоть до грядущего конца света.

Тотчас же, по обыкновению в смутные времена, в уездах нашлись злоумышленники, гораздые мутить народ и превратно толковать каждый шаг и без того многогрешной власти.

НАВОЗНЫЕ КОСТРЫ

Миронов выслушивал полицейских чинов, вот уже две недели мозговавших над улучшением «народного безопасия» и дворянской неприкосновенности. Красный, будто варёный рак, от чрезмерного кипения винного кровохождения полицмейстер статский советник Чичерин по одному ему известной логике начал с отдалённой истории местного благочиния:

— В Тамбове, Ваше превосходительство, последние более четверти века порядок внешний и внутренний держался на единственном выдающем из ряда вон человеке — коменданте полковнике Булдакове Матвее Дмитриевиче, царствие ему небесное, почившем недавно в летах весьма почтенных и даже преклонных. Один звук «Булдак» страх поносный на разбойных и воровских людишек наводил. Право слово, выдающий дознаватель был, всякого наскрозь видел и на полсажени внутрь. Клещей на столе держал с десяток, дыбы, кобылки пытошные по углам стояли, но никого и пальцем — так, для устрастки. Полиция-то вместо комендантства учреждена была недавно, почти перед прибытием вашим в наши палестины. Людишек-то служивых всего ничего...

— Вы мне тень на плетень не наводите, — перебил губернатор. — Я спрашиваю, как с азиатской напастью бороться станете?

— У меня полицмейстер, два пристава, четыре столоначальника, регистратор с архивариусом и пять служивых — вот и вся рать, чтоб её обо...рать... Много ли навоюешь?

— Видно, подошло время такое, поносное — пронесло народ

русский до смертельного изнеможения. Так как же мозжете общественное спокойствие блюсти, ежели смертность начнётся многая, не дай Бог?

— Как блюли, так и блюдём. Что при чуме, что при холере, заботы у полиции одни — общий порядок сохранять. Те, кои уже померли, смиренные, те же, что болезные, пьяные вповал, опять же не бойцы...

* * *

Правительство как могло помогало попавшим в беду губерниям.

В начале октября 1830 года в Тамбов доставили из столицы, как было сказано в сопроводительном письме министра внутренних дел графа Закревского, «некоторые медикаменты, нужные к предохранению от гибельных действий холеры и аптекарские инструменты».

Миронов, проявив недюжинную энергию, разбудил равнодушную ко всему губернскую, уездную и волостную власть. За неделю появилась сеть застав, постов, кордонов, пикетов, карантинных.

Солнце и небо застлал смрадный дым от навозных костров. Доктора прописали сие вонючее курение как средство «отгоняния холерных паров и ветров».

В главное же лекарство признавалась и призвалась водка. Народ принимал её с обильным удовольствием. По улицам и выгонам шатались пьяные мужики и бабы, падая в свальном грехе, где попало, никого не смущаясь. Матово светились сквозь стелющийся по земле дым извивающиеся, лежащие друг на друге тела.

Обезумевший от смертельного страха народ, задёрванный до крайней степени безумными властями, сделался весьма чутким и жадным к любым самым грозным и небывалым вестям и слухам.

Состояние порядка полицмейстер Чичерин докладывал каждое утро.

— Среди обывателей, Ваше превосходительство, пошли на сильное распространение самые, можно сказать, неожиданные анакреоны. Самозванные наши ораторы твердят на сходках и сборках, что де никакой холеры нетути. Но это ещё полбеда — словеса, вреда никакого не несущие, но замечены секретными моими наушниками и противуправительственные речи, на ропот народ подбивающие. Крестьянин Семилетов из экономических в Бокине орал на весь майдан, мол, якобы помирают люди от отравы, пущенной господами и лекарями на воздух, в речку и колодцы. Одно ему оправ-

дание — пьян был в стельку. Горлопан схвачен под стражу, но таких всё более и более появляется.

— Плохо у вас служба поставлена! Я вчера в Рассказово ездил, проехал три кордона и ни одного стражника в трезвом уме не нашёл — все вповалку. На Новой Ляде с меня, губернатора, с пьяных глаз за проезд полтинник требовали. Иначе, грозили, в больницы запишем и в больницу, а оттуда один выход — ногами вперёд.

Губернатор полез в карман камзола, вытащил серебряную монету.

— Вот вам денежка — вручите своеручно старшему околотку на том кордоне и сразу по мемории за моею рукой волоките в острог, под стражу за лихоимство! Не мздоимство, а лихоимство, не просто, подлец, брал, что давали, а вымогал, что сам возжелал. Меня более тревожат не сами эти «цицероны», а согласие молчаливое и непротивление бездеятельное с этими оракулами в низших слоях власти нашей, всяческих сельских начальников — старост, писарей, сотских, ратманов. Дайте, Николай Иваныч, команду всем исправникам, чтоб каждого из них к присяге привели с росписью о бдительности и пресечении вредоносных слухов. Да, и пока не забыл: ввести надобно в Комитет по отвращению холеры медиков. Моршанского уездного штаб-лекаря Пономарёва, дивизионного доктора Свободу, двух докторов Баженова и Бриллиантова, Борисоглебского лекаря Венадута, штаб-лекаря Борисуцкого и казначея Яковлева.

В служебную залу губернатора, обширностью напоминавшую танцзал, устланную толстыми персидскими коврами, украшенную живописью Брюллова и Тропинина, вплыл, бережно неся своё обширное тело, дворянский предводитель Барятинский. Миронов поклонился ему накоротке — виделись утром на Сенной, при параде «холерного ополчения».

— Обеспокоил я вас по весьма неотложной причине. Посты, заставы, заслоны и кордоны по губернии выставлены во множестве достаточном — более тысячи, но порядок карантинный от ихней же недисциплинированности страдает. Мздоимство и своячество через верхние края перевалило. Ну как не пропустить, если сват едет на базар в Козлов, а ежели и незнакомый вовсе, то рубль серебром кинул, а? Или у деверя шурина женится, свадебный поезд с лентами и колокольцами несётся во весь дух, а? До холеры ль тут, если чарку поднесут! Вот я и решил просить вас поднять на подвиг гражданский, на дело благое сословие наше благородное. Каждый

помещик на своих землях со своими дворовыми выставляет заградительные караулы. Чего проще? У каждого владельца есть своя дружина охранительная, из самых дюжих мужиков составленная, вот и пусть займутся делом, обществу благоугодным.

Но, к вящему удивлению губернатора, предводитель замялся:

— Неволишь господ дворян в таком щепетильном деле... Собрание — сообщество добровольное, каждое лицо — лицо независимое. Заставить не могу, ежели только попрошу с поклоном...

— Неужто в сей грозный час каждый в своём имении норовит отсидеться? Ведь холера — она межей не знает, оград не ведаёт, в гости не спросится, мор идёт сплошной с востока и юга. Так что давайте-ка рассылат бумагу за вашей и моей рукою с поднятием долга гражданского в каждом дворянине земли тамбовской. Сотским и десятским ни правды, ни веры, ни надежды — они повсеместно на стороне толп неразумных, ропщущих.

Призыв Миронова дворянством был услышан. Большинство помещиков, видя в какое смятение и расстройство пришла жизнь, отворачивая носы от валяющихся по улицам и трактам то ли мёртвых, то ли мертвецки пьяных, вставали вместе со своими людьми в караулы, посты и кордоны, неся честную карантинную службу.

— Барина не укупишь! — сокрушались мелкие тезики, за версту объезжая дворянские заставы.

ЗАСЕДАТЕЛЬ ВОРОЖЕЙКИН

Земский заседатель Ворожейкин, приятно устроившийся для принятия трапезы, не успел выпить первую рюмицу и похлебать вчерашнего настоявшегося чесночного борща, в коем и ложка не клонилась, как за окном по глухому ропоту ощутилось присутствие толпы. Опрокинув в досаде вторую, коллежский секретарь, чувствуя конец утробным радостям — до третьей дело может не дойти, как был, без сюртука, в одном исподнем, поднялся из-за стола.

— Погодите, ваше благородие, — сказал хозяин дома, — спешить-то некуда, там хорошего мало. Ваша милость приказали для холерного кордона тридцать досок, двадцать жердей и три фунта гвоздей с тремя плотниками заготовить...

— Ну, приказывал.

— Ну, дык я цельных два часа мужиков уталкивал, а они ни в

какую: долдонят своё и хошь ты тресни — не верим ни в какую холеру и кордон никакой не нужен.

После пятой заседатель выпялил глаза:

— Это мы в каком же селении пребывать имеем место при наличии присутствия?

— Не в селе, а в большой дворцовой деревне Перкине. Как-никак две церкви срублено всем миром. Тута с незапамятных времён наши прадеды жили.

— Это твой дом?

— Мой.

— Значит, я твой гость. Гость и начальник. Что за люди на дворе шумят? Пошли-ка глянем.

Выйдя на крыльцо, судья сощурился от ударившего в глаза закатного солнца, оградился ладонью и грозно крикнул:

— Кто такие? Кто разрешал сходку?

После недолгого замешательства выступил из толпы неизбранный, а призванный миром староста, подстарок, мужик лет в пятьдесят, справный во всех отношениях, лапти и те у него в эдакую грязь — чистые, подшитые белой дратвою.

— Не в гневе сказать вашей милости, мы и без кордону холеру усмотрим, холера её возьми. Оченно превосходно знаем. Только уж вы не пеняйте, если мы с нею по-свойски разделаемся. У нас противу неё своя защита имеется.

Заседатель, к непокорству и пререканию не привыкший, числивший себя отчаянником неробкого десятка, отвесил «чистому» увесистую пощёчину, а другой рукой дал сильного «леца» стоящему рядом тощему малому. Тот ойкнул и повалился наземь. Ворожейкин же последнее, что увидел перед тем, как лишиться сознания, была ухмыляющаяся рожа, заросшая дикой рыжей бородой, и несущийся к его голове огромный, поросший такой же шерстью кулак. Толпа окружила чиновника и стала его нещадно бить. Сотский долго пытался по выгону, а когда понял, что заседателя задавят насмерть, а по Сибирке идти ему, запряг первую попавшуюся клячонку и подался в уездный город Моршанск.

В присутственном доме, задыхаясь, проскрипел по винтовой лестнице на второй этаж и бухнулся в ноги уездному предводителю князю Тугушеву. Князь, отличавшийся горячностью, пребывавши под горячительными напитками, прискакал в Перкино и в горячах стал требовать от мужиков выдать зачинщиков расправы над

заседателем и немедленной постройке кордона. Выдали не зачинщиков, а самого потерпевшего, покрытого сине-багровыми знаками народной любви и пьяного до бесчувствия.

Не послушались и предводителя, заявив уклончиво, но угрожливо:

— Слыхали, какая такая холера объявилась, нечего нам и толковать об ей!

НАСИЛЬНОЕ БЛАГОТВОРЕНИЕ

Миронов, осмыслив идущие со всех концов вести о слабых и сильных бунтах, понял, что только пресечение их воинскою силою позволит сохранить порядок в губернии. Отдал приказ:

— В Перкино послать драгунский баталион майора Казьмина. Пересечь всех зачинщиков и сообщников, а впрямую калечивших заседателя Ворожейкина заключить под стражу, волочь в военносудную комиссию и в каторжные работы.

Но страх недалёкой смерти оказывался сильнее повиновения властям. В те же дни, что в Перкино, смута охватила Никольское. Губернатор сам решил усмирить крестьян, взял с собой роту конных драгун, двух докторов и с десятков чиновников губернского правления.

У села Шаховка встретились капитан-исправник с двумя стражниками. Запинаясь и потая, губернский секретарь Романов Пётр Ильич доложил:

— Ни за какие коврижки и угрожания не хотят они иметь в деревне холерную больницу. Я на майдане сход собрал, а они ни в какую, в волнение пришли крайнее. Затвердили одно: ваши дела, мол, негодные, и с такими непригожими делами к нам в село ездить не можно. А три дня тому, как собрал я все наличные силы и с двумя докторами опять туда, потому что холера уж всё село обуяла — мертвяки по улицам и палисадам валяются, аки собаки дохлые, а занедужившие смерти предаются в несколько часов. Поначалу открыли больницу в волостном правлении, свезли всех больных, начали лечить, как положено — кровопусканием с последующей горчей ванной. Но тут же объявились баламуты, смутьяны-пьяницы — Медников и Карпов, по избам ставшие ходить, водку трескать и болтать нелепицы, что, мол, по наущению дворян, поляками и жидами подкупленных, лекари в больнице людей режут и в кипятке

варят. И как это только они исхитрились втихаря ото всех во главе со старостой и сотским за околицей, у Зарубаева на огородах собраться? Кто с чем — косами, дубинами, вилами и с криканьем и гиканьем больницу приступом взяли. Полицейские мои разбежались от греха подальше — своя жизнь дороже. Всё поразбивали, разграбили, больных по домам родимым растащили. Оба доктора еле ноги унесли. Мою квартиру захватили, я задами в лес Карианский и к вам навстречу.

Миронов приказал роте построиться в походный порядок и с примкнутыми багинетами строевым шагом под барабанный бой вступил в село. Устрашающий вид регулярного войска, оцетинившегося частоколом штыков, внушил смутьянам, и они сдались на милость победителей.

Но Миронов милостивым не был.

— Главных возмутителей и разрушителей больницы предать суду, а пока выпороть всех, кто в сходке бунтовской участие принимал. Назначаю следствие, капитан-исправником Романовым производимое. За малейшее неповиновение или воспрепятствование всякий взят будет под стражу без промедления.

Но Никольское издревле славилось разбойной непокорностью. Не утерпели мужики и в глупоте своей, на пьянстве замешанной, удумали подать жалобу на власти гражданские властям духовным — архиерею Евгению, наивно полагая, что враги-иноверцы с чинами уездными вкупе творят бесчинства. Галдели долго, пока дед Авдей мудро не изрёк:

— Снарядить надобно старателей к стряпчему мирскому Ильину, что на Мещанской обретается в Танбове. Ушлее его мастака всякие иски составлять не найдти нигде. С каждого по денежке — посланцам капитал. На всё хватит — на мзду, на бумагу гербовую, на магарыч стряпчему и чтоб кордоны пройтить, их почитай на каждой версте понавтыкали.

Ильин отыскался под лестницей в трактире Тулинова на Долевой. Когда его растолкали, он еле разлепил пьяные глаза.

— Какую меморию? С ума спятили? Народ мухами мрёт, а вы архиерею на губернатора... Удумали ахиною! Воистину дурачью закон не писан...

Но, смикитив, что тут можно поживиться, а похмелиться немедленно, потребовал:

— Ну-ка возьмите мерзавчик для поправления здоровья.

После трёх рюмиц народный стряпчий воспрял духом и воспарил разумом, обмакнул толстое гусиное перо, тонко отточенное, в стеклянную чернильницу и вывел при твердеющей руке и яснеющей голове на гербовой бумаге, громяющей, будто жестяная крыша:

«Обыватели села Никольское все обстоят благополучны, болезней повальных у них не было и нет, но гражданское начальство неизвестно почему выдумало, что в их селе завелась какая-то холера, и прислало для притеснения их чиновников и двух врачей...»

Старатели мирские тыкали заскорюзлыми пальцами в бумагу и просили:

— Ты, батюшко, уж напиши, что жителей наших сажают в ванны кипящие, а перед тем каждому кровь пускают немеряно, и от того многие в этой самой воде предавали души свои Господу без напутствия Святыми Тайнами.

Ильин ухмыльнулся, хлебнул винца, заорал дурным голосом:

— Сидели мы у речки у Гаврюшки...

И размашисто, с залихватской дерзостью противовластной завершил челобитную:

«...Знамо нам, что лекари куплены поляками морить народ, а начальство морочит, и никакой болезни у нас не было и нету!»

— Как подписать прошение?

— Дык как? Как положено, так и пиши.

— Как положено нельзя. Вы ведь ото всего мира жалуетесь?

— Вестимо, ото всево обчества, вестимо.

— Ну, значит, так и подпишем «Никольский мир». От толпы-то нельзя, только от одного лица. А от одного тож — это лицо сразу же в железа и по Сибирке. А мир весь вроде и все, и лицо, хоть и многих, а всё одно — общее.

За всю эту нелепицу Ильин содрал с тёмных поселян рубль серебром и, довольный донельзя, кликнул полового:

— Митька! Косушку, мяса, огурчиков и рыжиков солёных, да пошибче рогаками-то двигай! А то помру в одночасье — кто тогда за народ радеть станет?

Возвратившись домой, старатели людские собрали сход и зачитали сочинённую кабацким стряпчим несуразицу. Поселяне с умным видом выслушали послание к духовным пастырям и, вооружившись, кто чем пришлось под руку, двинулись вдругорядь громить больницу. Люди в селе мерли уже сплошь и подряд целыми

семьями и домами, падалища человечьи валялись по улицам, и некому их было убрать-похоронить. Во многих избах поумирали все, и жилища превратились в семейные гробы.

Горячие головы не остудил и холодный ноябрьский ветер с дождём. Распалённая водкой и близкой собственной смертью, толпа схватила доктора Гоффа, присланного из Тамбова:

— Ты, немчура, с умыслом тута смертоубийства творишь! Ты мужиков в горячей воде морил, посиди теперь сам в ней!

Привязали доктора к двум плавающим в воде холерным трупам, особенно усердствовали крестьяне графа Кутайсова. Видно, солоно им у него жилось. Полумёртвого от страха Гоффа, нахлебавшего вдосталь хлорной воды, едва успел спасти подоспевший из Загрядчины отряд стражников и холерных ополченцев во главе с дворянами Болдыревым и Шаховым.

Прошение Никольского мира не только не уважено, но и принято архиерейской канцелярией не было. Ходоков, старателей-страдателей за общество, наравне с иными многими бунтовщиками хватили сначала под стражу в губернский острог, потом после долгого сидения потащили в суд. Высекли их, бедных, батогами до кровавых полос и сослали на каторгу с поселением.

ХОЛЕРА В ТАМБОВЕ

15 ноября 1830 года кружившая поодаль и вокруг холера вступила в Тамбов. Миронов сидел в тронном кресле. Принимались доклады о положении дел. Первым загундосил вице-губернатор князь Кугушев, прозванный Крючком за привычку горбить спину, клонить голову и втягивать голову в плечи:

— Я, Ваше превосходительство, предваряя суть своего сообщения, должен сказать, что нынешняя эпидемия напугала наш народ до крайней степени. Почему? Очень по простой причине — он, народ-то, успел уже смениться со времён последней чумы в Тамбове, бывшей в 1771 году и собравшей обильный урожай людской. Полиция дозналась, что начало нынешней холере положил в губернии крестьянин Никифоров, возвратившийся с Нижегородской ярмарки...

Миронов, не в силах слушать пустословие, перебил:

— Ваши безголовые приказы и бестолковость лиц, должности

предержащих — вот истинная причина и холеры, и возбуждения городских и сельских низов. Наши доблестные чины не с холерой, а с народом тамбовским сражаются грабежами и вымоганием беспрестанным. Вас самого в железа заковать надо как начальника нерадивого и меня заодно — потатчика вашего слабого. Сколь раз я требовал прекратить всех без разбору брать в двухнедельный карантин «очищение», аресту по силе равный? А врачебная управа своим лечением дурацким с горячими ваннами и кровопусканием немереным бунты возбуждает повсеместно, почему и бьют и убивают докторов и полицейантов немилосердно. Из-за вас в городе вот-вот голод начнётся. Ни одного тезика хлебного или прасола не пустили, а магазины-то казённые пусты и порожны, все сусеки подмели!

Губернатор всё более усиливал голос:

— А кто указ дал об очищении всех товаров, в город ввозимых? Ну это ещё ладно, а аресты на товары купцов, холерой занемогших? Ко мне сегодня с утра купец второгильдейский Тулинов с жалобой пришёл. Отец его по ветхости лет в постель слёг, а чины с управы городской тут как тут, налетели воронами, вмиг всю лавку на Долевой и амбар на Астраханке опечатали, описали. Сын от воронья полицейского еле откупился за серебряный червонец и ко мне с прошением. Так вот, господин прокурор, за моей, не за вашей! За моей рукою ордер заготовьте немедля и всех мздоимцев, к сему делу прикосновенных, взять под стражу и сволочь в острог! Кому холера, а кому мать родная! Неужли неким дурьим головам невдомёк, что при притеснениях подобных жители заболевших скрывать начали, чтоб имущества не лишиться?..

Но момент был упущен без возврата, народ созрел к бунту. И главным подстрекателем стала смерть. Вымирали поголовно дома, семьи, улицы, слободы. Повсюду стлался вонючий дым тлеющего навоза, глаза ели пары хлорной извести.

Полицейстер доносил губернатору:

— Тревожные слухи, Ваше превосходительство, распространяют с одинаковой силою все слои общества. На той неделе в Тамбове Никитин — и ведь не кто-нибудь, а губернский секретарь, а тоже туда же — в трактире на Студенецкой разглашал во всеуслышанье, что де холерные начальники, не разбирая болезни, всех больных насильно ловят и забирают в больницы, залечивают в смерть, а потом сваливают кучами в ямы хлорные...

— Ну и что с сим возмутителем, чином отмеченным, сделано?

— В трактире народ пьяный, нахальный и против власти бесстрашный. Не отдали смутьяна. Пришлось ночью из дома в околоток волочь, во вторую часть. Сидит в холодной.

— Выгнать со службы без промедления, прошения и пенсионера. Выдать волчий билет и в двадцать четыре часа из Тамбова со свистом... Чтoб и духу! Нет, в острог и предать военно-судной комиссии за паникёрство и подстрекательство.

— Нынче утром пристав Теребилов отличился — ещё одного говорливого оратора холерного поймал. Мещанин по фамилии Сорокин — надо же, у болтуна и фамилия в строку. Теребилов его на базаре выследил, как он народ смущал.

Полицейстер скорчил мимикрическую физию, зачастил, передразнивая то частного пристава, то базарного оратора:

— «Слыхивал я, братцы, от верных людей, будто турецкий султан продаёт евреям Иерусалим, и, как продажа совершится, все евреи со всего лица земного соберутся в обетованную землю свою, и настанет жидовское царство. Русские же не хотят заступаться за святой город, и вот за такое поношение гробу Господню посылает Господь на русских людей холеру...» — «И дорого ли продаёт Иерусалим султан?» — «Знамо! За великие миллионы. У жидов этих миллионов без числа и меры». Тут наш пристав и вмешался в разговор. Спрашивает: «А где султан будет купчую совершать? В уездном суде или гражданской палате?» Тогда Сорокин, видя власть, смешался и начал оправдываться пересказом чужих речей, а не собственной головы мысли. Сей час сей Сорокин доставлен в полицейскую часть, где и производится над ним дотошное дознавательство.

ТАМБОВСКИЙ ПРИЧТ

Вырванные из привычного уклада ближним могильным страхом, люди кинулись за помощью к последнему прибежищу — Богу, но и ежедневные богослужения не унимали, а иногда, напротив, приводили в брожение умы и чувства.

В Борисоглебском уезде в селе Бурнаки паства после обедни вышла из церкви, но не разошлась, а сгрудилась с глухим ропотом у чугунной ограды. На шум появился священник Савринский. Его окружили недобро и учинили допрос:

— Скажи-ка, батюшка, имеется ли под полом алтаря утверж-

дѣнный в земле крест и не наклонился ли он на сторону?

— Для какой надобности вам это знать нужно?

— А для того, чтобы упавший или наклонившийся крест поправить — тогда холера и прекратится.

Благословения ждать не стали, выломали ломами из основания церкви кирпичи, перекрестились трижды и полезли под алтарь. Когда из пролома высунулась голова и объявила, что креста никакого нету, по толпе прокатился злой ропот. Староста бурнакский старик Трошкин упѣрся:

— Должен быть, непременно должен! В каждую церковь крест кладѣтся. Знать, его поп Савринский упѣр. Скрал и пропил. Всем знамо — питок он отменный и из кружек церковных горазд медяки выуживать.

Хвать, а священника и след простыл. Толпа взревела и кинулась к его дому. Выволокли бедного причта и стали допытывать:

— Ты крест серебряный у нас украл и продал губернатору Миронову?

Савринский схитрил и тем спас себя и дом свой:

— Боголюбивые мои чада, взываю к вашему разуму! Рассудить нас может только одно лицо — епископ Евгений. Давайте же выберем ходоков к нему, а в прошении спросим, был ли крест под алтарѣм аль нет.

Обыватели на эту удочку клюнули, выбрали челобитчиков-ходоков, которых постигла та же участь — острог, кнут, каторга.

На другом конце губернии в селе Озерки Козловского уезда священники прямо науськивали православных:

— Ежели не уничтожите больницу — мы вас отлучим от церкви!

А сами в церковь ни ногой. Ни службы по полному кругу, ни крещений, ни отпеваний. Прихожанам деваться некуда — разнесли всё в щепки. Больных — по домам, докторов пинком под зад из деревни. А односельчане помирать стали один за другим.

Но большинство приходских причтов являли действия богопризненные и возрождали в отчаявшихся надежду и веру.

УСИЛИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ

Мионов давал всё новые и новые приказания, усиливающие карантин, затрудняющие расползание заразы.

На этот раз собрал он командира гарнизонного батальона, начальника почтамта и управляющего врачебной конторой.

— Меры предпринимаемые результаты дают слабые и холере не препятствуют. С завтрашнего дня требую следующего: во-первых, караулы инвалидские и полицейские сменить воинскими по семи рядовых во главе с унтер-офицером. Сие касаето только пограничных уездов с неблагополучными губерниями, откуда к нам и пришла холера — Саратовской и Пензенской, то бишь Кирсановский, Моршанский, Борисоглебский.

Помолчал и добавил:

— Надеюсь, господин полуполковник, что ваши нижние чины, как полицианты на взятки не позарятся. Вчера поезд из десяти возов на Гавриловском кордоне за два рубля пропустили. Вот она красная цена нашим заслонам. Э-э-эх, да что тут говорить, если эта холера без мзды всюду проникает.

Губернатор скривился, словно горечь проглотил.

— Вам, Василий Николаевич, — он кивнул начальнику почтового ведомства коллежскому асессору Минаеву, — надлежит выслать на все граничные посты чиновников для особого приёма писем и посылок. Всё необходимо окуривать хлорным газом и заделывать в новые ящики и сумки. Да, да, иначе преграды не поставит действенной. Ни под каким соусом не пропускать овощи и фрукты, в особенности дыни — сей продукт наиболее подвержен заражению. Полиции же иже с прежними тяготами поручается переписать во всех городах цирюльников и отдать их в полное и целое повиновение лечебной управы, считая воинской повинностью, и взять с них письменную подписку о невыезде никуда. Вынужденная эта мера связана с тем, что в больницах стало прибывать большое число людей, коим кровопускание необходимо, а докторам и половину операций делать недосуг.

Губернатор многозначительно поднял вверх указательный палец:

— Но платить цирюльникам нечем, казною не усмотрено, потому разрешаю полиции реквизировать у корчмодержателей незаконных водку и раздавать им бесплатно. По штофу на день, тем паче, что она тоже признана огненным и лютым врагом холеры. Вам, господин Эйхман, как главе лечебной конторы выделяю тысячу рублей на привлечение докторов из иных благополучных мест, а то дошли до того, что на два уезда один врач остался. В такой крайности в Кирсанов ветеринар Александровский послан людей лечить.

* * *

18 октября 1830 года Миронов получил пакет от министра внутренних дел:

«От 14 числа минувшего сентября я поручал Вашему превосходительству, чтобы всем докторам, состоящим в ведении вашей губернии, дабы они, врачуя страждущих холерою, точно наблюдали за всем ходом болезни и исследовали её свойства.

Поражения холерою бывают в разном виде. Она начинается расслаблением и болями в голове, затем сопровождается рвотой, поносом, судорогами, прекращающими жизнь.

Вскрытие тела показывает, что в каждом необходимо разрезать пищеварительный канал на всём его протяжении и наблюдать, какие признаки воспаления, как то: краснота, пятна Антонова огня.

Прошу собрать от каждого медика описание заразы и выслать мне. Министр Внутренних дел Закревский».

СТРАШНАЯ ЖИЗНЬ

Смертоносная болезнь брала своё.

Уездный лекарь Ингверсен и частный врач Беккер готовились вскрывать первый холерный труп в Моршанске. Приготовили ланцеты, щипцы, иглы, нитки, но в морг ворвался больничный смотритель купец второй гильдии Ширяев и прогремел непререкаемо:

— Резать тела не велю, а коли ослушаетесь, то позову народ и всех вас тут перебьём, как собак!

— Поймите, труп вскрыть надо непременно, иначе причина смерти неизвестной останется. Холера это или что другое?

Купец притопнул хромовым сапожищем:

— Молчать, басурманы, и поступать у меня по-Божески, а не по-немецки! Ну-ка, вон отседова!

Бедные эскулапы побросали инструменты и едва успели унести ноги через ту дверь, где покойников выносят. Третьего сентября в губернское правление прискакал ополоумевший нарочный, завопил:

— В Рассказове у нас холера! Смотрительша станционная Богу душа отдала!

В тот же день преставилась от неведомой болезни в селе Карай-

Пушино Кирсановского уезда шестидесятилетняя старуха Ирина Иванова. Ударило ей в голову в послеобеденный час, в ногах и руках костяные судороги, а пальцы никакими силами из кулака не разожмёшь.

Четвёртого сентября прыгнула холера на село Алабухи Борисоглебского уезда. В четыре дня убрались 6 баб и 4 мужика. Село взяли в кольцо мирского кордона. Миронов, узнав о вспышке, в спешке послал туда губернского советника Попова и врача Грамбаума.

Через полторы недели, 14 сентября, после трёхдневного поста, объявленного архиереем Евгением, Тамбов обошёл крестный ход. Народ для него собирали полицейским уведомлением.

В тот же день в Моршанске посреди пригородной слободы собрался мирской сход. Под самый конец из соседнего кабака вывалился местный буян из экономических крестьян Иван Коршунов и заорал благим матом:

— Братцы, помирать надоть! Ночь на 26-е весьма будет неблагой. Холера к нам заявится и выберет, кто ей глянется!

От таких слов вся слобода смутилась, а в предсказанную ночь никто не спал, все бродили по улицам и ожидали неведомых несчастий и бедствий. Но пришло утро, и ничего не случилось. На радостях лжепророка и смутьяна крепко поколотили и посадили в острог на полгода, лишив навсегда права участвовать в сходах и выборах.

У страха глаза велики, и люди кажущееся принимали за действительное. В село Старые Копылы Лебедянского уезда, что на реке Красивой Мечи, прибежали бабы из деревни Могилки с вестью:

— Видали мы поляка, как он в реку холст с холерным ядом бросал!

Орали они взахлёб и вперебой. Мужики с дреколем поймали злоумышленника, для порядка, как водится, сперва порядочно избили, выловили и холст.

На другое утро в суд пришли две бабы из Старых Копылов и просили отдать им за ради Христа и по бедности холст, упущенный ими в воду. Поляк на поверку оказался не злодеем, а дворовым человеком помещика Клишина — барин послал его в Елец на почту...

Шестнадцатого ноября инспектор врачебной управы Кашинский доносил Миронову:

— Вот уже вторую неделю в Тамбове умирает по-серединному пять-шесть человек. Похоронные команды уже дважды сменились. Срочно требуется пятьдесят пар кожаных рукавиц и столько же ко-

жанных халатов с капюшонами.

— Пятьдесят пар халатов?

— Нет, просто пять десятков. Потребны они немедля, похороны умерших происходят постоянно и непрерывно.

Миронов вызвонил секретаря:

— Василий Николаич, у нас кожевненных дел мастера имеются?

— В Тамбове с десятком, в Козлове два, а более всего в Морше — там испокон веку кожу выделывают.

Проблему решили.

СЛУГИ СМЕРТИ

По улицам города день и ночь разъезжали «слуги смерти» — страхолюдные фигуры в чёрных блестящих одеждах-балдахинах, с масками на лицах, со сверкающими в прорезях глазами. Завидев лежащего или шатающегося, эти призраки закидывали беднягу в повозку и везли в больницу или в трупарню.

Горожане, уверенные врачами в единственном спасении — крепком вине, во множестве ударились в беспробудное пьянство, потому и по обочинам и сточным канавам валялись по большинству не больные, а мертвецки хмельные.

Сквозь караул и секретарей к Миронову пробился коллежский регистратор Никитин — молодой, не испорченный ещё службой и жизнью смелый человек.

— Ваше превосходительство! Только ваша власть и может повлиять! Негоже так-то, как творится. Холерные повозки с «балахонами», вы уж, верно, слышали, так полициантов и фельдшеров, по городу разъезжающих, прозвали, всех встречных-поперечных без разбору волокут насильно в больницу, а там лечение одно — бултых в горячую ванну, где пьяный брадобрей ланцетом тыкнет и кровь выпустит почти до капли, не хуже убийцы любого. Бывает, всё тело исколет, пока жилу кровяную найдёт. Они ведь, кроме как головы стричь, никакой медицине не обучены. Случай был: человек ещё Богу душу не отдал, хрипит-дышит, а его уже в хлорную яму в общую с мёртвыми, в одну кучу...

— Откуда вы такими сведениями вооружились?

— На собственном опыте претерпел. Неделю назад, пардон, пришлось надраться у купца третьей гильдии Воротникова Василия на

именинах, а очнуться в канаве с хлорной известью в обнимку с бабой мёртвой, раздувшейся бочкой. Еле выбрался, отмылся, а глаза прожглись, до сих пор слеза градом.

Никитин был близок к истине, как и к смерти. Тоскливый замогильный скрип крытой кожей телеги далеко разносился по тёмному городу. Услыхав этот монотонный, выворачивающий душу звук, замолкали даже цепные псы и, жалобно скуля, заползали в свои будки. Спереди на козлах и сзади на «закорках» воза виднелись страшные фигуры, напоминающие мешки с головами.

Однажды внезапно повозка закачалась, затрещала, неведомая непреодолимая сила втянула ойкнувшего кучера вовнутрь, кинувшись было ему на помощь «балдахины», будто сбитые ураганом, покатались по улице. Из-под затрещавшего полога поднялась громадная фигура, площадно ругающаяся и беспощадно метелящая холерную команду, погрузившую на свою беду пьяного до бесчувствия силача с Нового Тамбова Гаврюшку, ломавшего одним ударом оглобли и перетягивающего двух мерингов или пятнадцать мужиков.

— Меня, Гаврюху, в больницу?! На смерть верную? — орал богатырь. — Да я вас тут всех и порешу, околотни безмозговые!

Как водится и доныне, власти наши любое дело благое принимают доделывать и переделывать, превращая в свою обратность вредную. В середине ноября горожане, доведённые до крайней степени возбуждения и бесстрашия смертельной болезнью и в не меньшей степени глупыми шагами властей городских, готовы были взорваться бунтом. Пороху в костёр, как обычно, сыпануло само же начальство. К вечеру 17 ноября по приглашению городского головы купца Байкова перед городской Думой собралась многолюдная толпа — обсудить насущные дела.

* * *

Губернатор в это время принимал очередной доклад инспектора врачебной палаты Кашинского. Старый доктор равнодушно и монотонно (самому осталась недолгая жизнь, а потому драгоценная), как дьячок, гнусил страшные вести:

— Вчерашнего дня умерли титулярная советница Митянина, губернская секретарша Евстигнеева, вольноотпущенный Иванов Димитрий, дворовая Власова... Дошло до того, что оцепление домов заболевших оказывается ненужным делом и даже бессмысленным

— люди в них и соседних домах мрут, как мухи или как тараканы...

Губернатор с укоризной покачал головой:

— Уж вам-то, господин Кашинский, к лицу такие сравнения не пристали. Сегодня скольких несчастных Господь прибрал?

— Семерых. Семь душ.

— Я в лекарском деле не ахти, но здравая мысль подсказывает, что энергические ваши меры вызывают результаты нежелательного свойства и даже опасные. Каждый день и помногу раз слышу я, что повозки, по вашему желанию изготовленные, собирают не столько больных, потому как горожане их давно уже по огородам и баням прячут, а накуликовавшихся чрезмерно или другими болезнями занемогших. Очнётся такой в больнице и ломится оттуда вон, дороги не разбирая, разбивая окна и двери. У вас ведь лечение одно — кровопускание в паровой воде.

— Не только. Вовнутрь даём каломель, опий. Что же касается цирульников, то это отчасти верно. Да и, посудите сами, откуда им анатомии азы знать? Вот и получается — на безрыбье и парикмахер хирург.

— Я вижу, вы не понимаете всей серьёзности положения! В народе утвердилось огневзрывное мнение, что доктора в сговоре с губернатором нарочно морят людей. Вы выйдите вечером на улицу — ни души, ни огонька, всё на глухие запоры закрыто. Обыватель в уверенности непоколебимой пребывает, что больница не лечит, а убивает. Жалобщики и стряпчие доброхотные собрались самому государю челобитную писать.

ИЛЬИНЫ

Миронову доносили верно: главным лицом оппозиции выступал тот же Данила Ильин. На этот раз ходатаем его выбрали тамбовцы. Им было заготовлено письмо на имя царя и ходило по домам, собрав уже 167 подписей.

По городу расплозлось изречение Ильина: «Не холера опасна, а своеволие начальническое страшно!»

Цель же у него была отнюдь не мирская, не общественная, а своя, злобная и мстительная губернскому правлению за то, что выгнан был за пьянство беспробудное без прошения и пенсионна, за мздоимство и казнокрадство мелочное — авось и сковырнуть са-

мого Миронова сподобится за действия преступные и бездействия попустительские.

В ближайших сподвижниках Ильина ходили трое сыновей, известных всему городу забияк и пьяниц, — Иван, Николай и Михаил. Мать их, милостивая добрая Груша, умерла при последних родах, оставив мужа одного с тремя детьми. Воспитал он их как мог и сумел.

— Ну что, мои родные, — сказал Ильин сыновьям, — пришла пора постоять за себя и общество тамбовское!

Миронов, услышав непривычный шум, пошёл к окну.

— Это ещё что за сборище в такое время заразительное?

В лучах заходящего солнца шевелила тысячами голов чёрная толпа. Опасаясь опоясанного полицией и гарнизонным батальоном дома губернского правления, она жалась к красному строению градской Думы.

— Голова Байков собрал, чтобы успокоить, за свой кошт бочку вина и пирогов с потрохами выставляет, — ответили губернатору. — Каждому по чарке с куском достанется.

— Я в который уж раз убеждаюсь, у нашего головы вместо головы заднее место. В такое-то время и народ собирать? Смерти подобно!

Свободные горожане, мещане, однодворцы, слободские, разного разряда крестьяне — экономические, крепостные, дворовые — сначала стояли тихо и молча, но потом начали галдеть, словно потревоженные гуси. Подогрев дармовой выпивкой давал себя знать, раздались крики, возгласы:

— Нету никакой халеры!

— К чему-та народ в больницу тянуть?

— Тама людёв варють и режуть!

— Губернатор полякам продалси!

— А дохтора жидам!

Миронов, тщетно удерживаемый подчинёнными, без шинели и шапки выскочил на улицу, поднял вверх руки и, дождавшись внимания толпы, закричал:

— Сограждане! Вот уже четыре месяца, как мы неустанно боремся со смертельной болезнью, азиатской убийцей ни в чём не повинных наших жильцов «холерой морбус». Она есть и ежедневно пожирает, словно зверь ненасытный, десятки жизней человеческих. Заявляю вам, как хранитель верховной власти и высочайше

властью наделённый человек: ни полиция, ни врачевная управа никаких прогивузаконных и вредных действий не производят. Ничего худого! Вот без них бы было бы совсем худо. Несмотря на препятствия и препятствования любые...

Миронов от холодного воздуха дал «петуха» и вдруг почувствовал себя немощным и старым. Слова вылетали из него дребезжащими и тихими. По бегаящим глазам и раззявленным ртам губернатор понял, что его не слышат и не слушают. Зато он явственно видел, как людское скопище наполняется враждебной звериной силой. Подобно дикому осиному рою оно загудело, и гуд этот стал нарастать, шириться, становиться злым и опасным. Слов было не разобрать, над площадью стоял один сплошной, длящийся бесконечно стон. Сквозь звуковую пелену прорывались крики:

— И губернатору не верим! Он сам из поляков! Не верим!..

Стоящий рядом чиновник особых поручений Чичерин вскрикнул и закрыл лицо руками, но поздно — сквозь пальцы потекла кровь: камень разбил ему лоб и нос. Полицмейстер сзади громко зашептал:

— Ваше превосходительство, ретироваться надо, смелость тут лишь во вред. Они на вас, как бык на красную тряпку. Пользы никакой, а до беды недалече.

Спохватившись, вышел поперёд губернатора, заслонив его необъятным своим туловом от каменных бомб. Миронов зло и безнадёжно махнул рукой. Почувяв слабость власти, мещане почувствовали себя хозяевами города. К ночи бунт разгорелся.

— Наше царство наступило! Теперича свои порядки устанавливать будем!

Ильинские недоросли, опьянённые водкой и властью над толпой, подбили людей идти на Первую городскую часть отбивать посаженных полицией в холодную и взятых под караул три дома с больными холерою. По дороге бунтовщики разгромили кабак купца Тулинова и с бутылками пошли на приступ. Полицианты разбежались. Частный пристав первой части Шалюгин, неизвестно откуда взявшийся в ночи, размахивал конской плёткой, пытался выгнать людей из смертных домов.

— И что вы творите, олухи царя небесного, а? Завтра сами падалицами станете! Все вон, разойтись! Супротив власти пошли? С ума соскочили от винища? Вон отсюда, пока я добрый!

От него вяло отмахивались, отталкивали, попросту не замечали.

Потому как слыл он полициантом незлобным, взятки брал милостивые, рукам воли почти не давал. Но когда странный страж порядка стал охаживать нагайкой направо и налево и у старика Антипа запылала на щеке багровая полоса, мужики схватили ретивого поручика, связали, а старший Ильин подлил масла в огонь, давно ненавидя бывшего сослуживца:

— А ведь эт ты колодцы на Коменданской отравлял. Сам видал, как чой-то туды сыпал. Бей его, братцы!

Избитый до полусмерти, Шалюгин очухался только к утру и еле добрался до дома. Оклематься он, жестоко простудившийся на холодной земле, так и не смог. Привыкши отогревать перцовкой вечно зябнущие душу и тело, спился, долго болел, хирел и, протянув на хилом пенсионе с десятков лет, лёг в гроб живым скелетом. Видно отшибли земляки благодарные ему в ту холерную ночь жизненную жилу.

Насытившись буянством, толпа к утру разошлась. А в губернском правлении всю ночь горели свечи, потрескивая в спёртом от многих людей и напряжения воздухе.

Миронов собрал власть предержавших: вице-губернатора, председателя дворянства, председателей палат, прокурора, полицмейстера, архиерея Евгения.

— В городе свирепствует мор, каждый день умирает по 5-7 человек. Врачи обещают неутешительные сведения. Погоды тёплые пособничают болезни. Спасение же в холоде — морозе и снеге. Но холера заразительна неповиновением и бунтовством — тут уж от власти зависит лечение и здоровье народное, на безопасности общества зиждущиеся. Для того и собрал вас и желаю сначала выслушать каждого, какие способы применимы для достижения спокойствия в губернии в общем и Тамбове в частности.

ШТУРМ ГУБЕРНАТОРСКОГО ДОМА

На излёте осени, 26 ноября, ещё большая толпа подступила уже к самому губернаторскому дому. На крыльцо, навстречу вышедшему Миронову, дерзко выскочили десятка полтора во главе с Захаром Мартыновым, дико от страха и собственной смелости заоравшим:

— Мир требует, чтоб халеру в отсутствии пребывающей признать! И чтоб следствие открыть по смерти Просина, в больницу

силком взятого и тама уморённого до погибели! Его зарезали и сварили дохтора — поляки жидовские! Дайте указ тело его вырыть и проверить, от чего он Богу душу отдал. Вон вдова с тремя мальцами стоит, осталась без гроша к жизни.

Баба не выдержала и зарыдала:

— Отдайте мне мужнино тело, отдайте, Христом Богом прошу! Покойник припадками страдал, а холеры-то у него никакой не было...

У Миронова достало благоразумия не вступить со смутьянами в ссору и спор. Он молча повернулся и собрался было уйти, но путь ему преградили кулачные бойцы брата Ильины.

— А не угодно ли Вашему превосходительству с нами пройти посмотреть, что в больнице творится?

Они держали губернатора за руки и водили по палатам, показывали грязь, кровь, мутную воду в ваннах, пьяных цирюльников и облитые извёсткой трупы. Старший Ильин укоризненно покачал головой:

— Вот вам ваши порядки!

Неожиданно Евлампий Акимов вырвал у караульного офицера саблю и переломил её о колено, остальные солдаты никакого сопротивления не оказали — все они были из местных. Куда же супротив родных и соседей лезть?

Тут, на свою беду, из дверей выбежал фельдшер Данилов. Многие всегда проворнее одного — его поймали и стали немилосердно избивать. Губернатора никто не удерживал, и он сам, успев увидеть, как толпа начала громить больничные бараки, как из смертного сарая вытащили несколько трупов, среди которых солдатка с прижатым грудным ребенком, пешком пошёл обратно в губернское правление. Вслед донеслось:

— Вот злодеи, и малых ребят им не жалко!

На Никольском мосту его остановила разбойная шайка.

— Ты глядай, никак енарал попалси!

Миронов в отчаянном порыве выхватил шпажонку, чем вызвал приступ громкого смеха. Здоровенный мужик в лисьем малахае предупредил:

— Ты, барин, спрячь жичинку-то свою, спрячь, не балуй!

Со стороны базара послышался топот, заметались факелы — подоспел генерал-лейтенант Зайцев и драгуны с примкнутыми багинетами наперевес.

В губернском правлении окружённая охраной, батальоном внут-

ренной стражи, заперлась на все засовы губернская власть. С рассветом губернаторский дом оказался в круговой осаде. Генерал Зайцев построил солдат и, дабы разогнать смутьянов, дал команду:

— К заряду!

Но из первой роты раздалось:

— Мы, Ваше превосходительство, ружья-то зарядили, да только в своих стрелять не будем.

А из четвёртой добавилось:

— Первые-то пули в губернаторские окна, не иначе!

— Изменщики! Все под военно-судную комиссию пойдёте!

К полудню началось воздействие религиозное. Явился архиерей и, не вылезая из кареты, возгласил:

— Холера от Бога, за грехи наши!

— Нет, холеру господу придумали! — раздалось в ответ. — Не разойдёмся, пока не разгоним её!

Евгений перекрестил непутёвую паству и ни с чем уехал в Казанский монастырь молиться за заблудших своих овец. К вечеру сильно похолодало, пошёл дождь. Смутьяны стали расходиться, обещая на следующее утро штурм губернаторского дворца.

Миронов снова всю ночь бдел в правлении, разослав в Липецк и Козлов конных посыльных с приказом о немедленном и быстром направлении в Тамбов воинских команд.

В рассветной дымке огромная злая толпа горожан стояла перед губернаторским дворцом. Ильины готовили народ к приступу. Но вдруг загудели-завонили все и враз колокола городских церквей. На Соборную площадь торжественно и чинно вошла процессия священников во главе с архиереем Евгением. Народ потянул долой шапки. Началось длинейшее по полному церковному кругу служение с акафистами в честь Христа и Богоматери, с бесконечными коленопреклонениями, затем Евгений увлёл народ в крестный ход вокруг города.

К полудню возвратившийся народ увидел площадь, оцепленную плотным кольцом войск, подошла помощь из других городов. Бунт выдохся и сошёл на нет. На следующий день Миронов начал расправу над бунтарями.

Через неделю форсированным маршем прибыли из Курской и Харьковской губерний батальоны Вятского и Казанского полков. С оркестром и песнями в город вошёл Митавский гусарский полк. Всё стихло. Вместе с холерой кончилось и народное беспокойство.

Миронов доносил министру внутренних дел империи: «Бунт прекратился». Но сомнения оставались. К губернатору приходили совершенно разные люди: доктор Алтчер, дьякон села Никольское, а доказывали одно — «Никакой холеры не было». И действительно, холера действовала слабо, даже врачи иногда путали её с расстройством желудка. Пришло письмо от помещика Петра Оленина из Экстали:

«Ваше превосходительство, забудьте в это тягостное время всякое снисхождение, свойственное Вашему доброму сердцу, как начальник поступайте со всей строгостью. Убеждаю Вас Богом прекратить рекрутский набор, бывший в губернии для общей безопасности. Рассвирепевшая чернь опаснее зверей».

Уже 22 января Миронов вызвал начальника губернской канцелярии, приказал:

— Вот вам три дня, составьте и пошлите в дослед к наградным спискам на врачей наших героических: Кашинскому и Барицкому — Святого Владимира Четвёртого, а Герасимову с Венецким — Станислава тоже Четвёртого. Поподробнее распиши подвиги их холерные.

Глубокий врач и умнейший доктор Кашинский, получая из рук губернатора орден, задумчиво и грустно покачал седой, но ещё кудрявой головой и то ли спросил, то ли утвердил:

— Кто знает, почему во время холеры и после сумасшедших у нас в губернии прибавилось значительно?..

Губернатор долго обдумывал и наконец-то отправил на высочайшее имя донесение, давая волю своим мыслям:

«...В незаконных и богопротивных действиях тамбовских мящан и однодворцев я усматриваю не одно простое неудовольствие на меры, предпринимаемые против холеры, но подразумеваю гораздо важнейшие намерения злых людей, которые действуют страшным образом, посредством сих невежд на народное возмущение. Однако таких злых людей и их важнейших намерений ни суду, ни следствию не оказалось».

Присланный из столицы помощником, а больше подсмотрщиком и мешальщиком флигель-адъютант граф Ивелич постоянно вставлял палки в дела военно-судной комиссии и в конце концов так надоел Миронову, что старик не выдержал:

— Граф, при вас судьи ни тпру, ни ну, ни шагу без ваших оценок. Или отойдите в сторону, или я обращаюсь высочайше.

Как издавна повелось на Руси, вслед за жестоким бунтом началась самая немилосердная расправа, не менее дикая, чем при Емельке Пугаче. По острогам маялись три сотни возмутителей. Батальон походным маршем отправлен был на Кавказ усмирять горцев, раз на своих пороху не хватило. Весь город наказан был трёхмесячным постоем войск, присланных на усмирение и утихомиривание.

Публичная экзекуция состоялась 1 сентября 1831 года на Базарной площади, посыпанной белым рассыпчатым цининским песком и оцепленной конно-пионерным эскадром, специально прибывшим из Липецка. Целый день раздавался свист розог и нагаек. Высекли до полусмерти 82 человека, а до полужизни ещё сотню. Ильиных, обречённых на двадцатилетнюю каторгу, били кнутом на отдельной скамье. Скамья скрипела тяжёлой дубовой плахой, а братья зубами от нестерпимой боли. Под старшим скамья развалилась, и он побои не осилил — умер в лечебнице.

КОНЕЦ ГУБЕРНАТОРСТВА

20 декабря 1835 года губернатор, прочитав срочную депешу из Санкт-Петербурга, запоздавшую на две недели из-за беспросветной пурги, обомлел, всплеснул по-бабьи руками и дал секретарю нервическое распоряжение об облачении всех чиновников и обер-офицеров в парадные мундиры и сборе их в губернском правлении к двенадцати часам пополудни.

Камердинер, он же дворовый мужик Прохор принёс на пяти деревянных вешалках парадное облачение правителя. Донёсся запах полыни и ещё какой-то дурманной травы, от чего губернатор зажмурился, к запаху домыслились скошенные луга, тёплое солнышко, суматошное пение птиц, ворчливое кваканье лягушек в Вороне. Тряхнул головой, вытряхивая наваждение. Остался только горьковатый привкус травки, отпугивающей моль.

Обильное золотое шитьё вилоось витиеватой канителью по воротнику, продолжаясь неведомыми чужедальними растениями на обшлагах рукавов и карманов. Золотые васильки, колоски и листья вновь напомнили знойный луг и берег реки.

Внешнее великолепие генеральского мундира, как и всегда, вызвало внутреннее ликование и гордую самодостаточность от достигнутого высшего — четвёртого — разряда действительного стат-

ского советника. Такие же узоры лишь у сенаторов и чинов придворных второго и третьего классов — обер-маршалов и обер-тралмейстеров, да ещё у послов чрезвычайных и полномочных. Выслужился, можно сказать, въехал в избранные из немногих, в посвящённые, в священные чертоги власти. Таких во всей империи и тысячу не наберётся!

Мионов провёл волнуемой рукой по холодному узору, по витому крест-накрест шнуру, тянущемуся по бортам сюртука. Облачась в чёрный бархатный кафтан, губернатор долго и тщательно завязывал в галстук белый шёлковый шейный платок.

Нацепив ордена, надев голубую ленту правителя губернии, пристегнув слева шпагу с красным темляком, Мионов взял неудобным жестом под мышку шляпу-треуголку, обложенную по краю серебряным шнуром, и направился в совещательную залу.

Собравшиеся встретили его невообразимо пёстрыми одеяниями, а коллежский секретарь Абереутов умудрился явиться в домашнем халате и полосатых портках...

— Кто тут председатель? — строго спросил губернатор.

Но, глядя в немигающие глаза вице-губернатора, вспомнил, что он сам собственной персоной и по должности председательствует в приказе общественного призрения, как и в десятке других комиссий, комитетов и палат. Озлившись уже на себя самого, закричал:

— Вон со службы, околотни! Чтоб духом вашим тут... не пахло.

Но, подумав, что все дела в одночасье остановятся производством, добавил:

— До завтра! И чтоб по формуляру и инструкции до последней пуговицы одеты были, иначе без прошения и пенсионера к чертовой матери! С волчьим билетом!..

Вернувшись в правление, хотел было вызвать писаря, но в бешенстве не заметил, как сам схватил перо и начал писать председателям палат, всем капитан-исправникам:

«Требуя неукоснительного и должного соблюдения высочайше установленного порядка появления к должности и приличий при отправлении службы, предписываю:

Ни единому из чиновников, коим положены по чину и рангу мундиры, иначе к должности не приходиться, как в должной одежде, за чем следить обяыываю вас неотступно. О каждом, даже незначительном нарушении докладывать ордером в правление без отлагательств. Прошу запомнить, что нарушение формы в прямой при-

чинности ведёт к ущемлению содержания всей службы государственной».

Старик губернатор к жизни давно уж обесцветился, трогала его только служба, власть над людьми и обширным краем, силы вливали, лекарством чудесным тело на ногах держала, а голову в мыслительном порядке. Чуял безошибочно, сшиби его с губернаторского трона, смерть его тут же и из жизни вышибет.

Пригласительный ордер в Правительствующий Сенат обрадовал — видно, обещанный Владимир Второй ожидается...

На Сенатской дальше приёмной не пустили. Незнакомый титулярный советник, длинный как жердь, петушиным голосом зачитал высочайший указ об отставке.

* * *

Время не конь, в узду не возьмёшь, не остановишь. Пришла немощная старость и к бывшему тамбовскому гражданскому губернатору действительному статскому советнику и кавалеру троюродному, владетельному помещику Миронову Ивану Семёновичу. Природа не человек, она каждый год весной в молодость преобразуется, а он и в мае стареет. Кровь старая жилы холодит, в дрожь бросает. Только душегрейка из старого Полкана, пятнадцать лет верой и правдой служившего, тепло отдаёт, будто живой ещё пёс, по пятам за хозяином ходивший.

Но и его, засохшего чиновника, листочки клейкие и цветочки желтые обманули-обмишулили: почудился он сам себе юным и резвым, тонким и звонким. Даже кости ломить, а поджилки трястись перестали. Как так получилось, что всё позади? Неправильно это и несправедно. Не по-Божески. Умирать в старости страшнее, чем в молодости, потому что грехов уж никаких, чистый ангел, но во плоти. Вот и подольше бы во плоти, подольше. Упаси Бог ангелом становиться, на небеси улететь...

Мысли спутались, разлетелись, уступая место зыбкой тревожной дрёме.

Очнулся от сухого гортанного кашля. Рядом стоял старик. Всё в нём — брови, нос, губы, подбородок, живот — обвисло от долгого жития. Армячишко — лохмотья, лапти в глине, видно, совсем дошли. Может, из деревни, из своих кто, да вроде и нету таких.

— Кто таков будешь?

— Ильин я, однодворец тамбовский. Не упомнишь, Ваше пре-

восходительство, фамилиё таковское?

— Может, и знал раньше, да память пересохла, как родник в поле.

— А холера тож выветрилась?

— Нет, холеру помню. После неё меня и попёрли на полный пенсион. Я из-за неё проклятой губернаторства лишился.

По дорожке лёгкой неслышной рысью подбежал каурый жеребёнок, помахал мальчишеской головой и уткнулся розовыми губами в руку Миронова.

— Ах ты, проказник!

Старый чиновник вытащил из накладного кармана халата медовую пышку и отломил кусочек маленькой лошадке.

— Все дети сладкое любят.

— А моих сынов ты на тот свет спровадил.

— Это когда ж было?

— Одиннадцать лет тому как.

— Ну и что ж? Ты меня убивать пришёл?

— Шёл — хотел, а увидал — передумал. Вижу, сам скоро сгниешь — сгниёшь.

— Оно и ты-то жилец не ахти. Желчь-то вон вся в голову бросилась, жёлтый, как лимон заморский.

Старики плюнули и разошлись. Миронов поплёлся к дому принимать анисовые лепёшки, а Ильин в сторону большака, тянущего на Тамбов.

Валерий АРШАНСКИЙ

НА ДЕРЕВЯННОЙ СКАМЬЕ СИДЕЛИ

Рассказ

Не может такого быть! Но ведь это его, его, пусть и далёкий, как из подземелья, голос, Толика. И это его любимая песня, ей ли не знать, матери...

*Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облелевший тополь серебрист и светел...*

— Толик! — встрепенувшись, тянется она, как слепая, на звуки родного сыновнего пения. — Толечек! Сыночка мой, ты не погиб, ты жив? Я же говорила, я всем, я всегда говорила, что ты у меня двухмакушечный, никогда не пропадёшь. Это дед твой... А ты жив! А мы ж тут, кровиночка ты моя, тебя уже отплакали, отнесли на Сухотинку, на погост. Народу сколько было, страсть, как на демонстрации, хотя морозы жали посильнее крещенских. Все твои друзья и командиры с жёнами и детьми приехали. На рукавах шинелей повязки чёрные. А потом оркестр как заиграл... Слёз было море, кто и не знал тебя, плакал. Как на фотографию посмотрят, где ты улыбаешься, так навзрыд. После салюта всех на поминок отвезли на автобусах, никого не забыли. Такие слова о тебе говорили, сыночек, ты бы слышал! И вот оно, чудо-то, полгода всего прошло, и ты — жив!

Валерий Аршанский родился в 1945 году. По основной профессии — журналист, много лет был редактором «Мичуринской правды».

Автор шести книг прозы. Лауреат областных литературных премий имени Георгия Ремизова, Ивана Рахманинова, Александра Воронского.

Член Союза писателей России.

Баба Ньюра — видимо, от внутреннего своего вскрика — вскидывается, встряхивает склонившуюся к самым коленям голову, неуверенно посматривает по сторонам, облизывая пересохшие губы. И мало-помалу приходит в себя, мелко крестится, пытая у Боженьки и Матери Пресвятой Богородицы, что же это за сон такой ей пригрезился и как понимать теперь случившееся видение? Она и всего-то на полминутки, вроде, глаза смежила, сморенным утренним недосыпом и долгим пешим походом по большому городу, да ещё жарой, прежде никогда не виданной в сентябре, чуть ли не в середине месяца. И, ты посмотри, что пригрезилось?

Баба Ньюра, тяжело вздыхая, ищет, но не находит ответа ни у неба, далёкого, нежно-синего, ни у бесцветно струящегося над раскалённым асфальтом воздушного марева, ни у чахлых побегов выгоревшей травки, случайно пробившейся на белый свет из-под навесной металлической урны. Молчат озабочены всяк своим делом и люди, коротающие тут, на автовокзале, кто полчаса, а кто и целый час, как она, в ожидании автобусов.

Площадка, где в ряд стоят жёсткие деревянные скамьи, небрежно подметена и настолько заплёвана, загажена, замусорена, словно грязнули со всего края собирались здесь ночью на шабаш, хорошенечко побесчинствовать и оставить после себя как можно больше свидетельств буйного загула. Один к одному с этим печальным для глаз неуютным пейзажем гармонируют и запахи; ощутимо тянет прогорклым автомобильным маслом, летучими парами бензина и солянки, а ещё вздымаемой из-под колёс машин дорожной пылью. Для всяких мелких тварей, шустрых воробышков, зелёных и фиолетовых мух, приبلудных кошек и собак, помоечное существование — удовольствие. Для людей — сущее наказание. Но приходится терпеть, куда денешься? Тут хоть какой-никакой простор, не давит нависающий потолок над головой и есть за что зацепиться взгляду. Ну а запахи — не привыкать, перетерпим, авось не баре. В самом помещении ещё хуже; детвора кругами носится без родительского присмотра, снуёт туда-сюда, туда-сюда, да всё норовит под ногами у взрослых. И не посмей слова ни одному мальцу сказать, приструнить озорника, тут же маманя налетит коршуном: чаво мово ребёнка замаешь?

Опять же трансляция эта по радио: «бу-бу-бу, бу-бу-бу»! А чего бу-бу-бу, ни шута не поймёшь — какой автобус прибывает, какой отправляется. Опоздаешь ещё из-за глухоты ненароком, что будешь

тогда делать, до Волчков своих пёхом, что ль, чапать? Не почапашь за сто вёрст киселя хлебать. Нет уж, лучше тут быть, туточки, с посадочной платформой рядом. А когда посадка — люди подсказут, язык, он до Киева доведёт.

Баба Ньюра, утомившись сидеть сиднем, оберегая свои неподъёмные сумки с харчами, на которые позарится если только беглый каторжник, в три приёма отрывает корму от лавки и, поднатужась, встаёт. Потихонечку, полегонечку распрямляет затёкшую поясницу, спину, плечи. Это ей не до конца, но больше чем до середины — и то хорошо! — удаётся. В знак одержанной над собой и проклятым радикалитом маленькой победы она слегка потопывает оживающими ножками по мякониному асфальту, поочерёдно изгоняя вначале из левой, а затем из правой ступни немоту, сковывающую икры, как капканом. И уже смелее, отважнее чуток смотрит на окружающий мир. Тот мир, который однажды, совершенно неожиданно для самой себя, сравнила с живым экраном очень большого телевизора — целого кинотеатра, что подарили Толе друзья на новоселье в его прекрасной московской квартире. Сыноньке и пожить-то в ней суждено было всего ничего: считай, в прошлом мае они вселились, а уже в феврале... Будь он трижды неладен, тот чёрный февраль с его лютыми морозами, горем, слезами!

Баба Ньюра всё так же, дугой, не снимая с затёкшей поясницы руки, обращённой ладонью к небу, разок и другой обходит, притопывая синими домашними тапочками, вокруг своей потёрто-белой лавки. Случайно взглянув, она с брезгливостью отворачивается напроочь от спинки, вдоль и поперёк размалёванной то ли незрелыми пацанами, то ли взрослыми лоботрясами по всем правилам заборного искусства. И без особой нужды поправляет измочаленные ручки потрёпанных дерматиновых сумок, напоминающих по форме те знаменитые цыганские торбы, куда и перина с маленьким цыганёнком поместится. Всё, слава Тебе, цело, всё на месте. Можно подальше прогуляться, хотя бы вон до той, которая почище, центральной платформы, где люди ожидают отправления в город, очень далёкие от села Волчки. Слышь, объявляют: Москва, Рязань, Курск, Белгород. В Белгороде она ни разу не была, хотя там и родня есть, двоюродная сестра, если только жива, конечно. Курск? Тоже не довелось. Хотя в войну, девчонкой помнит, по радио часто его поминали, когда Левитан читал от Советского Информбюро о разгроме фашистских войск. В Москве была. Три раза ездила. В после-

дний раз этой зимой. Лучше бы, оно, конечно, и не ездить никуда, пусть в самые распрекрасные города, когда по таким случаям ... Но, что теперь?

Баба Ньюра окончательно наконец распрямясь, под мысленное «ать-два», как тогда, в детстве, когда маршировала вслед за проходящими через их село солдатами-красноармейцами, завершает променад у чужой платформы. И возвращается на своё место, уже, впрочем, занятое некоей милой дамочкой. Сидит она, скучает, заложив ножку на ножку, вся такая из себя... обеспеченная. Аккуратненькая. И, надо же, совсем без багажа, с одной только миниатюрной алой сумочкой в маленьких изящных ручках.

Баба Ньюра, не доверяя своим очкам, ещё и ещё разок заглядывает попутчице за спину; может, там где-то покоится её рюкзак? И, не обнаружив его, озадаченно смотрит на моложавую путешественницу: как так можно, из дома да пустой? Видать, жареный петух тебя, барышня, ещё в одно место не клевал, а то знала бы: едешь и на день, а хлеба бери на неделю.

Женщина в светло-кремовых брючках, бирюзовой кофточке и с янтарными бусиками на загорелой без единой морщинки гладкой шейке по-родственному улыбается, извинительно разводит руками: пожалуйста, не корите меня, не браните. Муж вчера вечером и подарки, и продукты на машине увёз, у его мамы сегодня юбилей. А я только сегодня смогла отпроситься. Вот, прямо с работы, бегом-бегом и прилетела сюда ...

«Что же это за работа такая, если ты вся разнеможная да разнаряженная ходишь, как принцесса, — думает баба Ньюра, поудобнее умащиваясь на краешек скамьи. — Учителка, небось, или врачаха? Те любят так-то пофорсить. Вот бы мы с бабами в доярках тоже походили б в туфельках да на шпилечках... А то всю жизнь по вонючим коровникам, в сапожищах резиновых, по колено в дерьме».

— Вы извините, я не ваше ли место заняла? — приятным голоском щебечет соседка, и впрямь перемещая фигуристую свою ладеечку так, чтобы высвободилось пространство, достаточное для двоих. — Ехать, поди, далеко, устанете.

— Мне-то? Мне в Волчки ехать, — обрадованная желанием случайной попутчицы поговорить с ней, сельской жительницей, к тому же значительно старшей по возрасту, тут же забывает про чугунную тяжесть в поясище и свинцовую немому в больных ногах баба Ньюра. — Чай, про наши Волчки и не слышали?

— Обождите, Волчки, Волчки... — по-школьному морщит высокий лобик не очень молодых, если пристально взглядеться, лет, но и далеко не «ягодка опять» барынька-сударынька. — А, вспомнила! Это в вашем селе источник целебный забил? По телевизору с месяц назад показывали, молебен в Волчки выезжал служить владыка, Филарет?

— Во-во, точно, приезжал и владыка, — потуже подтягивая под востреньким подбородочком концы длинной чёрной косынки и подтыкивая заскорузлым большим пальцем повыше к переносице маленькие смешные очки, соглашается баба Нюра.

Ухватив соседку за тёплый локоток, так ей, видимо, сподручнее разговаривать, баба Нюра с пылом-жаром рассказывает историю о том, как всё у них в селе приключилось «с родничком-то с ентим». Оказывается, пас на выгоне за Тополянским шляхом пастух небольшое общественное стадо. И как раз их, Кочетковых («Кочеткова моя фамилия, а по-уличному мы Боксёрские, почему, это потом расскажу»), Кочетковых, значит, коровёнка стала ревмя реветь, кликать пастуха к пойме, на старицу. Тот её батогом, тот её матюгом, а она ни в какую, орёт, мычит, веди, дескать, к пойме. Ну, пастух думает, обожралась наша Ночка намедни жома или силоса, теперь только пить ей подавай. Делать нечего, погнал стадо к старице. А Ночка-шельма и ещё одна её подружка, Зинки-продавщицы симменталка — вымя с ведро, до земли («Да не у Зинки, хватит вам над бабкой смеяться, у коровы, конечно!») вдруг стали землю бить копытами. Били так, что спасу нет, как с ума посходили. Пастух их и кнутом, и палюгой, а те только хвостами отмахиваются да рогами отбрыкиваются, отойди, мол, не мешай. И лупят, знай своё, по ложбинке. Пастух уж не знает, что и делать, хотел всё стадо в село обратно гнать.

— И тут под Ночкиным-то копытом радуга серебряная вот таким вот фонтаном ка-ак брызнет, ка-ак даст она, святая водица, вверх, сразу выбросило семь струй переливчатых, ажно верхушки тополиные подаставало, — восхищённо изображает баба Нюра услышанную от пастуха картину, скромно умалчивая, была ли сама тому свидетельницей.

— Ой, как здорово! Да вы ещё всё так интересно рассказываете, — поощрительно улыбается польщённой бабе Нюре зеленоглазая незнакомка.

«Кто же она всё-таки есть, эта миленькая дамочка — учителька,

врач?» — ощутимо подшмыгивая носом, что с ней бывает всегда при хорошем настроении, размышляет Анна Гордеевна (пора наконец представить её полностью, по имени-отчеству, а то всё баба Нюра да баба Нюра, нехорошо!). Спросить соседку вот так прямо, в лоб, кто, мол, ты есть — неудобно, время не подошло для близкого знакомства. Да и деревенская стеснительность перед городскими людьми, как ни говори, сказывается. А тут не просто городская, а портретная, как на троне, сидит царица-кралечка, кровь с молоком. Такие, может, только в самых-самых верхах обретаются. Или сами, или мужья их. Олигархи.

На зависть ухоженная сударушка-горожанка чувствует, конечно, вполне понятный женский интерес бабули-селянки к своей персоне. Но не спешит откровенничать, помалкивает, лишь добродушно посмеивается, лёгким взмахом отбрасывая ниспадающую прядь волос со лба. Хотя изредка, пытливым взглядом опытного художника она и сама просверливает бабу Нюру, поощряя её к дальнейшему описанию такой любопытной пастушеской пасторали.

И впору бы продолжать им приятный и для рассказчицы, и для слушательницы разговор. Но тут, по-кошачьи чихая и фыркая, по-фабричному густо исторгая из выхлопной трубы глушителя ядовитый сизый дым, на открытую всем ветрам площадку неспешно, похозяйски вваливается старый клёпаный-переклёпанный автобус, крашенный от носа до расположенного под хвостом рассекателя редкостным по степени изобретательности мрачно-бурачным тюремным колером. И лысый с дынеобразной головой толстяк-водитель, прилепив, как приклеив, недокуренную сигаретку под огромную бородавку над верхней губой, сипло хрипит из окна кабины: «На Дубраву-Маслино есть кто? Бабы, слышь? На Дубраву, говорю, есть кто?»

Городская барынька тут же презрительно морщится, прикусывает, как после болезненного укола пухленькие, капризно вырезанные свои губки. И, во избежание откровенных шофёрских реплик, прячет от фиксатого водителя, сально ощупывающего её кремевые брючки, взгляд. Естественный в своих проявлениях автопилот вначале шумно вздыхает, потом громко сморкается там, в кабине, себе под ноги. И его несуразный туберкулёзный монстр на колёсах болезненным дребезжанием отзывается на каждое действие хозяина всеми движимыми и недвижимыми принадлежностями. «Эх, — потупив зелёные очи долу, подавляет рвущийся из груди вздох Ев-

гения Владимировна (надо уж и с ней познакомиться поближе), — ну что остановило выехать вчера вечером вместе с Маратом на машине? Давно была б уж там. Вечная эта моя страсть к приключениям да путешествиям. Народница!.. Ладно, сегодня вечером юбилей отгуляем, а утром позавтракаем и — по коням, до свиданья, мама, не горюй. Ну не могу я здесь у вас быть долго — ни душа, ни телефона, и все удобства во дворе. Вы уж извините, но такое вот у вашего сыночка в жёнах изнеженное существо. Нет, нет, Марат, если хочет, пусть остаётся. Пожалуйста. Но... Этот Отелло разве останется?..»

— Название села мне нравится, поэтичное, Дубрава-Маслино, — вкусно прищурясь, словно пробуя двойное имечко на зубок, обращается к бабе Нюре новая её знакомая.

— Дубрава-то? — с некоторым пренебрежением пожимает хуленькими плечиками Анна Гордеевна. — Не знаю... Хм, «поэтичное»... Сяло как сяло, у меня сам оттедова, Тихон мой.

— Тихон, с того света спихан, — явно не предназначая последних слов слушательнице, проборматовывает рифмованное присловье баба Нюра и громче добавляет. — Жила я после свадьбы там, в Дубраве-т. И Витька мой там родился...

— Ну и что, что там интересного? — теребит по-матерински тепло разговаривающую с ней Анну Гордеевну по-дочерни настойчивая в своих расспросах Евгения Владимировна.

— Да ничего, — добавляется пара-тройка прежде не так заметных морщинок на скуластеньком личике бабы Нюры. — Люди там трудяги, ничего не скажу. И скотину во дворах держут, и картошки содуют, и дома строят. Всё так. А вот... как тебе сказать? Душевности у них нет. Всё с хитрецей норовят, всё с усмешечкой, с подковырочкой... Я так не могу. У нас в Волчках люди совсем другие. Хотя и сяло не поэтичное.

Отзывчивая на юмор Евгения Владимировна залиvisto смеётся (эк, поймала как её на слове бабуля!). А баба Нюра, насколько позволяют ей непослушные суставы, один за другим загибает просмолённые солнцем, задубевшие на лютых морозах, покрытые пигментными веснушками пальцы, перечисляя радости и горести родного своего села Волчки. Горестей почему-то набегает побольше: автолавка, оказывается, из-за бездорожья в деревню «не ходет». Можно было бы выбрать обходной путь, через Гусиную гать. Но там по весне ещё пьяный тракторист, чтоб ему пусто было, мост

снёс; сам перевернулся на дэтэшке, едва не утоп и перила вместе с настилом в протоку утащил. Восстанавливать мост не спешат, а по жёрдочкам: машина ж не воробей — разве проскочит? Вот и запасаются «пенционеры» продуктишками, кто как может. Кому дети чего из города до переправы довозят. Другие, как она, баба Ньюра, автобусом по шоссе, а там ещё три километра на горбу до самого дома на себе ношу тянет. Фермеры, кто помоложе да половчее, на тракторе в объезд через ту самую гать отправляются. Но таких мало.

«Учителка» сочувственно кивает головой, соблезнующе смотрит на поникшую под чёрной косынкой детскую головку бабы Ньюры. Волосы из-под косыночки выбиваются у Анны Гордеевны тонкие, паутинные и все будто посыпанные крупной серой солью. Плечики обнимает изрядно поношенная невзрачная кофтёнка с оттянутыми карманами. В них наверняка обнаружишь вместе с шелухой по паре горстей чёрных и белых семечек, металлическую мелочишку, что собралась в магазинах и аптеках на сдачу, скатанные в катышки автобусные билетки, выпавшие из облаток розовые и голубые таблетки. А ещё потемневшие от времени плоские ключики на проволочном колечке, никуда не годные, стёртые, затупившиеся, но привычные настолько, что жаль выбросить, мелкие пуговицы от детских рубашек, булавочку, засохший тюбик помады...

— Я соседку ездила в город проведывать, Зинку-т, — как о давней знакомой Евгении Владимировны словоохотничает баба Ньюра.

Евгения Владимировна лихорадочно вспоминает: Зинка, Зинка? А, сельская продавщица, понятно. Что с ней?

— Зинка совсем одна-одинёшенька, — торжественно заявляет баба Ньюра. — Лежит теперь в онкологии. Понятно? Половина от неё осталась. На себе не показывают, но от тута вот, во, — чекрыжет баба Ньюра круги вокруг своего живота, изображая полостную операцию, — часть желудка ей удалили, собакам на съедение кишки выбросили. Всё. А была баба-оторва та ещё. У-у-у. Погуляла. Какие только мужички на её тахте не ночевали. А теперь всё. Ни детей, ни мужа. Отблядничала.

Баба Ньюра опустошительно проводит тремя пальцами от подглазий своих до подбородка, складывая в заключение пальцы в кукиш. Евгения Владимировна, не очень-то принимающая такие пошлые, вульгарные слова и жесты, сдержанно поджимает губки, готовая вот-вот отсесть, отодвинуться, отстраниться от этой сельской жительницы с её дурными манерами, провести незримую демарка-

ционную линию между ней и собой. Нет, вы меня извините! Можно, конечно, «академиев не кончать», но чувствовать незримую грань всё же надо и понимать, что перед тобой пусть не столбовая дворянка, но и не ровня, такая же, как ты, чёрная крестьянка. И делайте, пожалуйста, выводы.

Обе женщины замолкают. Каждая уходит в себя, предпочитая дальнейшему продолжению разговора обзор близлежащих окрестностей. Только что здесь увидишь любопытного, на пустынном полигоне, вынесенном на самую дальнюю окраину областного центра?

С левой стороны, у заржавленных мусорных контейнеров, роется в наваленном добре бомж — бородатый и худой дядька в накинутом поверх линялой майки старом женском пальто некогда апельсинового цвета с надорванным меховым воротничком. Рыжая щетина на его впалых щеках уже переродилась в сваленные клоки шерсти — неопрятные, нечёсанные и жирные, будто смазанные смальцем. Потные патлы на шишковатой с залысинами голове скатались в бесформенные стежки и свесились, закрывая уши, но оставляя открытыми для техосмотра растёкшиеся синяки-фингалы — по одному под каждым припухшим глазом. Старатель деловито шарит в недрах контейнера, выуживая и отдельно составляя стеклянные, отдельно пластиковые бутылки. «Господи, неужели торговкам-молочницам их потащит?», — пугается своей догадки Евгения Владимировна. А корифей помойных дел тем временем уже тщательно разглаживает на костлявых коленках, остро выпирающих из старых тренировочных брюк с лампасами, извлечённые со дна дредноута помятые картонные коробки из-под макарон, конфет, мыла. Спрос на это сырьё особый, картонки нужно аккуратнее спрессовывать в стопочки, что он и делает, ловко перехватывая каждую на бантик где-то стыренной почтовой бечёвочкой.

Изредка отвлекаясь от привычного занятия, клошар всё теми же замусоленными руками вытаскивает из внутреннего кармана дамского манто недопитую литровую ёмкость с пивом, отгоняет назойливых мух, жадно оседлавших его недогрызенную котлету в тесте, опрометчиво оставленную на краешке контейнера и, утомлённо зажмурясь в предвкушении, как истовый богомолец к иконе, припадает сухими губами к вожделенному пластиковому горлышку «огнегушителя», всеми своими жабрами и гландами, кадыковатой глоткой и алчущим нутром с хлюпами, судорожными стонами, сладкой отрыжкой всасывая, втягивая, вбирая в себя давно прокисшую, под-

ванивающую перебродившими дрожжами коричневую жижу. Сыто икает. И торопливо помогает себе костяшками пальцев поскорее запихнуть в рот остатки трудового бутерброда, роняя крошки на ржавую бороду и усы. Некогда их сметать, эти крошки-шаршарошки, надо спешить, надо быстрее вновь и вновь нырять поглубже в трюмы бездонного бака, не то скоро появится конкурент, захапистая машина-мусоросборщик, и тогда прощай, бесценный Клондайк...

Такова жизнь на автовокзале при взгляде на неё слева. А справа?

Справа наблюдается несколько иная картина. Там, в теньке, привалившись спиной к шершавой, оштукатуренной набрызгом «под шубу» стене диспетчерской тянет меха баяна Веня Масыкин. Баба Нюра знает его: сына покойного ровесник. Когда-то отец Вени был самым большим человеком в районе. От одного только грозного его имени-отчества — Алексей Емельянович — кое-кому плохо спалось ночами. А как началась вся эта мутота, перестройка, так и списали грозу района в бывшие, туда, откуда никто ещё на гребень новой волны не выплывал. Еле-еле нашёл себе местечко для работы — смотрителем на кладбище — и Масыкин. Но недолго там-то, на заштатных ролях, побыл. Не мог пережить своего падения с коня высокого и того, что поддержки у вчерашних соратников не нашёл; мучился, втихаря попивал. А злые языки, ёрники-насмешники, всё больше из тех, кто вчера рыскал-искал, какое бы ещё место Алексею Емельяновичу зализать-облобызать, посмеивались-пошучивали: пьёт, дескать, наш бывший первый наособинку — только в двенадцать часов ночи, только под ватным одеялом и только солёным огурчиком закусывает. Почему так? А чтоб соседи не слышали.

Когда похарчился Емельяныч, эти же иудушки стали голосить, что унёс он с собой много тайн про золото партии. Это районный-то «вождь» Масыкин, оказывается, владел секретами всея КПСС. Даже Тихон — всегда угрюмый и неулыбчивый — смеялся, когда в их Волчки докатились эти слухи. «Ну и параша!», — крутил головой Тихон.

А Венька, сын Масыкиных единственный, пить тогда стал почёрному, за один год в старика превратился. А какой красавец был парнище, глаз не оторвать — волосы русые, губы полные, как у школьника-выпускника, голос мягкий. И всегда Венечка внимательный, всегда обходительный, ну — умница. Директором музыкального училища его поставили, так он и детишек, и учителей своих

так подтянул, что они на всех конкурсах, на всех фестивалях — только первые места брали, одни награды за другими едва успевали получать. Нет, запил. По пьяной лавочке с дружками своими и попал...

Те-то ничего, целёхонькие. За долгие годы потребления всего, что горит, проспиритованы до такого состояния, что помрут — бальзамировать не надо, они, бывало, и без штанов, и без сапог, а до хаты своей доползали, ни разу не ошиблись адресочком. А Венечка-дурачок, как добавил с ними на посошок в вокзальном ресторане, поздней ночью уже, так и побрёл домой по путям, море по колено. Где-то на стрелках и зацепился, рухнул да заснул... Ой, горе. Как его там нашли на рельсах (видимо, машинист по рации доложил), как спасали, что теперь о том говорить?

Теперь сестра двоюродная Веню сюда по утрам на тележке для выступлений привозит (жена сразу после больницы от инвалида безногого откачнулась), а вечером забирает, вместе с собранной в картузе милостыней. Но неужели её осуждать за это, когда она Веню столько лет изо дня в день кормит-поит, обстирывает-обихаживает, чуть ли не на спине таскает? Да последнюю копейку отдашь, лишь бы такая родная душа была рядом.

*Дальний плач тальянки, голос одинокий,
И такой родимый, и такой далёкий...*

Веня выводит грустные строки со слезой. И баба Нюра, натянув косыночку на лоб пониже, бочком-бочком пробирается к диспетчерской, чтобы ссыпать там и свою горсточку мелочишки в общий картузок милосердия — да понезаметнее, поукромнее, а то признает её бедолага, устроит выяснение отношений, мало не покажется.

И половину обратного пути Анна Гордеевна одолеть не успела, как пришлось вообще остановиться: разве дадут спокойно пройти эти голопузые, голоногие, громогласные горлицы, что несутся навстречу, давась от хохота, не замечая ничего и никого вокруг. Юбки у каждой, как набедренные повязки. Босоножки в пыли, пятки грязные. Зато у кого в пупок, у кого в нос какие-то шарики блестящие впаяны и изо рта жвачка белыми пузырями, как у припадочных, выдувается. Матушка ты моя родная, ну, конец света! Сколько же у них, этих одинаково выряженных голубиц, накопилось впечатлений от какой-то вчерашней вечеринки, до сих пор «перетереть» не

могут. А потому вьётся, завихряется вслед за внученьками шлейф весёлых воспоминаний, сотканный в основном из утробных междометий и новомодного светского базара с загибами. Толкаясь покрытыми цыпками и царапинами локтями, перебивая друг дружку, они слушают, но не слышат одна другую совершенно. «Юрка, воще, полный ацтой, пузырь краснухи выжрал, ништяк?», «А Ромка, бли-и-н! Косяк давит, я ржунимагу, аж в грудях жжот, скажет теперь, тёлка — полная дурка», «А мы с Ирккой сразу пойла набухались и в отруб, секёшь? Чуть под хор не попали»...

Переговариваясь на малознакомом для непосвящённых лапландском наречии о дне вчерашнем, юные косули не забывают, однако, думать о будущем. Вроде бы нечаянно, вскользь, ненароком поглядывают, посматривают, постреливают они зоркими глазёнками по сторонам, выискивая в очередях у касс или среди покупающих на лотках пирожки, пончики, горячие чебуреки своих ровесников-мальчишек, с которыми, бли-и-н, так прикольно было бы в пути познакомиться, а там и закрутить «полный ацтой». Почему нет?

Привычная с детских лет к пастушьей лексике баба Ньюра, считай, никак не реагирует на взрывные фонемы малолетних голубиц. Но не такова, оказывается, взрывная натура с виду вполне миролюбивой и спокойной Евгении Владимировны.

Строго прихватив за плечико одну из самых бойких басмачек в девичьей стайке, «учителька», отчаянно жестикулируя, пытается в чём-то переубедить, что-то объяснить ей, удивлённо таращащей на непрошеную воспитательницу плохо подкрашенные глаза. Но это как разговор слепого с глухим...

— Чему, Анна Гордеевна, теперь удивляться, что такие вот, — уничижительно кивает вслед убежавшей «воспитаннице» Евгения Владимировна, — осквернили у нас городское кладбище. Двадцать восемь надгробий перевернули, по телевизору показывали...

— Енти? — ужасается баба Ньюра, подслеповато выглядывая в толпе провожающих, отъезжающих, празднующихся группку косматых девиц.

— Да я откуда знаю, эти или не эти, — досадливо морщится учительница, — какая разница. Все они хиппуют, курят, пьют, с пацанами по чердакам да подвалам лазают. А у нас в подъезде, вообще стыдно сказать, распивочную с туалетом устроили — муж их гоняет каждый вечер, всё равно, никакого толку.

— А может, вам там дубки во дворе постелить? — предлагает

радикальное решение вопроса больше привыкшая не к стенам, а к действиям сельская жительница. — На дубках оно как хорошо будет и парням, и девочкам хороводиться. Да и туалет, долго, что ль, его сладить? Яма да десяток досок. Тихон мой, хотишь, в тую субботу приедет, задёшево всё сделает, только материал приготовьте. А нам с дедом в город всё одно надо будет ехать.

Баба Ньюра, всё так же близоруко щурясь, низко-низко склоняется к пахнущему дорогим парфюмом тонкому запястью соседки («Со всем ни шута бабка не видит!»), чтобы лично удостовериться в расположении стрелок на кругляшке циферблата. Всмотревшись, удовлетворённо кивает. И, пошарив в узелках самой ближней сумки, стоящей под скамьёй, достаёт закрытую широкой пластмассовой крышечкой и завёрнутую в чистую холщовую тряпицу поллитровую баночку воды. Той самой, знаменитой, серебряно-родниковой. Вначале протягивает её соседке, мол, будете? Та, слегка отшатнувшись, отрицательно машет головой. А баба Ньюра, слизнув с ладони таблетки — вначале одну розовую, а за ней одну голубую, — маленькими глоточками тщательно запивает не отданные Вене вместе с мелочью гипертонические свои лекарства. Всё делает точь-в-точь по времени и в дозах, как дохтурша приписала. Тах-то вот.

* * *

Этот несуразный, кишкой вытянутый вдоль и сикось-накось поставленный поперёк автовокзал открывали — Анна Гордеевна хорошо помнит — в начале мая, день в день с проводами Толечка на новое место службы. Весь расцвеченный разноцветными флагами, заставленный красочными щитами и залепленный яркими плакатами про мир, май, труд недостроенный объект содрогался от вальсов духового оркестра, особенно будоража души седовласых гостей праздника. Тихон не выдержал, подхватил расфуфыренную Зинушку и, как в молодости, когда танцор был отменный, прошёл с ней пару кругов, лихо огибая встречные пары и крепко удерживая землячку на поворотах.

Зинка — обтянутый бюст торчком на зависть всем худосочным и малокровным диетчицам — рдела, пунцовела и пламенела. На щёчках ямочки, в волосах блёстки. Вызывающе — по первой гильдии — выставила напоказ волчковская купчиха и ситец, и парчу, и низ декольте, венчающего литое колокольное основание. В шалых

глазах её плещется без утайки готовность на любые подвиги. Допустим, подхватив Тихунчика, немедленно слинять с ним отсюда под звуки вальса куда угодно, хоть на край света, в Норильск, хоть на сопки Маньчжурии. Деньги есть, наторговала. Ах, далеко? Тогда можно поближе, в разлапистые кусты облепихи и бересклета, опоясывающие новостройку- автовокзал со всех сторон? Не слабо?

Зинуля! Забыла, что ли? Да Тихон разделался с романтикой сто лет назад, ещё в краткий период правления Георгия Максимилиановича Маленкова, когда шёл один с дрыном в руках на бой с городской блататой, выпущенной под амнистию на волю из колонии-поселения за Волчками. Забыла, как он тогда, пьяный и злой, метал их, отбивая твой винно-водочный магазин? А как они рвали его телогрейку на куски, дорываясь до мяса, забыла? Хорошо, председатель прибежал тогда со своим дробовиком на выручку да пульнул по зекам выше голов, а то был бы вам сейчас вальс. Пам! Пам! Па-пам-па!..

Короче, не те у Тихунчика теперь годы, чтобы по кустам бегать, это раз. Какие могут быть самовольные отлучки, когда вся семья рядом, в сборе, это два. И, третье, самое главное: слышали мы, в буфетике ветеранам войны и труда на халяву наливают сколь хошь да под бутербродик? Тихон Михалыч мигом испарился из Зинкиных объятий, та и глазом моргнуть не успела — на мстительную радость Анны Гордеевны...

Потом они с дедом — изрядно выпившим и бестолково шумным — оказались напрочь отгеснёнными и от Толика, и от жены его, Виолы, и от слегка напуганных обилием народа, а потому съжившихся в комочки внучек-близняшек. Приходилось через головы людей, как с берега реки на борт отплывающего парохода, кричать, ставя ладошки рупором:

— Толенька, ты хоть скажи, климат там какой будет, сыро, жарко, холодно? Виолка, ты что молчишь?

Утром, на проводах, хлопнувший с дедом по гранёному, всклень наполненному стакану, Толя одно, знай, улыбался да гордо поправлял на кителе полковничьи свои погоны, к которым не успел ещё как следует привыкнуть. Его, знатного земляка, лётчика-испытателя, тянули в президиум митинга, тянули выступить перед микрофоном, потом в буфет тянули, к начальству поближе. Толик от всех предложений отнекивался, отмахивался, отказывался. А, отъезжая, по-гагарински складывал перед собой сердечное рукопожатие и

кричал, что обязательно напишет, протелеграфирует, на почту позвонит, пусть мама не волнуется, всё будет о'кей.

А она, утирая слёзы, уже тогда предчувствовала, что не будет у него всё хоккей. Да, Москва, да, новая чудесная квартира — Виолка глаза к потолку закатывает, когда начинает ею восторгаться — это хорошо, замечательно. И что зарплата теперь будет у сына в два раза больше, разве плохо, при двух-то растущих девчоночках. Но аэродром испытательный не в Москве, не у той станции метро, опять забыла название, где они теперь живут, а вон где, три часа от Москвы лёту. И что ж это за край? Сколько там он будет испытывать передовую военную технику — месяц, год, пятилетку? Тайна.

Весь отпуск промолчал и маленьким намёком ничего ей, матери родной, не сказал. А она даже под пыткой, хоть топор к горлу приставляй, рот бы не раскрыла. Дед, это уж выяснилось потом, знал, гад такой, куда сына посылают, и тоже ни полсловечком не обмолвился. Секретчики эти по вечерам постоянно между собой о чём-то перешёптывались, а при ней на рыбацкие байки переходили или вообще умолкали. И никак, и ничего услышать она не могла, хотя всё норовила оказаться рядом — вроде как бельё гладит или занавески меняет...

*Плачет и смеётся песня лиховая,
Где ты, моя липа? Липа вековая...*

Выводит Веня жалостливые кружева есенинской песни.

В отпуске по утрам Толя всегда пел её, густо намыливая щёки перед бритьём на терраске их деревенского дома. Или в летней кухне, собирая на рыбалку снасти — вентера и закидушки. Или в сарае, когда с мотоциклом возился, трофейным «сундапом», который Тихон сам, ещё мальчишкой, подобрал после войны подбитым и покорёженным в каком-то овраге на окраине Дубравы. И сумел восстановить, скрестив с запчастями от российского «ижака»...

* * *

— А деревня, вы говорите, пустеет? — вырывает глубоко задумавшуюся Анну Гордеевну из далёких мыслей-воспоминаний заскучавшая в одиночестве Евгения Владимировна.

— И-и, да что там, совсем обнищала деревня! — тут же откликается, выпевая не просто слова, а причитания коренная волчковс-

кая жительница. — Двадцать два дома осталось. Да ещё ж в трёх из них не живут. А какая село была! Вы бы только видели. Представь: что ни дом, то цветы у каждого дворика. Старики, знаешь, как у нас следили за чистотой, за порядком? Вот, хочу сказать, попробуй, кто из хозяев астры там или георгины по весне не посади перед домом. Так оне в окна застучат батогом прям на зорьке, вставайтя, мол, лодари, сейчас же идите высаживайте. И пойдёшь! А нет — загрызут на сельском сходе. У-у, и участковый не был нужен. Сами чего надо решали — кому помочь, кого за ушко да на солнышко.

Анна Гордеевна продолжает рассказывать о прежних сумасшедших урожаях в их селе, когда не знали, например, куда картошки девать. Спасибо, шахтёры ростовские да донецкие на грузовых машинах приезжали, скупали. А в садах что творилось! Да что там сады, на улицах, представь, яблоки вот такие вот, с кулак, вырастали, ветки ломились на деревьях. Вышня была шпанская — сладкая, не передать! Как бабы начнут из неё в августе варить варенье в медных тазиках, это уж обязательно, в медных, запах стоял — не надышишься, пчёл налетало, ну тысячи. А ребятне-мелкотне, кому по чайной, кому по столовой ложечке, а кому и по целому блюдечку за помощь в сборе ягод — первые пеночки, обязательно.

Бедная Евгения Владимировна, заслушавшись, и не замечает, как раз за разом непроизвольно сглатывает слюнки. Словно сама, вновь став девчоночкой, пробует на язычок те пузырчатые, ароматные, розовой нежностью манящие к себе горячие вишнёвые пеночки, которыми щедро потчевали детишек деревенские женщины в Волчках, Дубравах, Ивановках, Гавриловках, Даниловках, тысячах и тысячах воронежских, курских, тамбовских сёлах, ростовских и кубанских станицах — да по всей матушке России. И могут разве сравниться с теми натуральными вишнёвыми пеночками обсашиваемые сегодня вон теми «горлицами» полимерные твиксы и сникерысы, напичканные всякой химической дрянью?..

— Коров, я хочу сказать, и самые ледащие, по одной-две держали, — одухотворённо светится лицо бабы Ньюры. — У каждого хозяина чтоб на подворье кур, петухов, гусей, уток не было? Да вы что! А сметанку какую сбивали, а маслице... Я, веритя-нет, одних яичек, бывало, по семьсот штук за лето всем своим отправляла — маме, брату, ещё ж в Москву обязательно. Внушеньки мои только любят, чтоб обязательно коричневые.

Примолкла на минуту Анна Гордеевна.

— Сын младший у меня в самой Москве. Лётчик-испытатель, — не без гордости, как давно привыкла, поясняет. И, опять помолчав, тихо добавляет. — Жил...

Из восторженного, восклицательного сразу растерянным, вопросительным становится при последнем слове овал бабы Нюрино лица. Будто обрадовали её вначале светлым радостным известием, а потом тут же, безжалостно, без перехода, радость эту отобрали и вдобавок взяли да ещё по голове оглоушили. Можно с этим смириться?

Видя перед собой сострадающие, подёрнутые слезами глаза Евгении Владимировны, баба Нюра ответно всхлипывает, печально сжимает пальцы в горсти:

— Не его черёд был лететь, он только из отпуска вернулся, ещё три дня не догулял. А тут звонят с полигона: Тихоныч, выручай, инспекция едет, генералы-адмиралы. Чтоб Толя мой да не откликнулся, когда просят...

Косой луч солнца, пробившись сквозь крохотный зазор в шиферном козырьке невысокого навеса над платформой, пытается взбодрить, оживить обеих пригорюнившихся женщин. И жёлтый тополиный листочек, словно маленькую птичку-чаечку, отправляет природа с миром из поднебесной высоты на землю, в плавный полёт, для успокоения ноющей душевной боли, смирения человеческой скорби.

Что же теперь поделаешь — утешает, чем может, хотя бы вот этим поздним сентябрьским теплом лазурный небосвод. Жизнь продолжается, и надо жить. Жить, нести в душе свой крест, хранить святую память о тех, кто ушёл раньше срока, никогда не забывать их. Обязательно делать добро людям. И верить: воздастся за добро сторицей — Бог плательщик.

* * *

Испытующе посмотрев на Анну Гордеевну (спрашивать — не спрашивать?), Евгения Владимировна всё-таки решается спросить:

— С мужем, конечно, хорошо жизнь прожили?

— Я-то? — перебирает в задумчивости губами баба Нюра, не торопясь с ответом.

Но не потому, что хочет уклониться от праздного женского любопытства, а потому, что ищет слова для верного объяснения. А

уклоняться, что уклоняться? Нормальный вопрос. И она может в свою очередь точно так же поинтересоваться у этой учительки: ей-то как живётся со своим, как там его... Маратом?

— Нет, дочка, нет, — уныло съезжают по переносице чуть ли не к губам бабы Ньюрины окуляры, но она оставляет их в таком положении, как есть, забыв поправить. — Не буду хвалиться, что по лотерее себе мужа выиграла. Нет. Не тот, видно, мне билет достался.

— Да вы что, Анна Гордеевна? Вы меня огорчаете, — Евгения Владимировна вполне искренне расстраивается, всплескивая полными холёными руками. — Что так? Пил? Пьёт?

— А-а, милая, кто её сейчас не пьёт, скажи мне, — обречённо вздыхает баба Ньюра. — Только знаешь, как у нас говорят: муж пьёт — пол-избы горит; вот когда жена пьёт, тогда весь дом горит. А я, слава Богу, не пила никогда и не пью.

Баба Ньюра смотрит в упор из-под стекляшек на несколько ступавшуюся Евгению Владимировну, известным образом щёлкнув себя крючковатым пальцем под морщинистым подбородком, вопрошает:

— А твой-то насчёт еного дела как?

И, не дождавшись честного признания, покровительственно прикрывает вопрос:

— Оно, вишь, и всегда-то пили. Женщин война, думаю, испортила: сколько мужиков-то погибло? А им без мужей как было хозяйство поднимать? Вот оне и вчиживали на работе по-мужски, но и самогонку гнали по-мужицки. Только всё одно, — убеждённо выставляет острым клинышком узенький свой подбородочек баба Ньюра. — Раньше бабы стеснялись в открытую глыкать. Собирались там втроём-вчетвером у какой вдовушки на хате, попьются мал-маля, а, главное, песняка споют, душу откроют, поплачут, а там ещё ж посмеются. Глядишь — и можно жить, полегчало. А сейчас и оне, — нацеливает свой узловатый палец на визжащих горлиц баба Ньюра, — только так принимают, от мужиков нипочём не отстают. Рекордсменки.

— Ну а ваш-то что, гулял, дрался? — подбирает самые расхожие причины возникновения семейных скандалов неугомонная горожанка. (Далась же ей чужая жизнь!)

— Да... ревнучий, гад, это страсть, — с явным смущением тебя обшлага заношенных рукавчиков серой своей кроличьего пуха

кофтёнки выдавливают откровение баба Нюра.

И следом пугливо озирается по сторонам: не подслушивает ли кто досужий женский разговор. Нет, не обнаруживается в зоне видимости никакой соглядатай.

— Без причины муж ревнующий? Или... — лукаво прищурясь, многозначительно не договаривает, но заговорщицки приближает моложавая соседка любопытный свой носик к обильно истолчённой мелочью продольных и поперечных морщин физиономии Анны Гордеевны.

— Всякое бывало, — теперь-то уж точно вихляет с ответом баба Нюра. — Жизнь-то какую прожили; он с тридцатого, я чуток помоложе, вот и считай, коль сосчитаешь. А поженились мы ишшо ж при Сталине, когда Тишка в армии отслужил...

После этих слов баба Нюра строго умолкает, давая понять, что не шибко нравится продолжать дальнейший разговор на не очень приятную тему. Есть у неё такое жизненное правило: как бы ни был люб и дорог хоть чужой, хоть свой человек (да-да, свой тоже, потому что предадут-то не чужие, а свои, чужой он и есть чужой) не надо ни перед кем до конца заголяться. Люди меняются. И вчерашний самый-самый разлюбезный друг, без которого и за стол не садились, завтра может оказаться заклятым неприятелем. Кто знает, почему. Сам ли себе такую участь накликать, соседи ли постарались, насплетничали, или он другими глазами на мир посмотрел... По-всякому бывает. А только треснувшую чашку не склеить заново, трещина всё равно останется. И что тогда? С дружбой-то? Не зря матушка-покойница говорила: «На что с тем дружить, кто готов браниться».

Вот-вот, оно самое и есть.

* * *

Не станет делиться Анна и с понравившейся ей Евгенией Владимировной — пусть самостоятельной, гладкой, умной — своими сокровенными тайнами. С какой стати? Городская дамочка, хотя и молоденькая, а штука непростая: то с одним, то с другим липнет, а о себе особо-то говорить ничего не хочет. Ни адреса не даёт, ни телефона, даже когда услуги Тихона предлагала их неудалому двору. Беспомощные. Уборную они не построят. Всё бы им только эти, как там, лифты да вунитазы. Эх, батюшки! А живёт-то в доме наверняка человек сто, а то и двести. Целая деревня! Неужели же все безрукие?

Да... Но вопросик не в бровь, а в глаз соседка подкинула: люб ли ей дед?

По молодости разве девчонки, подружки её, о какой-то высокой любви задумывалась, когда почти всех женихов в округе война выкосила. Из кого особо выбирать-то? А Тихон, тракторист-лесозаготовитель дубравский, пусть на лицо не очень («С лица воду не пить, и с корявым можно жить!»), тем и нравился, что к ним в клуб, где на Октябрьские познакомились, вон откуда каждый вечер ходил. И без неё танцевать не танцевал; если опаздывала — слонялся в коридорах или послушно стоял у стеночки, ждал, пока не придёт, она девчонок нарочно подсылала, проверяла. Потом семья у них вся работающая, ни дураков, ни пропойц в роду нет. И Тишка в лесу, на трелёвке, отец рассказывал, только так вкальвает. Что смелости ухажёру не занимать, это она лично увидела: против самых хулиганистых лбов буром пошёл разозлённый Тихон однажды вечером, на мосту, где они прощались всегда.

Вздумали тогда трое волчковских заставить его, чужака дубравского, спичечным коробком тот мост мерить. Ходишь, мол, к нашей невесте, а кто тебе позволил? Перед тем, вроде, с шуточками предлагали в клубе после танцев: ставь магарыч, какой следует. Тихон их послал. Ах, так, ну, будешь до утра носом мост утюжить, а мы погогочем. Вот он им кулачищами своими до самой сельской амбулатории и намерил: двум забиякам носы свернул, те друг на дружку в лужу попадали, а третий раскрошенные зубы выплюнул и побёг в село за подмогой. Тишку здорово отдубасили; пришлось даже Анне просить родителей своих, чтоб разрешили попавшему в переделку женишку у них дома заночевать: куда же на ночь глядя топтать ему в резине по хляби, когда правый глаз заплыл, как от водянки, а левый свекольной краснотой пылает.

Когда поженились, так его и звать стали за ту драку по-уличному — не Кочетков, а Боксёрский. По шерсти, мол, кличка...

И всё бы хорошо, пусть даже горе-беда с первых лет не миновали, когда умерла от менингита Томочка. Зато потом Бог мужичка дал, Витеньку. Чем не семья? В колхозе на трудодни почти ничего не зарабатываешь, но они у себя боровка и свинок завели, а там и коровёнкой обзавелись. Как за детьми, за скотиной ходили, глаз не спускали, выкармливали. И Тихон, наловчившись, по такой хорошей цене заготовителям из сельпо мясо-убоину сдавал, что можно уже было и со строительством своего дома затеваться, хотя родите-

ли Анины в их жизнь и на мизинец не влезали, даром что под одной крышей два гнезда свито. Но своё это своё, тут Анна с мужем согласна, мог бы Тихон и не гудеть ей на ухо ночами, особенно после обильных выпивонов с забойщиками скота, что надоело ему в примаках ходить. Сама знает.

Сразу за родительским двором Ани фундамент под пятистенку к середине лета залили, брёвна, кирпич, известь на усадьбу завозить стали. Да тут приехал в отпуск Тишкин двоюродный брат, Костя, бравый военный лётчик, полярник. Рост — под притолоку, плечи — во, хоть дверь с петель снимай для прохода. На гитаре играет, песни поёт — заслушаешься. И щедр не по-деревенски, деньгами сорит налево-направо. Зинка смеялась: не успеваю товар с базы привозить. Костя и брату на стройку сразу да без отдачи столько отвалил — ой, мама!

Анька при первой же встрече на вокзале, как только увидела его — выбритого до синевы улыбающегося героя в отутюженной лётной форме с наградами, в голубой фуражке с золотой кокардой, при зеркальных хромовых голенищах, сходящего с невиданным в деревне заграничным саквояжем с московского поезда — так и обмерла: мой! Впрямь, видать, по какому-то особому заказу делали этого образцового сталинского сокола, Костика Ёжиковича (так стала звать она его). Конечно, не сразу Костиком, а потом, потом, когда можно уже было, позволялось, лаская, перебирать пальчиками мохнатые тёплые завиточки его густых зарослей на груди и лепетать, щебетать словечки самые ласковые, самые заветные.

Любовь случилась в летний праздник Ивана Купалы, на сенокос. Когда молодёжь и старики с утра пораньше навалились всем колхозом на отаву, второго укоса крепенько вымахавшую траву — красный клевер да люцерну — чтобы и высвободиться затем пораньше на гулянье, как председатель пообещал. Уговор дороже денег; прибежали за столы до шумного дождя, принять успели и по второй, и по третьей, а уж купаться в июльскую жару и под небесную музыку грома можно. Тьма кромешная укрывала тогда и луг, и камыши, и всю водную гладь Барских прудов. Ни осколочки звёзд на высоком небе, ни робкие всплохи луны в бельмах кудластых облаков, ни, тем более, тусклое зарево еле дышащих лампёшек фонаря у крайней к лугу фермы не могли высветить и на миг молочные очертания купальщиков.

Председатель коллективного хозяйства после ликвидации пер-

сонального графина добрячей самогонки в третий раз побрёл по малой нужде в прибрежные высоченные заросли разнотравья. Нужду справил, но теперь заблудился в космах камышей, лозняка и осоки. Повертелся в топкой куге, покрутился, понял, что без чьей-то помощи быстро оттуда выбраться не сможет. И, как с НП, сипло командовал из засады вверенному личному составу: «Девки-мокрощелки! Купаться по-барски, голышом, я проверю!..»

Удовлетворённый дружным ответным визгом молодежи, колхозный голова теперь взывал к мужскому поголовью: «Р-рота моя! Слушай меня! Кто какую сгрёб, тот ту и... Строиться выходи!»

Костик ли на неё — широкий, крепкий, распалённый — или она, тростиночка, позабывшая обо всём на свете, первой пала близ него — кто теперь разберёт? Да и кому, зачем разбирать-то? Сладкий, как вишнёвый сироп, июльский дождь да певший убаюкивающие ночные песни речной камыш только и были немymi свидетелями их счастливой любовной встречи. Но уж они-то, камыш, река, дождь — царицей-природой проверенные друзья! — никогда не выдадут.

...И вот же оно, наследственное! Начиная с босоногих пацанов, ничего так Толик не любил, как рыбалку, и именно на том самом бережку Барского пруда. Соней рос невозможным, будить его по утрам в школу — бесполезно, не добудишься без крика. А на Барские по одному шёпоту, хоть в три часа ночи вскакивал. И записки ей оставлял, если она задерживалась на ферме: «Мам, я на Ёжкином камне». Тихон мог не знать, где это. Она точно знала, где.

* * *

О чём же сейчас говорит Анна Гордеевна своей нечаянной городской подруженьке? О том, что до свадьбы Тихон её был ну просто замечательный парень, голос ни разу не повысил, сама доброта.

— Представляешь, Владимировна, ехали с ним раз на мотоцикле, а тут откуда-то котёнок, бежит, дурачок, прямо под колёса. Так Тишка остановился, переждал, пока тот скроется, потом только с места стронул. Ну? Это ж, как ни говори, сердце надо иметь!

А потом словно подменили мужа, особенно после смерти Томочки. И Анна тогда переживала, страдала, плакала, хотя ей врачи сразу сказали, ещё при выписке, что с таким слабеньким сердчишком недоношенная девочка не жилец. А Тихон, тот вообще у Зинкиного шинка чуть ли не жить стал. Бабы, кто постарше, из под-

руг-доярк, в один голос ей советовали: рожай быстрее второго, а то запьёт-загуляет мужик, не воротишь. Послушалась. Витенька на свет появился, зубки прорезались, потом и пополз. А папаня его, знай одно, всё горе своё горькое вином заливает, доченька, видишь, ему во всех снах снится, тятку спрашивает: почему её не уберёт?

И не смей ему перечить, не смей поперёк слова сказать, сам всё знает. Если допекут, как тигра озлится, то за бадик хватается, то за топор, а то и за дробовик: «Мне от вас жизни нет, всех порешу!..»

— Но я ему покуражиться над собой всё одно не давала, — смыкает из разлёта в ниточку враз посуровевшие седенькие бровки свои баба Нюра. — Вот тут вот, видишь, на правой руке я ногти никогда не стрижу. Как почему? Только он драться полезет, боксёр-то мой, я енти жала как выставлю, как хватану его когтями по морде — полдня потом за сараем, на варке сидит, волком воет. А ты не цапай меня первым, и я тебя не трону, сто лет ты мне сдался.

— Твой-то не такой придурочный, нет? — после некоторой паузы вновь неожиданным поворотом разговора заставляет растеряться, огорошивает Евгению Владимировну эта худенькая по комплекции, но такая боевая духом маленькая Брестская крепость — баба Нюра.

Женщины молчат. Молодая — от замешательства, слабо представляя себе, как это она, заслуженная, интеллигентная, без пяти минут народная, будет выставлять перед собой руки клешнями, как в детской пьеске Кощей Бессмертный, чтобы ухватить и потаскать за пышную бороду своего благоверного — главного режиссёра областного театра драмы и комедии. Вот будет чума, туши свет!

Старая — потому что в душе своей ещё и ещё раз переваривает высказанное. И отстранённо, словно чужому, удивляется тому, как сейчас спокойно, ритмично, без сбоев и перебоев бьётся её сердце и не частит пульс, не першит от волнения в горле. А возьми годом раньше, что б творилось?

*— Сейчас ручьи спокойно потекли,
А как шумели под моим окошком...*

Словно угадывая состояние Анны Гордеевны, красиво, с выражением, декламирует чьи-то стихи задумчивая Евгения Владимировна. И поясняет:

— Сильва Капутикян — армянская поэтесса.

Но баба Нюра на прозвучавшую библиографическую справку никак не отзывается. Стихи хорошие. А кто там их сочинил — ка-

кая разница: хоть Пушкин, хоть эта, как там она сказала, Сильва.

Сельская и городская мимолётные подруги, каждая находясь под своим впечатлением, больше не переговариваются, молчат. И без удивления, без улыбки смотрят на проходящего мимо них тщедушного бомжа в женском боа. А тот, заслышав в кармане своих тренировочных штанов позывные мобильного телефона — арию Кармен из одноимённой оперы, — внятно матерясь, вытаскивает трубку на свет и орёт неожиданно высоким голосом, срываясь на фальцет, так, что слышит вся автовокзальная площадь:

— Тебе чего из-под меня надо, лярва?! Денег? Нет у меня маней, тыква, нет ни копейки, сам последний хек без соли доедаю!..

И вновь все молчат. Возмущается неприкрытым хамством человека из народа одна только утончённая Евгения Владимировна. Сам же окружающий люд привычно безмятежен. Баба Нюра бормочет:

— За каждое дурное словечко ему на язык грех ляжет, — и презрительно указывает спусковым крючком согбенного пальца в сторону сквернослова.

Лёгкий ветерок гонит под ноги отрешённым пассажирам конфетные фантики, лоскуты порванных газет, остатки обёрточных ленточек из-под пирожков с мясом и капустой, чебуреков, клочки фольги от мороженого. Потонул и не выплывет теперь никогда из мелкой лужицы неизвестно как попавший туда зелёный погон — свидетельство чьей-то принадлежности к какому-то ведомству, то ли лесному, то ли коммунальному, то ли налоговому. Их сколько ведь сейчас расплодилось, всевозможных ведомств!

Евгения Владимировна, к некоторому удивлению бабы Нюры извинившись (это ишшо ж за что?), отлучилась ненадолго в туалет. А сама Анна Гордеевна вытаскивает на ощупь со дна просторных карманов кофты, связанной из пуха своих кроликов-великанов, чёрные и белые семечки, смачно лузгает их, аккуратно отправляя шелуху обратно в карман. Дома курам выбросит.

По бескрайнему небу высоко-высоко над головой Анны Гордеевны плывут кучерявыми барашками молодые облака, а по челу далеко не молодой женщины скользят всё те же потаённые, никому на свете не доступные думы.

...Константин лихо пошёл по службе. «С твоей лёгкой руки, Анечка», — скажет он ей на поминках, когда бледный весь, седой, растерянный, совершенно не похожий на себя, того прежнего красавца и франта, прилетит в Москву из своего Мурманска на похороны.

Сынок их тоже мог бы стать большим начальником, генералом, совсем близко светили ему новые звёзды, кителя и ордена — все,

кто выступал тогда на трауре, об этом говорили. Если бы не тот нелепый вылет...

Тихон на поминках выпил очень много, ничего, кроме завиточка квашеной капусты не цепляя на закуску ни вилкой, ни ложкой. И всё время молчал, тяжело ворочая желваками на чугунными ставших скулах да пряча ото всех в огромном своём кулаке рюмку за рюмкой. Как будто бы кто посмел тут у него поминальную водку отобрать... Она даже не выдержала, отозвала его в сторону, тихо прошептала: «Ты бы поплакал, дед, полегчает. Глянь на себя, почернел весь». Ничего он ей не ответил. И к брату своему двоюродному подходить не стал, только хмуρο кивнул издали. А на лице его все, кто хорошо знали Тихона, могли бы легко прочитать след той давней, но до сих пор незажившей обиды. За то, что провели они его тогда, как дурачка малого, отправив на другой берег Барского пруда тройную уху-сливуху варить да колдовать над кашей-рассыпухой.

*...Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку, —*

слышно, как поёт, поникнув седой, хотя и сохранившей прежние кудри головушкой, бывший директор музыкального училища.

Повисает в воздухе серебряная канитель развесистой сентябрьской паутины — неизменной фаты бабьего лета. И всплывают перед глазами разноцветные картинки того, что было, что хочешь или не хочешь, а выталкивает вдруг на поверхность из глубины воспоминаний порой не к месту услужливая собственная память.

В Москве затаился, молчал Тихон. А домой вернулись, опять за своё: то ружьём в неё целит, то за топором под лавку кидается — и никого нет рядом, ни Витьки, ни невестки, сыновой жены, чтоб защитили. А ведь вот так и прибьёт когда-нибудь — с него, дурака, станется.

— Ты вот чего, Аника-воин, — не выдержав, заявила наконец она ему недавно утром, пока муж был трезв и в своём уме. — Я с тобой больше в войну играть не буду. А только ещё раз поднимешь на меня руку — вытянешь ноги. Знать не узнаешь, когда чёртово зелье подолью. И об тебе рыдать не стану, глаза вон только луком натру, чтоб слезинку выдавить, и будя... Понял?

Думала, опять драться кинется, а он вдруг — правда, что ль, угрозы испугался, а может, и одумался вконец: притих. Целыми днями дела себе находит: то поленницу ставит, то терраску латает, то сараюшку правит. А в город сюда уезжала, так до самой госдороги провожать пошёл с корзинами, чего сроду не бывало. Хотела

она его ещё подколоть, спросить так, хитро прищурясь, с ехидцей: передавать ли, мол, Зинке от тебя привет, нет ли? Да передумала. Не тот был Тихон, чтоб его подкалывать. Да и Зинка-то, прости Господи все её грехи, много ль ей осталось?

А что там было у неё ли, не было ль по молодости лет на этой земле? Пусть ни за открытую святую любовь, ни за ту, что тайная, ни с кого не спросится. Есть просто любовь — и баста.

— Ой! Что это? — вскрикивает вдруг за спиной бабы Нюры, отчаянно пугая её, незаметно появившаяся Евгения Владимировна.

А по громадной территории автовокзала, мимо посадочных платформ, мимо автобусов и боязливо прижавшихся к стенам здания пассажиров рыча, урча, негодуя, захлабываясь в бешеном злобном клёкоте проносится бандитской кодлой разномастное сборище бродячих псов — чёрных, белых, рыжих, серых, одинаково грязных, косматых, вонючих, увлекаемых маленькой кривоногой сучкой шоколадного окраса туда, за дворовый туалет, и дальше, к выгребным мусорным бакам.

Чёрт возьми, да что же это творится на белом свете! То бомж с противной глоткой, то развязные девчонки голопузые, то эти бешеные собаки. Один лишь Веня Масыкин ничего вокруг не замечает, доверяя непутёвую свою головушку единственно верному дружке — баяну:

*А теперь я милой ничего не значу,
Под чужую песню и пою, и плачу...*

Надрывно ломает свой высокий голос несчастный музыкант.
Эх, Веня!

* * *

Скоро подадут к платформе красно-белый дилижанс по маршруту Евгении Владимировны; вон уже отправилась к автобусу девушка-контролёр в форменной синей юбке с посадочным листом в руках. Значит, нужно напоследок быстренько осмотреть себя в зеркальце. Чуть-чуть пройтись карандашиком помады по нижней губке, чуть коснуться верхней. Теперь реснички. Ну а щёчки всегда румяные. Всё. Макияж закончен. Высший класс.

«Давай, Женечка, вперёд, без грима!» — так обычно напутствует её перед выходом на сцену всегда подчёркнуто спокойный муж-режиссёр.

Да, баба Нюра, да, никакая Евгения Владимировна не «учителька», а самая настоящая артистка, причём очень в своём деле заслу-

женная и даже знаменитая. Но откуда знать стародавней сельской жительнице, к тому же из самого крайнего на карте области села Волчки, людей высокого искусства? Анна Гордеевна не только понятия об актёрах-земляках не имеет, но и про областной театр, по правде говоря, мало что слышала. Круглый год дом да скотина в хлеву, летом необъятный огород да сад — вот и весь её театр: и сцена, и авансцена. Дарят они ей столько забот и хлопот, её «артисты» — куры, свиньи, корова Ночка с тёлочкой-дочкой, что и на небо взглянуть некогда. Может, правда, это и хорошо, когда столько дел?

Другим радостям тихо радуется, даже ликует в душе Евгения Владимировна. Боже, какая неожиданная выпала сегодня удача, какой колоритный типаж попал прямо в профессиональные руки ей, драматической примадонне! Теперь скорее бы только, поскорее к мужу, к его внимательным, понимающим глазам! Она ему расскажет о сегодняшней встрече с этой бабой Нюрой всё-всё-всё, до мельчайших подробностей!

Попросит дельного совета, покажет те черновые эпизоды, которые, не теряя времени (оцени, Марик!), наметила уже здесь, на автовокзале, сидя на ужасно неудобной, режущей снизу бёдра и другие мягкие места деревянной лавке. Ничего, страдания и сцена — близнецы-сёстры, так, Мара? Но какой будет фурор на премьерном спектакле о Старике и Старухе! Ничего не надо выдумывать, ни в чём не надо пыжиться. Пьеса могучая, ты, Марат, был абсолютно прав, избрав для премьеры эту вещь — матёрую, жизненную, суровую. И Евгения теперь точно знает, как без штампов, без нажима и пережима сыграть главную роль.

Только бы запомнить (записывать-то неудобно) все характерные словечки этой седоголовой бабулечки, заучить и воспроизвести её беспокойные движения, когда шарит она в баулах, и плавные — когда пьёт водичку из домашней баночки, поправляет уголки траурной косынки и обтёрханные рукавички обветшалой кофточки. Да, обязательно нужны очки! Точно такие же очки, как у Анны Гордеевны, сверх дужек подвязанные обычным ботиночным шнурком! Никаких реквизиторов, никаких бутафоров. У свекрови, как-жестя, есть похожее — не откажет.

— ...Знаешь, говорю ей, сваха дорогая, — что-то ещё досказывает, теперь о судьбе другого сына, Витьки, баба Нюра, — развестись им недолго, а только дитя как жа? Она, сваха, дюже умная, каланизацией в городе заведает, думала, я, бабка деревенская, что-то глупое скажу, а я глупое и не сказала...

Евгения Владимировна, мечтательно полуприкрыв глаза, слушает Анну Гордеевну чисто из вежливости. Она сейчас очень дале-

ко отсюда, от этой милой, пусть порой и грубоватой бабулечки с её мирскими заботами. Примадонна мыслями своими уже там, на вываченной прямым лучом прожектора прохладной театральной сцене, где играется финальная, самая смысловая и самая тяжёлая часть спектакля. Тяжёлая? Да нет, счастливая!

Она знает, она верит, будет оглушительный, грандиозный, сумасшедший успех после её ударного монолога. Начнёт читать приглушённо, как бы про себя, а потом всё громче и громче, до апофеоза, заключающие спектакль стихи Нонны Яворской.

*Да полноте! Выживет баба с коровой
в забытой властями слепой глухомани.
Из тех, кто едой не травился в столовой,
из тех, кто не нашивал сотни в кармане,*

*кто всё по старинке и доит, и косит,
кто подлости города не понимает,
кто брак ширпотреба за модное носит,
кто хлеб из безмолвной земли вынимает.*

Гром, шквал, обвал рукоплесканий поползёт при этих её словах с переполненной галёрки вниз. Туда, где забит донельзя зрителями бельэтаж, оттуда — в заставленные приставными стульями ложи; потом — в переполненный амфитеатр, наконец, в партер с плотно заселёнными на страх пожарных проходами. Там, в седьмом ряду, величественно сияет розовыми лысынами всё начальство во главе со старым греховодником (уж она-то ух как его знает!) Зозулиным, железно пообещавшим ей к Рождеству «трёшку» в новом доме на сказочно престижном бульваре Роз. Там, где живёт вся городская знать, где милиция и где нет бездомных подростков, говорящих между собой на ужасном языке подворотен. Знал бы ты, Маратик, чего мне стоило вырвать у Зозули обещание...

Но ладно, не будем об этом. Нас ждёт с тобой театр, спектакль года «Старик и Старуха», овации, горы цветов. Потом, за кулисами, лучше в гримёрке, можно будет выбрать из букетов любимые орхидеи, не вянущие очень-очень долго. А коробок конфет, мягких игрушек, которые протягивает благодарный зритель, хватит щедро одарить всех, включая привередливую бухгалтерию и родимую вахту. Что ж, спасибо и низкий поклон!

И пусть, как можно шире улыбаясь, разыгрывают из себя на выходах к публике самых близких её подруг на самом деле умирающие от зависти коллеги — Инга, Агнесса, Ксаверия Валерьевна —

это будет её день! Её — и даже не присутствующего в зале местного драматурга, не мужа-режиссёра и постановщика новой пьесы, не всемогущего Зозулина, благосклонно и многозначительно машущего ей ручкой. Её!

«А ведь надо бы мне как-то отблагодарить Анну Гордеевну за такой подарок», — задумывается Евгения Владимировна. Но как? Порывшись в сумочке, но не найдя ничего подходящего — ни конфет, ни шоколадки, ни простенькой безделушки — она тоненькими пальчиками выуживает из изящного кошелёчка новенькую хрустящую сторублёвку. И протягивает её опешившей бабе Нюре:

— Анна Гордеевна, дорогая, вам на память, пожалуйста, я от чистого сердца!

Потерянно трясёт седыми кудельками баба Нюра, не способная никак понять: за что, за какие-такие доблести щедро одарила её эта совсем по сути незнакомая дамочка? А светлые брючки городской незнакомки уже мелькают вдалеке, изящно обгоняя мятые клёши встречного увальня — того самого губастого шофёра с дубравского автобуса. Он, теперь пешим порядком, обходит людские островки очередей у посадочных платформ, заискивающе выглядывая пассажиров-попутчиков. И, как это любят делать практикующие извозом частники, покручивает в покрытых вечным шофёрским загаром пальцах ключики зажигания на брелке, соблазняя — мягко, вкрадчиво — хотя бы пару-тройку человек на свой рейс. Страсть как неохота возвращаться ему на базу пустым.

— Ну, девоньки, кто со мной, я ведь парень неплохой, — улыбается симпатично голопузым девчонкам с дикарскими шариками в носу дубравский водила.

— Знаем мы, что неплохой, только ссышься и глухой, — тут же в ответ ему кричит, не выплёвывая жвачки изо рта, та самая рыжеволосая атаманша-предводитель команчей.

И все, кто слышат эту молниеносную перепалку, сгибаются от смеха. Все, кроме замкнутого человека без определённого места жительства, в рваном боа и грязно-апельсинового цвета манто нараспашку, который, подобно главе прогорающей фирмы, сдержан и молчалив. Покусывая ногти на подрагивающих пальцах, почёсываясь во всех местах, он нарезает всё новые и новые нетерпеливые круги вокруг гогочущих девиц, ожидая, когда же оставят они у стены опорожнённые пивные бутылки. Работа такая. Какой тут может быть смех? И нельзя вести себя по-другому, легкомысленно, если за этой же стеклотарой, дающей право на полновесный бутерброд с котлетой, следят сейчас из разных уголков площадки ещё как минимум три пары заинтересованных глаз. Будешь в ежедневной и

беспощадной борьбе с конкурентами и серьёзен, и озабочен, и деловит!

* * *

*Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку...*

Благодарный всему миру, но прежде всего неизвестному благодетелю, сунувшему под горстку мелочи целую сторублёвку — поёт на пределе сил, раскачиваясь в инвалидной коляске, Вениамин Алексеевич Масякин.

Поёт, совершенно не догадываясь о том, что смотрит сейчас на него из окна маленького автобуса, слегка оттянув краешек голубенькой занавески, мама Толи Кочеткова.

Помнит он его? Толю Кочетка? А почему же нет, прекрасно помнит. Нормальный такой в классе был чувак — отличник, юморист, фанат спортивный. Гири во дворе на переменах по сто раз выжимал и постоянно мячик от большого тенниса качал в ладонях. Весной прикатывал в школу на велике без рамы, зимой шарил из своих Волчков семь вёрст на лыжах, а летом пугал народ на рога-том мотоцикле с настоящей немецкой люлькой. Вместе они учились три последних года, за район играли в баскет, в футбол. Вместе рыбачили. Помнится, позже Кочеток приударял за одной приезжей девчонкой из военного городка — белокурой певуньей Виолкой. Та, вроде, и замуж потом за Толика вышла? Где они теперь? А-а, ладно ...

Во всю ширь растягиваются потёртые меха много чего в своей жизни повидавшего баяна. Раскачивается над ладами инструмента седой немолодой музыкант. И взволнованно внимает каждому звуку баяна зацепившаяся за уголок шиферной кровли ажурная сеточка серебряных паутинок. Этих иногда весёлых и игривых, а чаще всё же грустных и задумчивых спутниц неизбежного праздника увядания природы — бабьего лета.

Александр МАКАРОВ

ВАНЮШКА

Рассказ

Давнее-давнее, раннее-раннее.

Я в родном селе Еремеево, в избушке моей бабушки Марьи Фоминишны. Я ещё совсем маленький, молчу, говорить не научился, да, вероятно, и ходить не умею. Бабушка подняла меня с пола и поставила на окно, там за стеклом стоит январский морозный день. По порядку (так у нас называют улицу) ходят, бегают друг за другом странные лохматые, рогатые, хвостатые существа. Это ряженные. Но я не понимаю слово «ряженные», и для меня это реальные черти, лешие, домовые. Вот один, самый страшный, приближается к окну, в котором я стою в полный рост, и неожиданно тычется огромной серой бородой в стекло. Сейчас я тебя съем! У меня всё внутри замирает от страха. Не помню, кричу я или молчу, помню только голос бабушки:

— Не плачь, не бойся, это Ванюшка.

За дверью слышится шорох, скрип, вот дверь распахивается, и в избу вваливается белое облако. Из облака выбегает лохматый чёрт, садится на лавку, снимает рога и бороду, снимает шкуру, и я вижу не чёрта, а Ванюшку. Он мой двоюродный брат, но я не знаю об этом, для меня он просто Ванюшка — добрый, сильный, смелый, такой же родной, как отец и мать, как бабушка, как всё, что меня окружает.

Александр Макаров родился 17 июля 1946 года на Тамбовщине, сейчас живёт в селе Вишневом Староюрьевского района.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России.

Публиковался в областных газетах, журналах «Подъём», «Наш современник», получал премии этих журналов за лучшие публикации года. Автор семи поэтических сборников.

В этом номере «ТА» дебютирует как прозаик.

Ванюшка подходит ко мне и протягивает кусок сахара. Это сейчас мы дарим малышам шоколадные конфеты с красивыми фантиками, а тогда, в пятидесятые годы, я не видел конфет. Может быть, их было где-то много, но в нашем глухом селе, затерявшемся в осокорёвых куртинах, почему-то я не видел ни у кого конфет даже и тогда, когда научился бегать и говорить. Был сахар — большая радость-сладость. Я рос-подрастал, не думая о судьбе. В детстве не думаешь о судьбе и не знаешь, что это такое. Всё дорогое, всё доброе и светлое принимаешь не как дар судьбы, а как должное, принадлежащее тебе по какому-то праву, как будто вся жизнь, когда ты маленький, кругом должна тебе, а ты ей ничего не должен. И, может быть, это так и есть. Жизнь всё тебе даёт, чтобы ты окреп и возмужал, чтобы после всё возвращать ей назад. Это сейчас благодарить судьбу за каждый неповторимый миг, за каждого хорошего человека. Я всегда знал, что Ванюшка хороший человек, но вот благодарить судьбу за то, что он у меня есть, такая мысль в голову не приходила. Ванюшка был для меня так естествен и обычен, как небо над головой, как облако над рекой, как ветла у дороги и как ветряная мельница на бугре. Может быть, так было угодно судьбе, чтобы с начальных моих лет рядом шёл такой чистый и глубокий человек, как Ванюшка. Через него мне открывался мир человека, мир природы, красота моей Родины.

Вот вроде бы обычное дело: мы собрались по торф. Пришли на торфяник, нашли место, штыковой лопатой сняли верхнюю часть земли, стали кубиками резать торф и вытаскивать на бугорок для просушки. Я устал, всё надоело и, кажется, ничего не видел и не слышал. Но когда прошло много лет, когда я служил в армии на Северном флоте, вдруг увидел однажды в своей памяти себя и Ванюшку, идущих на торфяник. Мы дошли до деревни Кукуевка, миновали деревушку Михайловка, свернули влево, в низину. Поле осталось позади, и бой перепела насилу докатывался до слуха. Здесь начиналась другая музыка: квакали лягушки. Может быть, не так благозвучна была эта музыка, как бой перепела, но всё равно это была сладкая щемящая музыка земли.

Мы сняли верхний слой земли и сразу же наткнулись на торфяную жилу. Это был светло-коричневый перегной, пропитанный водой, весь испещрённый золотыми прожилками корешков. Через много лет я слышал запах торфа. Это был запах сырой древесины, травы, листьев, воды — угрюмый и тревожный запах, будоража-

ший моё сознание. Торфяник звал меня к себе, то был зов родного края. Но, отслужив в армии, я всё-таки не откликнулся на зов торфяника, а поехал в Москву на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку. В памяти стоял Ванюшка, смотрел на меня и молчал.

— Ванюшка! — кричал я ему мысленно. — Я хочу себя испытать. Ведь ты сам говорил мне, что в борьбе со злом и трудностями душа становится крепче и добрей. Хочу быть сильным и добрым...

Работая на стройке бетонщиком, я часто вспоминал Ванюшку. Я видел огромное поле пшеницы. Ванюшка работал комбайнёром и взял меня с собой.

— Посмотри, сколько хлеба, — с гордостью показал он рукой на пшеничное поле.

Я посмотрел, но хлеба не видел. Я видел поле, видел колоски, нагнувшиеся в какой-то доброй покорности, видел коршуна в вышине, облако, висящее на птичьем крыле, видел вёглы и соломенные крыши села Еремеево. Всё я видел, а вот хлеба никак не мог увидеть. Тогда ещё хлеб для меня был тот, который на столе. Я ещё не знал, что круглые тёмно-коричневые и всё же всегда почему-то светлые хлебы, которые бабушка доставала из печи — это и есть вот эти самые склонённые к земле колоски, и согнулись они не от покорности, а от тяжести зёрен, наполненных солнцем.

Я понимал, что мои воспоминания детских лет — это рождающаяся тоска по родному краю, по дому, где я родился. Время звало меня назад, звало туда, где жил и живёт Ванюшка. Теперь я понимал, что ничего не бывает в жизни зря. Судьба связывала меня в детстве с Ванюшкой и через Ванюшку открывала глаза на мир, чтобы потом Ванюшкой звать меня назад.

Вот живёт в селе Еремеево такой человек. Время — пасёт коров, время — сеет зерно, время — убирает, время — роет колодцы, время — роет могилу...

— Пойми, — говорит он мне, — не там счастье, где светлей небо, а там, где у тебя душа становится светлей.

Однажды (мы уже переехали в соседний совхоз) он приехал к нам и спокойно сказал, что у него горе. Сгорел дом. Мама моя заохала, он успокаивал её, говорил, что всё теперь позади, главное, что все живы, и нужно строить новый дом. Он рассказывал, каким будет новый дом, говорил, что не будет больше крыть крышу соломой, а займёт денег и купит железо. Он в это время стерёг стадо, уходить не хотелось — терялся заработок, а деньги сейчас нужны,

и он договорился с напарником, что если за него будет стеречь коров Щурка, то есть я, то он будет строиться. На том и порешили. Я был несказанно рад.

И вот я пастух, точнее — подпасок, главным был дядя Тимофей. Я все летние каникулы пас коров, у меня была лошадь, которую звали Фея. В мои обязанности входило смотреть, чтобы коровы не зашли на поле. Коровы были смирные, лошадь послушная, у меня находилось время смотреть на облака, которые как стадо коров паслись на небе. Я находил то кладку чибиса, то лисью нору. По реке времени медленно шли мои дни. Сколько лет прошло с тех пор, а я всегда вспоминаю своё пастушество, всегда, когда вижу в памяти или наяву места, где стерёг стадо — Дальнюю Луку, волнуясь, какой-то ком подкатывается к горлу, я понимаю, что я был тут счастлив, хочется смеяться, плясать, летать. А я стою и молчу. Думы сменяют одна другую. Когда был далеко от дома, думал: пока жив, обязательно приеду в свои родные места навсегда. Когда рядом, думаю: вот в воскресенье пойду в Дальнюю Луку. Всё там по-прежнему. Недалеко от коровьей тропы увижу гнездо чибиса — и гнезда-то нет никакого, просто в ямочке два яйца с пятнышками. В небе услышу бляенье ягнёнка. Это бекас. И хотя нет уже на свете дяди Тимофея, но в памяти он живёт, ходит — длинный, худой, покашливающий.

Однажды к нам в Дальнюю Луку приехал Ванюшка. Он был в хорошем настроении: купил и привёз железо на всю крышу. Сказал, что приехал ненадолго, часок-другой имеется в запасе, и он хочет половить плотвы. Ванюшка был страстным рыбаком, а любой рыбак, если он настоящий, всегда найдёт хоть небольшую отдушину во времени, чтобы хоть разок взмахнуть удилищем, увидеть, как поплавок аккуратно шлёпнется на воду, и замереть, не сводя глаз с поплавка, успевая, однако, заметить и жёлтую выпь, выползающую из старого камыша на том берегу, и вывернувшегося в самой межени реки бронзового леща, и тучку, бегущую по небу куда-то. Минуты эти сравнимы с вечностью.

Я обрадовался возможности половиться вместе с Ванюшкой. Удочки стояли в будке, я схватил их, взял себе самую маленькую, две другие протянул Ванюшке. Дядя Тимофей смотрел с улыбкой. Он никогда не ловил рыбу, но понимал нас. Рыбы в реке было много. Ванюшка ловил на хлеб. Ловил он особенно. Он не подсекал, а просто потихоньку поднимал над водой согнувшееся под тяжес-

тью удилице, и плотва, как серебряный слиток, медленно отрывалась от поверхности воды, с ускорением летела на берег. Я не умел так ловить. У меня на червя брал мелкий окунь. Ванюшка посмотрел на моих окуней и произнёс:

— Травяник.

— Что за травяник такой? — переспросил я.

— Мелкий окунь, — ответил брат. — Всегда трётся около травы, то червячка проглотит, то жучка. Большим никогда не становится. Вот глубоинный окунь, тот крупный, ходит на глубине, любит простор, ширь, спокойный, не мельтешит. Жизнь у рыб почти как у людей, — вздохнул он, подумав о чём-то своём. — Люди вот тоже такие же есть. Иные всю жизнь так и живут на мели, ловят в траве червячков, жучков, страшась чистой холодной глубины...

Я не сразу понял его. Понял только потом, когда всё отдалилось, отошло на расстояние. «Большое видится на расстоянии», — сказал поэт. И вот на расстоянии я стал всё отчётливей видеть Ванюшку. Я понял, что он мне дан судьбой. Он, сам того не зная, заложил в мою душу то нравственно-здоровое, чем был богат сам. Я не завидовал его судьбе — всё было трудно, я был уверен, что смогу жить так же просто и обыкновенно, как и он. Он принадлежал к людям чистым, глубинным. Его не касались ни зависть, ни корысть. Он как бы стоял выше всего суетного, душа его подпитывалась от каких-то глубинных чистых ключей, незамутнённых родников. И, рассказывая о нём, я ловлю себя на мысли, что рассказываю о себе. Что о нём я ничего почти не сказал. Но внутренний голос говорит мне: «Ты не прав. Рассказывая о себе, ты рассказываешь о нём. Потому что его жизнь проходит через твою жизнь. Его жизнь прикоснулась к твоей жизни, смешалась с твоей жизнью, стала твоей собственной. И сколько бы ты ни жил, ещё не раз вспомнишь о нём, потому что ещё до конца не осознал, какое влияние он оказал на твою судьбу».

Спасибо тебе, Ванюшка!

Зинаида КОРОЛЁВА

Я ПРОЙДУСЬ ПО ИНТЕРНЕТУ

Рассказ

Он действительно устал... Устал гулять по Интернету: в глазах появилась сухость, все кости ломило. Так было в его первую поездку в пустыню: постоянно хотелось встать под душ, смыть скованность в плечах, позвоночнике, увлажнить тело, потому что жара высушивала всё. Но сейчас-то почему? Он же не сидел неподвижно, а даже вставал и прохаживался по своему «Монте-Карло». Так назвала его кабинет жена. До последней поездки в загранку компьютер стоял в большой комнате, так называемой балконной, где было светло, прохладно. Но когда вернулся год назад из затянувшейся на целых пять лет командировки, обнаружил свой комп в кладовке, вот в этом четырёхметровом чулане, заваленном разным хламом. Комнату жена оборудовала под будуар. Он не стал спорить, молча этот хлам переместил в балконную комнату, а в чулане собственноручно произвёл ремонт. Он работал зло, но в то же время и упоённо, как будто сооружал крепость, недоступную постороннему глазу. На стенах красовались фотообои с морской символикой — пробыв в пустынях в общей сложности более пятнадцати лет, он всегда теперь мечтал о воде в виде реки или моря.

Зинаида Королёва родилась на Урале. Окончила Московский кооперативный институт. Работала на тамбовском заводе «Электроприбор».

Публиковалась в областных газетах, центральной газете для инвалидов «Надежда», в альманахах и коллективных сборниках. Автор более десяти книг прозы и стихов, вышедших в издательствах Тамбова.

Член Союза писателей России.

Кабинет был напичкан разной техникой, в том числе и внутрикомнатным кондиционером, работавшим без выставления в окно — последний писк техники. Он привёз его из очередной командировки, будто предчувствуя своё поселение в изолированной тёмной кладовке.

Поворчав изрядно, жена разобрала и выбросила хлам из будуарной комнаты. Зайдя в его оборудованный кабинет, она примирительно и в то же время удивлённо произнесла:

— О! Да ты тут Монте-Карло себе соорудил!

Название прижилось. И когда кто-то из друзей звонил и спрашивал: «Ты где?», — он шутливо отвечал:

— В Монте-Карло отдыхаю.

Да, именно здесь, а не в своей светлой и более-менее просторной спальне он отдыхал: от громкой музыки, от гудков автомобилей, летевших с улицы. А здесь было его тихое государство, куда никто из посторонних не входил. И даже жене в его отсутствие вход был воспрещён. Да она и не рвалась сюда, тем более что и в его спальне за весь год она ни разу не появилась. С друзьями тоже само собой утряслось: старые были против его женитьбы на Альбине, и после свадьбы все встречи проходили на их территории. А новых друзей он не хотел знакомить с женой, чувствуя интуитивно её отчуждённость. С ними он встречался на нейтральной полосе: в кафе, в бассейне, на стадионе.

Ефиму захотелось попить кофе не здесь, а в просторной, светлой кухне, тем более что и вода закончилась. Проходя через прихожую, Ефим увидел чуть приоткрытую дверь. Он ошалело посмотрел на часы — на них высвечивалось пять утра. Он вновь посмотрел на дверь, затем выглянул на площадку — там царили тишина и пустота. Ефим захлопнул дверь и закрыл её на нижний замок, которым почти никогда не пользовались, но ключ был вставлен в пробойну. Вдруг он вспомнил, что ещё с вечера слышал скрежет открывшейся двери. Он обошел все комнаты, заглянул в спальню жены, в её святая-святых, куда он мог зайти только с её разрешения — везде было пусто, в квартире он был один. Вернувшись в прихожую, он сел в кресло, не понимая, что произошло.

Неожиданно для себя он задремал и увидел во сне свою любимую бабушку. Она стояла перед ним совсем молодая, укоризненно качала головой и выговаривала ему строго и в то же время с ласковыми нотками: «Ты что же это, Фимушка, не жалеешь себя? Меня-

то нет рядом, и приласкать некому бедную твою головушку? Помнишь, о чём я тебя предупреждала перед вашей свадьбой? Вот то-то и оно — не забыла она его, не забыла, все эти годы они были вместе. Да ты и сам им это позволял — разве можно находиться врозь столько времени? Ты посчитай, сколько годочков наберётся вашей совместной жизни? Лет пять, не больше. А остальные она с ним, с другом твоим. Вы же чужие люди. Отпусти её с миром. А сам вспомни о Наташе, она ждёт тебя. Это она ухаживала за мной последние годы. Она и хоронила меня. Сегодня годовщина моя, ты позвони ей, вместе и приезжайте ко мне, а то она не сможет одна прийти, ногу повредила. Номер телефона её помнишь? Вот-вот, наши с тобой годы рождения. А если сложить все цифры, то счастливая семёрка получается. А ты поспи, поспи, а я тебя покараую».

Бабушка исчезла так же внезапно, как и появилась, а Ефиму так много надо было ей сказать. Он хотел вскочить и бежать за ней, но какая-то неведомая сила придавила его к креслу, и он провалился в глубокий сон.

В комнате раздался телефонный звонок и разбудил спящего Ефима. Он удивлённо посмотрел по сторонам, на себя, полулежащего в кресле. Телефон не унимался, звонил и звонил. Ефим протянул руку, снял трубку, хрипловато произнёс:

— Слушаю...

— Лапоть, ты где?

— В прихожей. Ты что верещишь, как будто тебя щекочат?

— Чего-о? Ты что, Лапоть? Забыл, что мы едем на дачу? Мы все ждём тебя на вокзале, уже одну электричку пропустили. Давай, лови тачку и гони на Ярославский.

— Нет, Игорь, поезжайте без меня.

— У тебя что-то случилось? — в голосе друга чувствовалась тревога.

— Нет. Всё в норме. Просто я должен быть дома. Когда вернёшься, позвонишь.

Ефим быстро встал с кресла, выдернул шнур из розетки. Как он мог забыть о бабушкиной годовщине?! Договорился со школьными друзьями поехать на дачу именно в этот день — вот кретин. С этим Интернетом можно совсем свихнуться. А с другой стороны — чем ещё ему заниматься в свободное время? Детей нет, дачи тоже. У жены, похоже, есть любовник. К нему с вечера и убежала. Да и как ему не быть, когда мужа целыми годами не бывает дома. Хотя, если

бы любила, то поехала бы вместе с ним.

Ефим бесцельно бродил по квартире, не находя себе покоя от мысли, что забыл о бабушкиной годовщине. Мало того, что последние дни её жизни он не был с ней, а теперь, когда он был дома, случился такой казус. Всего месяц бабушка не дожидая до его приезда, не дождалась...

Он представил, как худенькая, усохшая бабушка всё с возрастающей тревогой ожидала его возвращения. Он знал, что её тревога и даже страх были из-за квартиры. С момента гибели его родителей тревога постоянно жила в ней. Она долго хлопотала по реоформлению квартиры, а особенно по вопросу опекуна над внуком, то есть над ним. Она заменила ему родителей, и он очень любил её, слушался во всём, кроме женитьбы на Альбине и поездки за границу. И теперь приходил к мысли, что и в этих вопросах надо было прислушаться к бабушке, а не совершать этих ошибок. Он был твёрдо убеждён сейчас, что Альбина никогда не любила его, а вышла за него из-за корысти: ей нужна была большая квартира, и ещё прельстила его поездка за границу. У неё на первом плане были всегда только деньги, деньги...

Ефим вновь сел в кресло, но спать не хотелось: ему моментально вспомнился приснившийся утренний сон. Что мог означать он? Неужели и правда, что души умерших продолжают жить и с небес наблюдают за нами? Он вспомнил короткий сон в день бабушкиной кончины: она шла к открытой двери, за которой была чернота. Она шла тяжело, неохотно. В дверях остановилась и повернулась к нему, произнесла тихо, глухо: «Ну вот, сынок, так и не дождалась я тебя, ухожу. А так надо было повидаться. Тебе Наташа всё расскажет».

Наташа расскажет... А он за год ни разу не съездил к ней и даже не позвонил. Да-а-а, свинтус порядочный... Пора исправляться. Да и вообще надо менять свою жизнь в корне — пора определиться в отношениях с женой. Кто она ему? Капризная любовница, допускающая до себя только за дорогие подарки? Но такое «диво» можно найти и на стороне и в ответ получить и ласки, и внимания в большем количестве. Внезапно перед его глазами предстал образ красавицы японки Лю. Он повстречался с ней в одной из многочисленных гостиниц, где за эти годы пришлось жить. Она называла его восторженно — «Эльф». Только с ней впервые в жизни он познал, что такое женская ласка, заставляющая мужчину терять го-

лову. Ради неё он готов был на любые сумасбродные поступки, но Лю не позволяла ему их совершать. И если бы не её внезапный отъезд на родину, то не известно, чем бы всё кончилось. В одном он только уверен, что разрыв с Альбиной произошёл бы обязательно. Но тот страшный год перевернул всё...

После исчезновения Лю он целый месяц искал её, а затем получил то чудовищное предсмертное письмо, полное любви и тоски. Лю сообщила, что была смертельно больна, и уже ничто не могло её спасти — она была внучкой спасшейся девочки из пригорода Нагасаки в августе 1945 года. И вот спустя годы незримая, безмолвная, но такая жестокая смерть настигла её.

В те дни Ефим потерял контроль над собой: не понимал, что он делает, зачем это надо делать? Да и вообще, стоило ли жить ему?! Но наказ Лю жить за двоих заставлял его держаться на плаву. Очень помогла ему тогда поддержка друзей — они завалили его срочной работой, да в таком количестве, что он не замечал смену дня и ночи. В конце года выяснилось, что он разработал какую-то уникальную установку, не известную ни в одной из развитых сверхдержав. Он срочно вылетел в Москву и год проторчал на Родине, перемещаясь из КБ на экспериментальный завод, а оттуда на полигон. Последовательность перемещения иногда менялась, но три пункта оставались неизменными. Спал то в кабинете, то в общежитии, то в гостинице. За весь год появлялся у бабушки раз пять-шесть. А Альбина даже не подозревала, что он почти рядом с ней. Как-то раз проезжал мимо дома и увидел жену вместе Лёвкой С., с её школьной пассией, выходящими из их подъезда. Друзья говорили ему, что в его отсутствие они живут вместе. Но мысль на этом не задержалась, только мелькнуло в голове: «Пусть будут счастливы». Каждая клеточка его мозга была занята установкой. Хотелось быстрее завершить доводку и провести испытания. Труд огромного коллектива и лично его закончился успешно: весь их коллектив тогда наградили, а Ефим получил Государственную премию. Так как установка была секретной, то в прессе о наградах не сообщалось и поэтому эти деньги не попали к Альбине. Их отношения оставались ровными и устраивали обе стороны: она получала от него деньги и жила своей жизнью, а он был рад, что не надо было писать, звонить ей — между ними пролегла холодная, непреодолимая река отчуждения...

Ефим не стал подключать телефон, а по мобильнику набрал На-

ташин номер. Послышался длинный гудок и сразу же знакомый до боли голос ответил: «Я слушаю...» Как будто бы все эти годы она сидела у телефона и ждала его звонка. Ефим хрипло произнёс:

— Наташа, здравствуй!

— Фима! Ты приехал?! Когда? — голос Наташи звучал радостно.

— Год назад... — Ефиму было стыдно произносить эти слова.

— Как это — год назад? Разве ты не уезжал обратно? — в её голосе звучали уже другие ноты: удивления и разочарования.

— Нет, не уезжал.

— Ничего не понимаю... Но ведь мне сказали...

— Наташа, — перебил её Ефим, — ты живёшь по тому же адресу?

— Да, конечно.

— Я сейчас приеду. Никуда не выходи. Я очень тебя прошу!

Он в самом начале разговора понял, что Альбина вновь вмешалась в его судьбу. Он только не мог понять, каким чудом документы на квартиру попали к нему, а не к жене? Ангел-хранитель помог? Хочешь не хочешь, а поверишь в это чудо.

Ефим помнит, как в тот день торопился домой, отложив две важные встречи. Войдя в подъезд, он первым делом забрал пакет из почтового ящика. Услышав спускающийся лифт, он непроизвольно, подчиняясь какому-то внутреннему голосу, зашёл за выступ стены. Из кабины выбежала Альбина, метнулась к ящику и тут же стала звонить по телефону. «Нет там ничего! — раздражённо произнесла она. — Или эта монашка наврала, или он успел взять. Но куда он скрылся? Пешком по лестнице? У него мозгов хватит».

Альбина также стремительно оказалась в кабине и исчезла. А на Ефима тогда навалилась невероятная тяжесть, от которой не мог пошевелиться и ещё минут пять стоял в углу, а затем вышел на улицу, свернул в сквер и устроился на скамейке.

Он ещё не знал, что в этом пакете, но интуитивно сознавал, что в нём что-то очень важное для него. Так оно и оказалось — там были документы на квартиру, сберегательная книжка на предъявителя на крупную сумму, его письма, телеграммы, адресованные бабушке. Рассмотрев записи в сберкнижке, Ефим понял, что все посылаемые им деньги из командировок бабушка помещала на этот счёт. Он с ужасом подумал, что попади эта книжка в руки Альбине, и он даже не узнал бы о безграничной бабушкиной любви и заботе о нём...

Ефим въехал в знакомый двор, остановил машину у второго

подъезда, осмотрелся вокруг — всё было как будто то же самое, и в то же время всё по-другому. Деревья выросли и образовали маленький зелёный сквер. В тени деревьев на скамейках сидели жители трёх прилегающих друг к другу домов, а детвора играла в песочнице и каталась на качелях. Он отыскал взглядом свой каштан и Наташину рябину — они стояли рядом, цепляясь ветками друг за друга. Рябина была обвешана рыжеватыми гроздьями, а на каштане зрели многочисленные плоды.

Воспоминания ментально перенесли его в тот далёкий год детства, когда родители были ещё живы, и они жили на одной площадке с Наташей. Однажды жители всех домов организовали общий субботник по посадке деревьев. Они с Наташей сажали вместе — сначала рябинку, а затем каштан. Он подошёл к деревцам, погладил, будто поздоровался с ними и направился в подъезд.

Ефим поднялся на третий этаж, с грустью посмотрел на дверь бывшей квартиры родителей, затем медленно нажал кнопку Наташиного звонка, и вдруг с удивлением обнаружил, что дверь приоткрыта. В глубине квартиры послышался голос: «Заходите, дверь открыта!» Он вошёл в прихожую — там было пусто, а из дальней комнаты звучал голос Наташи: «Фима, это ты? Проходи сюда, я здесь».

Ефим шагнул в комнату и сразу увидел распухшую ногу, лежащую на высокой подушке. Переведя взгляд на лицо Наташи, он чуть не вскрикнул — перед ним была его Лю! Наташа, став взрослой, очень изменилась, и, встретившись с ней на улице, он не узнал бы её. А вот пройти мимо он не смог бы — как можно пройти мимо своей Лю! И только в данный момент он сообразил, почему тогда подошёл к незнакомой рыжеволосой японке. В ней он увидел черты своей Таши, которую жестоко обидел, предпочтя её Альбине. Но всю свою дальнейшую жизнь он неосознанно сравнивал всех женщин именно с Наташей. И интуитивно найдя какое-то сходство с ней в Лю, попал в её объятия.

Лю была метиской: мать — японка, отец — рыжий испанец. А метисы, как правило, неотразимо красивы. Вот и во взрослой Наташе проявились черты её деда, по национальности тоже испанца.

— Что с ногой, Наташа? Что случилось? — Ефим присел на корточки перед диваном.

— Здравствуй, Фима! Ты что по-петушиному устроился? Бери стул, садись. А я по-человечески встретить тебя не могу.

- Всё нормально. Ты не тяни, быстренько вводи в курс дела.
- А что вводить? Совершила неудачное приземление во время выхода из автобуса.
- Ясно. Врача вызывала? Что он сказал?
- Какого врача?! Сегодня же суббота.
- А ты сегодня оступилась?
- Нет, вчера вечером.
- А вечером ты могла вызвать неотложку? — Ефим смотрел на взволнованное лицо Наташи, а перед его глазами было необычно смущённое, растерянное лицо Лю в их последний совместный день перед её внезапным отъездом.
- Фима, спустишь на землю — какая неотложка поедет из-за растяжения сухожилий?
- А ты всё такая же упрямая, Таша. Я выйду на балкон, позволю, а то у моей мобилы батарейки подсели, из комнаты плохо берёт.
- Он прошёл на балкон, набрал номер друга:
- Грай, нужна твоя помощь — повреждена стопа у дамы.
- А она красивая, твоя дама?
- Неотразимо красивая. А ты всё такой же — ни одну юбку не пропускаешь?
- Так это святое дело — помочь неотразимой. А насчёт юбок такой расклад: как только перестаёшь обращать внимание на женщин, то сразу же превращаешься в дряхлого старика. Слушай, Лапоть, а ты-то как там оказался? Не забудь при встрече рассказать. А сейчас диктуй адресок, через полчаса подкатим.
- Ефим назвал Наташин адрес. Грай весело присвистнул: «Так мы почти рядом, ждите раньше!»
- Ефим вернулся к Наташе.
- Минут через двадцать подъедет неотложка. Таша, а ты помнишь Грая?
- Это которого звали Формалином? Конечно, помню. Как-то издали видела его с женой.
- Он не женат. Это, по-видимому, его новая пассия. Тебе ничего не нужно?
- На столе возьми сумочку, там все мои документы и деньги. Да, Фима, скажи, ты переоформил квартиру? Документы попали к тебе?
- Да. Но об этом потом, у нас с тобой впереди целая вечность. А сейчас надо подготовиться к поездке. Думай, что тебе необходи-

мо сделать. А вот, кажется, и Грай.

Ефим поспешил в прихожую, где нетерпеливо звенел звонок.

В дверь втиснулся грузный Грай, заполнив своей массой тесную прихожую.

— Здорово, Лапоть! Показывай свою Неотразимую с её прелестной ножкой.

Для своей полноты Грай был очень подвижен и уже через секунду стоял перед привставшей Наташей.

— Слушай, Лапоть, что ты мне мозги формалинишь? — Грай с удивлённой улыбкой смотрел то на Наташу, то на Ефима. — Это же наша Неприкасаемая!

Он поставил чемоданчик на стул, а сам устроился на другом рядом с кроватью. Именно устроился: сначала проверил рукой прочность стула, затем осторожно присел и только потом заполнил своей тушей всё сиденье. Он смотрел на Наташу нежным, восторженно-удивлённым взглядом.

— Подруга, мы же всем классом тебя разыскивали, а ты залегла на дно, как камбала какая. Пардон, если обидел, — он всем корпусом повернулся к Ефиму. — Ты понимаешь, Лапоть, она все эти годы ни на одной встрече выпускников класса не была, ни с кем не встречалась — как невидимка по городу бродит.

И опять обратился к Наташе:

— Ну что случилось с твоей прелестной ножкой, красота ты моя ненаглядная?

Грай осторожно, сантиметр за сантиметром обследовал ступню.

— Ну что, батеньки мои, нечего ей светиться на рентгене, тут классическое растяжение связок. Мазь, компрессы и покой. Я забираю Лапотка, загружаю его лекарствами и доставляю сюда в упаковочке. Всё, девица, я испаряюсь. Будь всегда!

Через час Ефим открыл предусмотрительно взятым ключом дверь и поспешил в комнату, оставив в прихожей множество пакетов с провизией.

— Как ты тут, Таша, заждалась? Ты понимаешь, он замотал меня по городу — два срочных вызова и оба с помещением в больницу. Надо было мне следом на своей машине ехать, быстрее было бы. А Грай доволен — все новости с последней встречи одноклассников рассказал. Ташенька, давай смажем ногу мазью, и я пойду готовить еду.

Ефим говорил, двигался и всё делал так легко и свободно, как

будто он тут жил всегда.

Минут через пятнадцать у кровати Наташи стоял журнальный столик, уставленный блюдами с разными закусками, фруктами и бутылкой коньяка.

— Грай сказал, что коньяк необходим тебе для лечения, — Ефим наполнил рюмки, присел на низкий пуфик у дивана, с улыбкой посмотрел в удивлённые раскосые глаза Наташи, светящиеся тихой радостью. — Ты что так ошарашенно смотришь на меня? Пока ты болеешь, я никуда отсюда не уйду. Так что, если хочешь меня прогнать — быстрее выздоравливай. Но я думаю, что и тогда постараюсь остаться, потому что перед тобой холостой, не занятый мужчина. А ты учти, что они всегда нахально-нагловатые. Ты не веришь мне? Показать тебе документ?

Глаза Ефима смеялись, он готов был расхохотаться, вспомнив, как Грай, услышав, что Ефим решил развестись с Альбиной, подпрыгнул на сиденье и заорал на водителя:

— Ты куда едешь, Водило! Давай к моему дому!

Больше он не проронил ни слова, и в салоне машины стояла непонятная тишина. Возле своего подъезда Грай выпрыгнул из машины, коlobком вкатился в подъезд, а через пять минут оттуда выкатились уже два коlobка — Грай за руку тянул такую же полную невысокую женщину, очень привлекательную, на высоченных каблуках, с пышной причёской, которые увеличивали её рост. Грай впихнул свою спутницу в салон машины, представил:

— Это Муся, моя Лапуся. Она будет моей женой, если сделает всё, как я хочу. Гоша, гони к ней на работу.

Он сел рядом с Мусей, так и продолжая держать её за руку, буд-то боясь, что она сбежит. Ефим не обратил внимания на слова Грая, так как все мысли его были заняты Наташей. Ему хотелось как можно быстрее оказаться рядом с ней.

Через квартал они остановились, и Грай приказал:

— Всем выходить!

Водитель, санитар и Ефим вышли вместе с Граем, который так и не отпускал Мусю.

В кабинете Муся заполняла какие-то бланки, а Грай что-то писал на чистом листе. Вот Муся поставила печать на всех бланках и стала поспешно всем командовать: «Распишитесь здесь, а вы здесь, здесь». Затем два бланка отдала Ефиму со словами: «Поздравляю вас!» И очень ласково воркующим голосом обратилась к Граю:

«Милый, я останусь здесь, поработаю. Домой сама доберусь».

— Муся, я слово умею держать, — Грай был очень доволен всем произошедшим и не обращал внимания на её воркующий голос.

— Я тоже, — обворожительно проворковала Муся.

Уже в машине Ефим прочитал на одном бланке: «Свидетельство о разводе». В нём стояли фамилии и имена их с Альбиной. Он удивлённо посмотрел на Грая, который победно смотрел на него:

— Ну что, доволен, Лапоть?!

— А что ты скажешь Альбине? Она же может разнести вас по кочкам.

— Ручонки коротки у неё. Ты видел, что я писал заявление от твоего имени — там одна причина, и при том действительная: она все эти годы жила с другим мужчиной. В свидетелях весь класс. Так что ей надо молчать в тряпочку. А во втором бланке что у тебя написано?

Ефим открыл второй бланк, прочитал и захохотал.

— Это тебе, Грай. Твоя Муся умеет держать слово. Она обещала, что женит тебя? Держи, законный муж Муси Граевой.

Грай читал бланк, а его густые брови ползли всё выше и выше. Наконец он произнёс:

— Это что же — прощай свобода? Ну и шельма, так шельма! А я думаю, чего это она так легко согласилась вас развести? А ей нужно было прикрытие. А как ворковала со мной?! Ох и шельма! Грая перехитрила!

— Я вижу, ты доволен? — Ефим вытирал слёзы.

— Вообще-то, да. Хватит считать юбки, пора и остановиться. Вот Наташка встанет на свои ножки, и — отпразднуем свадьбу: Муся вас быстро регистрирует по всем правилам. А потом махнём на Юг. Лапоть, Натке полезно будет в солёной воде ножками поболтать. Ну как, по рукам?

— По рукам.

Сейчас, вспоминая это, Ефим ещё раз повторил:

— Так что, Таша, показать документ или поверишь на слово?

— Поверю, Фима, поверю. Давай не будем чёкаться, а выпьем за бабушку — сегодня годовщина её, а я вот не могу съездить к ней.

— Да, именно поэтому я здесь, — Ефим сразу посерьёзnel, подобрался. По его продолговатому худощавому лицу пробежала судорога и скрылась ниже подбородка. — Она мне приснилась сегодня. Странный сегодня день. И очень радостный. Как будто не было

этих лет разлуки... — Ефим говорил короткими фразами, будто не было сил на длинный монолог. Он удивлённо посмотрел на Наташу, и на его грустном лице стала зарождаться улыбка. — Понимаешь, я сегодня встретился с молодостью. Я не мог представить, что наши деревца целы.

— Они уцелели... — задумчиво произнесла Наташа.

Она вспомнила, как многие деревца в процессе роста были повреждены и засохли или были поломаны. На их место сажали другие, и потому этот маленький зелёный островок был разнообразен по возрасту. А их счастливая пара росла дружно, протягивая ветви навстречу друг другу, как будто для поддержки. И только в тот год, когда Ефим внезапно женился на Альбине и уехал в свою первую заграничную командировку, рябина со стороны каштана вдруг опустила ветви, поникла. А ветви каштана, наоборот, взметнулись вверх и заняли освободившееся пространство. И только в этом году по весне рябина вдруг распрямилась, ветви горделиво поднялись вверх и сплелись с ветвями каштана. Наташа каждый день смотрела на деревца, не понимая, почему это происходит.

Но Ефим ничего не знал, и Наташа не стала заводить разговор об этом — зачем? Что было, то прошло и быльём поросло. Только заросло ли... На её лице отразилась грустная улыбка.

Ефим заметил эту набежавшую хмарь:

— Я что-то не то сказал, Солнышко моё? Ты прости меня, седого мужлана. Я за последние годы разучился разговаривать с женщинами: на работе в коллективе их мало, если и наберётся с десяток, но для меня они все беспольные, просто сотрудники. И они уже привыкли к моему безразличию.

— А почему, Фима? Ты же не был женоненавистником. Когда ты им стал?

— Это долгий рассказ, длиною в полжизни. У нас всё впереди. Мы обо всём успеем поговорить. А сейчас поедем к бабушке, мне очень хочется поделиться с ней радостью.

— Фима, но я... — Таша запнулась, виновато опустила глаза.

— Ты что так засмушалась, Солнышко? У твоего Фимки сейчас столько силы, что он гору может свернуть. Иди ко мне!

Ефим легко подхватил Ташу. От неожиданной её близости голос его наполнился хрипотцой:

— Держись крепче, Солнышко, чтобы я не выронил тебя.

Таша обхватила плечи Ефима руками и так плотно прильнула,

что у него закружилась голова, всё тело перестало слушаться. Он осторожно сел на диван, не выпуская своё Солнышко.

— Прости, я не смогу идти...

Таша молча ещё сильнее прильнула к нему.

* * *

Прошли годы...

Однажды после ужина Ефим направился в свой кабинет «Монте-Карло».

— Солнышко, я немного погуляю по Интернету, — он нежно поцеловал вновь погрузневшую жену, которая ждала третьего ребёнка.

Двое сыновей-погодков пошли в школу, и они с Ташей думали, что на этом закончится рост семьи. Они жили спокойной, размеренной жизнью, радуясь каждому новому дню, так до конца и не веря в своё обречённое счастье. За многие годы не растраченная и глубоко спрятанная ласка вылилась в такой водопад любви, который и дал жизнь двум милым созданиям.

Отметив свои сорокалетние юбилеи (а у них разница всего в один день), они решили совершить автопутешествие до Чёрного моря. Остановились на пустынном берегу близ Лазаревского в километре от небольшого селения. Месяц пролетел незаметно. А когда вернулись домой, то обнаружили, что Таша беременна. Были и радость, и испуг — успеют ли воспитать ребёнка? Ведь его рост не ускоришь, а через двадцать лет, когда ребёнок повзрослеет, но ещё не окрепнет, им будет уже за шестьдесят.

Единственное, в чём они были уверены, так это в том, что ребёнок должен быть счастливым, потому что был зачат в их пик любви. Они оба считали, что это случилось в их первую ночь у моря — в их звёздную ночь. К морю прибыли они под вечер, выбрали уютный тихий уголок, поставили палатку и быстрее побежали к морю. Около часа барахтались, кувыркались с детьми, а затем приготовили ужин из полуфабрикатов и уложили детей в палатке. Те, только прикоснувшись к подушке, моментально уснули. А Ефиму и Таше не хотелось спать. Они взяли надувные матрасы, устроились на них, тесно прижавшись друг к другу. Так они долго сидели, любуясь морем, необычным закатом солнца, радужные лучи которого отражались на морской поверхности. Небо быстро темнело и как бы надвигалось на них. И вот огромный чёрный шатёр с

мерцающими звёздами накрыл их, отделив от всего мира.

Неожиданный крик пролетающей птицы заставил вскрикнуть и Ташу. Ефим в тревоге прижал крепче жену к себе, чувствуя во всём её теле дрожь... Так до самого рассвета их слившиеся тела не могли разъединиться. Первый робкий солнечный луч на горизонте заставил их подняться. И они, нагие, погрузились в воду...

Ефим часто вспоминал эту звёздную ночь — воспоминания будоражили кровь, тревожили сердце. С тех пор, как Наташа поселилась в его квартире, он стал реже работать по ночам. Поэтому для Интернета он выкраивал время перед сном.

Он включил компьютер, вышел на свою страницу на сайте «Стихи.ру». Никто из окружающих не знал о его увлечении поэзией, он сам считал, что это не совсем серьёзное дело. Но самое главное было в том, что он боялся насмешек — это у него осталось с детства.

На страничке ничего нового не было, кроме двух положительных рецензий на последний стих. Ответив на них, Ефим переключился на почту, где ждал писем от друзей по сайту. И пока шло подключение, он читал анонсы, и взгляд наткнулся на объявление в бегущей строке: «В Москву приезжает Японский певец Ли Чан Босси, исполняющий песни на русском языке».

Необычное волнение охватило Ефима. Но почему? Ему не знакомо это имя... «А имя Лю Чан ты помнишь или окончательно забыл?» — с сарказмом спросил он себя. Он разыскал номер телефона Концертного зала и уточнил время прилёта артиста и неожиданно для себя спросил:

— А кто его продюсер?

— Продюсер? — переспросили на другом конце провода. — Его продюсер Лю Чан, его мама.

— Нет! Не может быть! — воскликнул Ефим и выронил трубку, понимая, что отвечала ему Лю.

В комнату вбежала Наташа с газетой в руке.

— Фима, что случилось? — Она с тревогой смотрела на побледневшее лицо мужа, по щекам которого катились слёзы.

Ефим отодвинулся от стола, посадил на колени Наташу.

— Прочти вот это...

Наташа посмотрела на текст объявления.

— Я это уже видела... Здесь нет фотографии.

— Фотографии?! — воскликнул Ефим. — Ты её видела? — он

замолчал, а потом тихо спросил:

— Какой он на фото?

— Красивый он. Фима, покажи свой школьный альбом.

— Зачем? — удивился Ефим. — Что ты там хочешь увидеть?

— Я прошу, найди его, — Наташа встала с его колен.

Ефим метнулся к книжному шкафу, из нижнего ящика из-под папок достал простенький альбом и отдал Наташе, севшей на его стул.

Она быстро зашелестела страницами и освободила одно фото, где они, второкурсники, были запечатлены вдвоём.

— Посмотри внимательно на это фото, — попросила она.

— Смотрю. Какая же ты здесь красивая! — восхитился Ефим.

— Фима, перестань, я серьёзно тебя прошу, — в её голосе чувствовалась тревога, растерянность.

— Наташа, в чём дело? Я это фото тысячу раз видел. Что случилось? Ты побледнела!

Ефим присел перед Наташей, взял её руки — одной она судорожно сжимала газету. Он осторожно высвободил газету, развернул и увидел свой портрет, но чуть-чуть с раскосыми глазами. Молодой человек смотрел на него с такой нежностью, что он замотал головой и застонал. Наташа положила руку на его макушку, стала гладить по седым жёстким волосам, тихо шепча:

— Успокойся, мой родной. Пойдём на диван, там поговорим.

Наташа не выпускала руки Ефима, затем прижала к губам, посмотрела в его влажные глаза, взволнованно произнесла:

— Ты не рассказывал о ней, но я знала...

— Откуда?! — воскликнул удивлённо Ефим.

— Ты все годы во сне меня называл её именем. И только после моря стало ласково звучать — «Таша».

— Прости, Солнышко, как же ты могла терпеть это? — Ефим нежно прижал к себе Наташу.

— Любила, потому и терпела. А что могли дать расспросы? Могла пойти обратная реакция. Я ждала, когда ты сам расскажешь...

— А я боялся начинать разговор — вдруг не простила бы...

— Фима, родненький, всё это было до меня. Я не имела права на упрёки. Мы начали нашу совместную жизнь не с чистого листа.

— Ну твой-то лист оказался мелованным. А вот я подкачал...

— Не кори себя, так сложилось. Фима, тебе надо встретиться с ними.

Он — твоя кровиночка. И он не виноват, что вы расстались с матерью.

— Ташуня, Солнышко моё, а ты не боишься, что вдруг к ней уйду?

— Так это как там, наверху, запланировано, так и будет...

Ефим не дал ей договорить и стал судорожно целовать, приговаривая внезапно охрипшим голосом:

— Прости меня за глупый вопрос. Ты только скажи: за что, за что мне такое счастье в твоём лице? Я же не заслужил этого, а ты — вот она, рядышком, такая родная, такая сладкая! Солнышко моё, Ташунечка моя!

— Фима, Фимушка, успокойся, успокойся, родной. Ты тут погуляй по Интернету, а я пойду на кухню, приготовлю что-нибудь для гостей — ты их после гостиницы сразу привози сюда.

Наташа выскользнула из ослабевших рук Ефима и утиной походкой вперевалочку пошла на кухню.

На следующее утро к десяти часам Ефим был в аэропорту — с большим букетом чайных роз стоял у турникета и, как замороженный, смотрел в пустое пространство, откуда должны появиться сын и ОНА.

Во всём теле Ефим чувствовал возбуждение, хотелось двигаться. Может быть, от недосыпания такое с ним? Со вчерашнего вечера он не сомкнул глаз. Наташа тоже не спала, копалась, гремела посудой на кухне. А он... На него навалились воспоминания многолетней давности. Он до сих пор не мог понять причину быстрого отъезда Лю. Её записка хранилась в его бумагах. Он помнил в ней каждую букву: «Нас разводит судьба. Я подчиняюсь Высшим силам». Каким Высшим силам? Потом пришло то жестокое письмо, принёсшее столько боли.

Ефим увидел Лю с сыном, хотел перепрыгнуть через барьер, но в этот момент к ним подошли двое мужчин и увели к служебному ходу. Он поспешил на улицу, чтобы встретить их там. И вовремя это сделал — Лю садилась в чёрную «Волгу». Ефим поспешно пристроился к той машине и старался не отставать. «Волга» остановилась у гостиницы «Театральная». Ефим пристроил свою машину вблизи неё и с букетом из 25-ти роз смотрел на Лю с сыном. Он не знал, как подойти к ним, что сказать, и надеялся, что Лю заметит его и всё образуется само собой. А если она не захочет разговаривать, как тогда быть? Вдобавок ко всему набежавшие репортёры оттеснили его. Но именно в этот момент Лю повернулась в его сторону, и они встретились взглядами, точно так же, как и в первую их встречу, когда он понял, что может подойти и не получит отказ. И сейчас они оба шагнули навстречу друг другу.

Ефим видел только глаза Лю, а может быть, Наташи — так они были похожи, но это были родные, любимые глаза, без которых он не мог жить. Сейчас он видел в них радость, восторг, тревогу, испуг. Как это могло соединяться одновременно, он не понимал, но это так было. Лю протянула руки к букету, их руки соприкоснулись, и Ефим почувствовал, как в него вливается спокойствие, уверенность. Какой энергией или магией надо обладать, чтобы так уметь успокаивать! Так было всегда, пока они были вместе.

Лю улыбнулась своей обворожительной улыбкой и произнесла почти шёпотом:

— Эльф, это ты звонил вчера! Я знала, что мы встретимся. Познакомься с сыном, он очень похож на тебя.

И только тут Ефим увидел рядом с Лю своего сына. Он был ростом с него, и Лю рядом с ним казалась подростком. От матери он взял только чуть раскосые глаза, а всё остальное было его, Ефимова. Они молча, без единого звука, обнялись и только каждой клеточкой тела почувствовали волнение другого.

— Эльф, мы задерживаем прессу, и твоя охрана нервничает, — Лю взволнованно смотрела на толпу газетчиков, окружённую людьми в гражданском.

— О какой охране ты говоришь, Лю? У меня нет никакой охраны, — удивлённо ответил Ефим, но вдруг вспомнил о вчерашнем визите сотрудника ФСБ и о новой подписке неразглашения государственной тайны в связи с разработкой нового изделия. Тогда и было сказано о выделении ему охранника.

Он с тревогой посмотрел на Лю, на сына, в мыслях пронеслось: «Неужели он испортил ему гастроли? И только ли одни гастроли?»

— Лю, быстро отвечай: тебя тогда заставили уехать? Да?! — Ефим произнёс это по-русски, затем по-английски, видя, как к ним приближается «мундир» в штатском: чеканная походка, тёмные очки.

Лю ничего не ответила, но по её испуганному взгляду он понял, что было именно так. Как мог он не догадаться об этом и поверить её письму? И все эти годы сын рос без отца! Он решительно шагнул навстречу Мундиру.

— Доложите начальству: я встретил сына и прошу обеспечить ему и его матери такую же безопасность, как и мне. Помогите им устроиться и организуйте нашу совместную поездку ко мне домой. Мне подождать в своей машине или в вашей? — Ефим говорил

быстро, приказным тоном, понимая, что только так может заставить подчиниться.

И он оказался прав: Мундир махнул рукой в сторону стоящего чёрного джипа, и он подъехал к ним.

— Можете подождать здесь, на нём и поедете, а ваша машина пойдёт следом.

Ефим вернулся к сыну и Лю:

— Не волнуйтесь, всё будет в норме. Я подожду вас в машине, а затем поеду ко мне, там нас ждут.

Через длительных, томительных полчаса к машине подошли сын с матерью в сопровождении Мундира и его команды. А ещё через двадцать минут быстрой езды они подъехали к дому Ефима. У двери подъезда стояли сыновья, но, увидев выходящего из джипа отца, быстро скрылись в подъезде.

Необычное волнение вкралось в сердце Ефима. Войдя в комнату, он увидел встревоженные глаза сыновей.

— А где мама? Почему вы одни?

— Маму увезла «скорая». Ей стало плохо, — перебивая друг друга, ответили сыновья.

Ефим побледнел, его качнуло.

— Когда? В какую?

— Папа, да ты видел машину, она только что отъехала от нашего подъезда, — ответил более бойкий Леон.

Мундир посмотрел на своего сотрудника:

— Заметили номер машины, майор? Выясните всё.

Моложавый мужчина с короткой стрижкой густых волос выбежал из комнаты и очень быстро вернулся.

— Товарищ полковник, она рядом, в Боткинской больнице. Роды в машине начались. Надо ехать туда, у неё нет документов. И скажи, что потребуется кровь.

— Вот и займись этим, ты же у нас медик.

Ефим уже держал в руках сумочку Наташи.

— Где моя машина? Я должен ехать.

— Ефим Ефимович, этим займётся майор Реутов. А мы с вами отправляемся на аэродром.

— Да вы что?! — взвился Ефим. — Какой аэродром, когда жене плохо!

— Ефим Ефимович, затруднения в испытаниях обнаружались, ваше присутствие необходимо. У нас до отлёта максимум час. Мы

предпримем все меры, чтобы с вашей супругой было всё в порядке.

К Ефиму как-то незаметно приблизилась, будто бабочкой подпорхнула, Лю Чан и прикоснулась к его руке:

— Эльф, всё будет хорошо, я буду рядом с Наташей, а Ли Чан останется с братьями. Он надёжный, ответственный парень. Работай спокойно.

Тихий, воркующий голос Лю Чан завораживал, успокаивал, снимал напряжение.

Ефим поцеловал руку Лю, обнял сына.

— Хозяйничай тут, братья введут в курс дела, они тоже серьёзные парни. Машину тебе отдадут, пользуйся ею.

— Да, да, машина с водителем будет в его распоряжении,— Мундир нетерпеливо посматривал на часы.

* * *

Через месяц Ефим вернулся домой. Он знал, что родился ещё один сын, что Лю Чан с сыном уехали. Его встретила смущённая и очень встревоженная Таша. Ефим не понял причины, но не стал торопить события.

— Где новый наследник, Солнышко? Почему ты меня держишь в прихожей? А где старшие дети? Почему не встречают?

— Они в пионерлагере. Мы же не знали, что ты приедешь. Пойдём, я покормлю тебя.

Ефим крепко обнял Наташу, приподнял и отпустил только возле детской комнаты.

— Котёнок, признавайся, в спальне находится твой любовник?

Наташа сначала не поняла смысла вопроса, а затем тихонько весело рассмеялась, сбрасывая с себя напряжение. И в ту же минуту Ефим открыл дверь в детскую и вошёл туда. Вдоль стены вместо одной кровати, которую он самолично покупал, стояли три. Он в растерянности подошёл ближе — все были заполнены, дети крепко спали. Ефим в недоумении повернулся к Наташе, которая стояла рядом и прижимала палец к губам.

Уже сидя за столом в кухне он тихо спросил:

— Не понимаю, почему ты сообщила только об одном сыне? А остальные тоже мальчики? Какие же они красивые!

— Нет, те — две девочки...

— Де-евочки?! И ты молчишь: Ташка, какая же ты умница! — Ефим хотел поцеловать Наташу, но она его остановила:

— Фима, успокойся. Тебе налить вина?

— Вина? Непременно! Такое дело надо обмыть!

Наташа наполнила бокалы вином и прямо посмотрела в глаза Ефима:

— Давай выпьем, чтобы девочки стали нам родными...

— Котёнок, ты удивляешь меня сегодня. Может, объяснишь всё так, чтобы не осталось никаких загадок?

— У девочек другие родители. Об отце ничего неизвестно, а мать написала отказную. Она уехала за границу, а с детьми её не выпустили бы.

— А если она вернётся за ними? Это же не котята — привыкнешь, а их отберут, — голос его был растерянным.

— Майор сказал, что этого не надо бояться — она не узнает, кто их усыновил.

— А что, майор приходил к тебе?

— Он и сейчас приходит. Грай сказал о нём: «Наш человек». Они с ним на одном факультете были, после окончания майор в органы попал. Он и о девочках сообщил. Это ещё при Лю было. Она одобрила моё решение, сказала, что ты доволен будешь. Она очень любит тебя, я это поняла, наблюдая за ней. Ведь майор устроил так, что она была моей сиделкой.

Наташа смотрела на вспыхнувшее лицо Ефима, его засветившиеся огоньками глаза и с тихим вздохом произнесла:

— А ты продолжаешь любить её... Как жестока судьба... Ты не возражай и не оправдывайся, твоей вины ни перед ней, ни передо мной нет. Сердцу не прикажешь, его не заарканишь, и ни пилюль, ни зелья нет, от которых оно стало бы любить другого. Это дано свыше и от этого никуда не уйти.

Она немного помолчала, глядя на мужа, сидевшего с опущенной головой.

— А ты знаешь, Фима, твой сын Ли — замечательный парень. Он такой же, как и ты в молодости: застенчивый, нерешительный, и в то же время честный и с открытой душой. Его пригласили петь в Ла Скала и в Большой театр. Мы с майором уговорили его ехать в Италию.

Ефим удивлённо посмотрел на Наташу.

— Не смотри на меня так. Это не из-за страха, что они с Лю стали бы жить здесь. Майор говорит, что в Большом он может петь в любое время, а попасть в Италию не всегда возможно. Вот по-

смотри, — Наташа взяла с верхней полки буфета пакет, где лежали ключи и бумаги. — Это ключи от квартиры, а это документы на неё. У майора умерла мама и осталась квартира. Он хотел продать, но когда узнал о Ли Чане, то оформил на него вместе с пропиской и его, и Лю. Вот так-то, Фима.

— А зачем ему это надо? Я не привык быть должником.

В этот момент раздался звонок в дверь.

— Ой, пора детей кормить, майор пришёл! — воскликнула Наташа и побежала в прихожую, оставив растерянного и возмущённого Ефима.

На кухню не то что вошёл, а ворвался майор и сразу стал распоряжаться:

— Привет, Академик! Наташа, молочко было тёплое, я думаю, что не надо подогревать. В другом пакете фрукты и продукты к столу. Мне дали увольнительную до утра, так что после кормления гульнём. Ты идёшь? Да, а ты загляни на почту, там адреса сына и Лю. Сообщи им, что вернулся.

Они вместе с Наташей прошли в детскую, а Ефим сидел в недоумении, как после внезапно пронёсшегося урагана. Он тупо смотрел на ордер, приватизационный лист, ключи, и никак не мог врубиться, понять: зачем, почему? Как мог майор попасть в его почтовый ящик в Интернете?

Из детской доносился тихий смех, весёлый разговор, а он продолжал сидеть в оцепенении. Но вот майор появился в кухне.

— Наташа ещё долго будет забавляться с детьми. Сходи посмотри. Это чудо, невысказанная сказка. Она у тебя необыкновенный человечиче. Удивляешься, что я на «ты» обращаюсь? Так мы знакомы давно, просто ты не узнал меня. Я попал в аварию, сделали пластическую операцию, и получился такой результат, — он усмехнулся. — Ты брови дугой не выгибай, в разряд шпионов не записывай, проверен не единожды.

Ефим тихо приоткрыл дверь детской: кровати были сдвинуты полукругом, а Наташа, как фея, порхала над детишками, нагибаясь то к одному, то к другому, то к третьему, что-то воркуя то ли напевая нежно. Он так же тихо прикрыл дверь и вернулся на кухню. Стол был раздвинут и красиво сервирован.

— Ну и как волшебная картина? Её в этот момент лучше не трогать. Грай однажды увидел и был потрясён, шокирован. Я о тебе всё знаю по долгу службы, а ты даже имя моё не можешь

озвучить. Игоря Реутова помнишь? Мы на вечеринке у Грая познакомились.

— Подожди, мы же тогда с Ташей были, и ты танцевал с ней. Точно? А я в бешенстве был от ревности.

— Точно. Ревновал Наташу, а ушёл с Альбиной — она украла тебя как бычка из стада.

— Верно подметил, — вздохнул Ефим. — Столько лет счастья украла. Но не понятно, почему ты здесь и с детьми?

— Совмещаю служебное с приятным. До твоего приезда был куратором у Наташи, а с завтрашнего дня буду твоим личным охранником.

— А Мундир? Я привык к нему — хороший парень, не назойливый, предупредительный.

— Мундир?! Метко подмечено. Его на повышение двинули.

— Это служебное, а приятное?

— А разве быть рядом с любимой женщиной не приятно? Что сделал квадратные глаза? На той вечеринке я предложил Наташе руку и сердце, но она отвергла с пророческими словами: «Я люблю другого, и будет он со мной или нет, я его не разлюблю». А я ответил: «А я тебя». Наши слова сбылись. Не смог я её забыть. Все эти годы держал в поле зрения. После аварии образ её незримо присутствовал со мной. Мама говорила, что Наташей я называл её. И хотя моя мечта завести семью развеялась как редкое облачко на небе, но знать, что твой любимый человек жив, да ещё и счастлив — это придаёт силы и толчок к движению вперёд. Тем более когда в его лице приобретаешь друга. А вернее и надёжнее Наташи друга просто не отыскать на нашей планете. Она очень помогла мне, когда болела мама. Я надеюсь, что мы и с тобой будем друзьями. Не знаю, как сложатся наши отношения, но я рад, что сейчас вместе с вами.

Иди, пройдишь по Интернету, а я пока поговорю по мобиле. А потом посидим рядком да споём шепотком, чтоб не разбудить детишек.

Евгений ЯКОВЛЕВ

ЗНАЙ НАШИХ!

Рассказ

В последнее время, когда уже столько лет позади, дети давно выросли, и я уже стал дедом, память всё чаще отправляет меня в моё прошлое, в то время, когда так рано началась моя взрослая трудовая жизнь.

Недавно закончилась Победой тяжелейшая проклятая война, которая отняла у нашей семьи моего отца — он погиб под Великими Луками в возрасте молодым, 32-х лет. Вот и пришлось мне в мои неполные семнадцать искать работу. И мне удалось устроиться в арматурный цех строительного треста. Слава Богу, что я никогда не боялся труда и меня радовало, что я наконец-то смогу помочь нашей вконец измотанной матери. Она работала секретарём-машинисткой в страшной организации под названием КГБ и получала 600 рублей. Тогда, в 1946 году, буханка хлеба на базаре стоила 600 рублей. А кроме меня, у солдатской вдовы была ещё и моя сестрёнка-школьница.

Конечно, работа арматурщика меня поначалу изматывала. В бригаде нашей (в неё помимо арматурщиков входили и сварщики) было более тридцати человек. Сначала наш комбинат строил себя самого на окраине города. Там был пустырь, бродили коровы, овцы, козы. Затем мы рядом строили огромный завод «Пигмент». Сейчас его знают во многих странах мира, куда идёт его красящая продукция.

Евгений Анатольевич Яковлев в этом году должен был отметить свой 70-летний юбилей. Не дожил. Тяжёлая болезнь дала о себе знать.

Читатели знают его в первую очередь по пятитомному роману «Ярмарка», созданному на материале тамбовской истории.

Сегодня мы публикуем автобиографический рассказ писателя о своей нелёгкой юности, написанный незадолго до смерти.

Когда я впервые пришёл в арматурный цех — это был буквально ветхий сарай с покосившейся деревянной крышей. Профессия арматурщика была одной из самых уважаемых на комбинате. И мы трудились, не замечая всяких неудобств. После смены я снимал с себя мокрую от пота майку и уносил её домой в кармане. Я по молодости был неумолим и неудержим в работе. Бывало, мои со товарищи по бригаде уже отмываются в душе, а я всё ещё не отхожу от своего точечного станка, сооружаю арматурные каркасы для будущих бетонных конструкций, стремлюсь перевыполнить норму. И как приятно было, когда такой неистовый труд замечался и поощрялся: мне повышали разряд, а вместе с ним и зарплату.

За свои успехи в работе я даже прославился на комбинате и частенько читал о себе на страницах многотиражной газеты «Боевая стройка». В эту же газету я со временем начал и сам пописывать, набивать руку, как штатный корреспондент. А позже свои заметки и корреспонденции о друзьях-товарищах по работе стал предлагать в областные газеты и там печататься. Так и приобщился к журналистике.

Ничего я то в время не боялся, кроме одного — как бы не опоздать на смену, особенно ночную. Троллейбусы ходили в час по чайной ложке, а мне надо было с Первомайской площади, где тогда жил, добираться до работы на улицу Монтажников километров пять. Кстати, как точно назвали улицу — Монтажников! Мы, монтажники и арматурщики, её и обустроивали, облагораживали. Помню, как в обеденные перерывы копали ямки под деревья, высаживали саженцы. Ныне, спустя сорок лет, эту улицу не узнать — высятся на ней громадные ветвистые тополя.

А с троллейбусами просто была беда. Они появились только что, ходили редко, были узкими, допотопными, между кресел едва пройдёшь. Но мы и таким радовались. Тем более я наловчился по молодой бесшабашности ездить не в переполненном салоне троллейбуса, а на его крыше или сзади на скобе. Правда, если милиционер заметит, то можно было не только опоздать на работу, но и налететь на штраф. Но рано утром, когда едешь на первую смену, или поздно вечером по дороге в ночную смену, — риск встретить милиционера на пути сводился к нулю, так что добирался я на работу без опозданий.

Но однажды зимой произошёл казусный случай, когда я чуть не опоздал в третью смену. Вышел в темноте из дома и хотел идти к

остановке, как ноги мои расплзлись, я упал. Днём, оказывается, выпал мокрый снег, а потом ударил мороз и вся улица превратилась в сплошной каток. Вижу, на остановке скопилось несколько троллейбусов: из-за гололёда движение остановлено. Что же делать? Как попасть на работу?

Я вернулся домой. Мать говорит:

— Сиди дома! Какая сегодня работа...

— Да ты что, — отвечаю, — мне же прогул запишут.

Она говорит:

— Ну давай я напишу записку для твоего начальника: так, мол, и так, не мог попасть на работу из-за того, что троллейбусы не ходили. Ложись и спи до утра.

— Спи? А кто будет за меня в арматурном сегодня работать?

И тут меня осенило: батюшки, да у меня же есть коньки!

До начала смены оставалось 15 минут. Я быстренько надел коньки и помчался по ледяным улицам до своего комбината. Прохожие на тротуарах поскользываются, падают, руготня стоит. Домчался вмиг, вбегаю прямо на коньках в цех, а там всего двое-трое моих напарников, которые сумели добраться. В тот вечер опоздал на целый час даже мастер смены Валерий Скачков. И то смог добраться пешком, когда догадался подвязать к подошвам валенок обыкновенные тёрки для овощей из кухни. Здорово он был удивлён, что Женька Яковлев сумел обойти его и обхитрить погоду...

Работа наша считалась вредной и, конечно, отражалась на здоровье. Многие мои товарищи со временем стали чувствовать недомогание, зарабатывать серьёзные болезни вплоть до рака. Появились всякие болячки и в моём организме. Мастер Валера как-то предложил:

— Ты бы, Женька, лёг в больницу — тяжело дышишь.

— Не хочу я в больницу! — отвечаю. — Чего я там потерял?

— Ладно, — говорит, — давай, я переведу тебя в кладовщики, там поменьше будешь гари глотать...

— Ты лучше, — предлагаю я, — добейся, чтобы в цехе вентиляцию хорошую сделали...

— Обязательно сделаем, а ты всё равно давай в кладовщики, — не отстаёт мастер.

Я наконец согласился, но боялся, что не справлюсь: всё же дело новое, незнакомое. Но мастер Скачков успокоил: научишься! И оказался прав. Наловчился я вскоре и выход-приход арматуры учиты-

вать, и отчёты составлять...

И тут вдруг новый поворот в трудовой биографии — в дополнение к обязанностям кладовщика меня направили в среднюю школу № 27 мастером производственного обучения. У меня появились питомцы-семиклассники, и я стал их водить в свой родной цех на производственную практику, обучать арматурному делу. А вскоре коллектив нашего цеха выдвинул меня в депутаты Октябрьского районного Совета народных депутатов.

Наш комбинат разрастался и превратился в завод железобетонных изделий (ЖБИ). Помещение заново отстроили, завезли новое оборудование, наладили вентиляцию. Но стали проявляться новые проблемы: не хватало рабочих рук, материалов — стального профиля, арматуры. Бывало полсмены простаивали из-за этого. Наконец мне это надоело, и я организовал «акцию протеста». Уговорил своих товарищей прямо так в испачканной рабочей спецодежде поехать в Совнархоз — была тогда такая структура, такая же мощная, как обком КПСС. Благо в троллейбусе днём народу было мало — никого не испачкали. Зашли в приёмную Марченко, который возглавлял отдел по строительству и промышленности. Секретарша мигом доложила, что пришла делегация из треста «Химпромстрой». Ну как ходоки к Ленину! Марченко был на месте и сразу приказал впустить нас. Мы ввалились в своих грязных робах, а у него в кабинете кресла под белыми чехлами. Он говорит:

— Садитесь, садитесь.

Ну мы присели на краешки кресел. Я как зачинщик всего стал объяснять суть проблемы: цех простаивает, а значит и график строительства в городе будет сорван, и нужно-то всего — вагон арматуры.

Марченко всё выслушал, задал пару вопросов и подытожил:

— Возвращайтесь в цех, через два дня получите вагон арматуры.

Так и случилось. А когда вагон уже разгрузили, в кладовую цеха зашёл наш директор Вениамин Иванович Хохлов и полусерьёзно говорит:

— Ну что, подставил меня таки? Выговор мне влепили за то, что я не вовремя подаю заявки на арматуру...

А я серьёзно и даже сердито ответил:

— Теперь будете вовремя подавать! Гоняйте получше своих снабженцев. Они вон и электроды нам сырые откуда-то берут, их всё время сушить приходится на отопительных батареях...

Конечно, никогда не забудется, как нашу смену чествовали на

стадионе «Динамо» как первую в городе смену коммунистического труда. Выходной день, на стадионе полно народу, и вот диктор объявляет в микрофон о наших достижениях. Мы выходим. Буря оваций, цветы. И вдруг мастер Валерий Скачков объявляет, что в смене работает молодой поэт Яковлев и сейчас он прочитает свои стихи. И я выдал!

*А мы, мальчишки двадцатого века,
Взорвём умы потомкам лобастым!
Напишем стихи на скалах, на красных!
На Марсовом поле, на лунных дорогах
Оставим на память советский автограф!..*

Эти стихи были потом напечатаны в областной молодёжке «Комсомольское знамя», которая опубликовала отчёт об этом празднике.

* * *

Но вот наступило время идти в армию. Я сам туда стремился и не только для того, чтобы добросовестно отслужить положенное, но и с мыслью — наесться каши перловки или гречки от пуза. Дома у нас с едой было не густо. Однако мой призыв чуть не сорвался: всю зиму провалялся с плевритом. Пришёл из больницы худющий, бледный, а дома ждёт повестка на военную медкомиссию. Там я схитрил и не стал говорить, что валялся в больнице, а так как рентгена у комиссии не было, то меня и признали годным.

И вот осенью, когда я уже вполне окреп, меня увезли служить, да не куда-нибудь, а на закрытый «Маяк» — это на Урале закрытый «атомный» городок. На третий день моего пребывания в учебном полку нас выстроили в сорокаградусный мороз на плацу, трясемся мы от лютой стужи, но тут выходит перед строем командир полка и зычно спрашивает:

— Товарищи солдаты, есть ли среди вас электросварщик?

Все молчат. А я и забыл совсем, что электросварку попутно освоил, могу варить по 4-му разряду. Мой сосед по строю и земляк Володька Юдаев толкает меня локтем, шепчет:

— Женька, ты же сварщик! Чего молчишь?

А я чего-то опасаюсь: вдруг подвох какой?

Полковник продолжает:

— Товарищи солдаты, у нас в полку случилась авария — размо-

розило трубы в столовой. Если среди вас есть сварщик — прошу помочь, иначе вы все останетесь без обеда, столовая не может функционировать.

Я вышел из строя, «признался». Командир обрадовался:

— А трубы можешь варить?

— Что хотите, — отвечаю, — и трубы, и арматуру, и даже проволоку-«двойку»...

— Ого, спец! — удивился полковник, он, видимо, знал, что такое «двойка».

Он подцепил меня за локоток, как-то совсем не по-военному, махнул рукой, строй рассыпался, и мы вот так под ручку, словно две девушки-подружки, пошли к столовой. Полковник — здоровый мужик в барашковой папахе, и я рядом с ним — щуплый курёнок в обвисшей шинели. Весь полк провожал нас взглядами, разинув рты.

Место аварии выглядело удручающе: трубы полопались, изогнулись, подобраться к ним очень сложно (мешают большие ванны и баки), работы невпроворот.

Полковник увидел мою озабоченность, спросил:

— Тебя как зовут?

Я сказал.

— Вот что, Женя, всё, что тебе понадобится, достанем и доставим. Дадим тебе помощников, только — сделай.

Часа через два старшина достал всё, что я внёс в список. Я включил сварочный трансформатор, втиснулся между ваннами, начал срезать испорченные трубы. Знакомый запах жжёного металла напомнил о доме, родном цехе, взбодрил меня. Мне стало даже весело.

Дело спорилось. К вечеру всё было готово. Пошёл в штаб докладывать. Полковник очень обрадовался. Говорит:

— Хочешь, отпуск дам на десять суток?

— Не-а, — отвечаю, — не хочу: только в армию приехал и вдруг вернусь домой... Ещё подумают, что дезертировал.

— Ну тогда в увольнительную пойдёшь?

— Тоже не хочу, товарищ полковник, — упрямясь я, — в городке я никого не знаю, гулять здесь негде, а на кино денег нет...

Командир вдруг достаёт портмоне из кителя, вытаскивает из него пять рублей (без малого двухмесячная «зарплата» солдатская!) и протягивает мне. Что ж, я по правилу «дают — бери, бьют — беги» взял деньги, сказал «спасибо» и на следующий день сходил в уволь-

нение. Городок мне не понравился: дымят четыре громадные трубы, людей на улицах мало, все ходят в рабочих телогрейках, хмурые, не то что у нас в Тамбове. Накупил ребятам-сослуживцам на «гонорар» полковника конфет, печенья, сигарет, да и вернулся в казарму...

А вскоре на атомном комбинате произошла страшная авария. И мне вместе с другими солдатами пришлось в одной гимнастёрке без всяких защитных средств работать в шахте комбината, исправляя последствия аварии...

Только спустя много-много лет мы, выжившие «маяковцы», узнали, что работали тогда в зоне облучения, которое было не слабже, чем потом в Чернобыле. Многие мои товарищи-сослуживцы после этого прожили мало, умирали молодыми...

* * *

Меня Бог миловал, живу, облучённый, до сих пор.

После возвращения из армии я опять пришёл в свой родной арматурный цех. Затем меня потянуло к журналистскому труду, а ещё позже — и к писательскому.

Я считаю, что я счастливый человек. Я выжил, сделал своё главное дело — написал роман из истории родной Тамбовщины «Ярмарка».

Так что с гордостью при случае могу сказать:
— Знай наших!

Владимир РУДЕЛЁВ

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Осень

*Немая грусть упавшего листа.
И на былинке драгоценный бисер.
О Господи! Какая простота
рождающихся на изломе чисел.
Пустых пространств прозрачная слюда.
Веков и дней оранжевые нити.
И Он. И – всё. И больше ни следа
от карусели огненных событий.
На русской осени – грачиный креп.
И солнца ослепляющие блицы.
Простится всё. И только не простится
иудин грех.*

Владимир Георгиевич Руделёв — доктор филологических наук, профессор-консультант ТГУ им. Г. Р. Державина.

Родился в г. Ельне на Смоленщине в 1932 г., много лет жил в Рязани, с 1972 г. живёт в Тамбове.

В 1991 г. вышел первый сборник стихов В. Руделёва «Лютневая музыка». Сегодня он автор 8 отдельных сборников и собрания избранных сочинений в 6 томах. Член Союза российских писателей.

Иоанн Златоуст

*Вдали – сторожевые судна.
Над головою – сосен шёлк...
К тебе он по пустыне шёл,
великолепная Пицунда.
Храм – лучезарный, как болид.
Оргáн – рыдающий ребёнок...
Я слышу звук его молитв,
в пустынной мгле не погребённых,
вернувшихся на древний круг,
на языки святого флага:*

***«Даруй, Господь, Твои мне блага,
Избавь меня от вечных мук.
Прости, коль помыслом иль делом,
иль гордым словом согрешил,
коль в вихре жизни оголтелом
бесчувственным и слабым был.
Избавь от похоти лукавой
и помрачённого ума.
Прости, коль дьявольской отравой
души наполнил закрома.
Не дай пропасть в бесовской лиге
за малый жизненный паёк
и напиши в Небесной книге
земное прозвище моё.
Даруй мне благодный конец,
как одарил началом чудным.
Пусть озарит святой венец
меня пред часом страшным, судным!
Даруя мне земные дни,
в Небесном Царстве помяни...»***

*У моря я в безделье чудном.
Он – сослан был сюда, как в ад.
Но дивный воздух твой, Пицунда,
в его судьбе не виноват.*

*Всё те же шёлковые сосны.
И тот же в море пенный холм.
И – как тогда, змеиный ком
врагов Христа, безумных, косных...*

* * *

*В молдаванских горах –
покой, а не страх.
Здесь не знали побед янычары.
Сам Господь их карал
в молдаванских горах.
И бес не творил свои чары.*

*В молдаванских горах
на зелёных коврах
золотая восстала обитель.
Слышу Божий хорал
в молдаванских горах,
лучезарный призыв:
«Приидите...»*

*В молдаванских горах
я, как все, вертопрах –
в суматохе постыдных экскурсий.
Но проклятье попрал
я в зелёных горах,
полный веры в Тебя,
Иисусе.*

В молдаванских горах...

Nota bene*

(Из Яна Леончука)

*Поёт во мне петух тоски.
И раз пропел.
И два.
И трижды.
Испещрены поля на книжке.
А в книжке – чистые листы.
Слова застряли в тесном горле,
как хлеб, которого просил.
Уж от тоски нет большие сил,
от ночи тягостной – тем боле.
Уж в поле ноги Пётр унёс,
чернеющий как nota bene.
Сейчас в покой войдёт Христос
и все расскажет откровенно.
В крови и грудь, и голова...
Звонит будильник бестолковый.
Учитель! Только слово.
Слово!
Кругом слова,
слова,
слова.
Открой тоски моей исток
и тайну nota bene чёрных.
А день разорван и зачёркнут,
как недописанный листок.*

---

* *Nota bene* (лат.) – Заметь хорошо.

Совершенство

*Я задремал.
Заснул.
Одетый.
В кресле.
Устав от склок и беспощадных слов.
Осколками в мозгу металась мысль,
давно в сердцах сметённые на слом.*

*Теперь мне только спать и оставалось,
захлопнув захламлённый кабинет.
И, как разящий дьявола привет,
вдруг прозвучал холодный
скользящий голос.*

*Он мне вещал:
«Нет в мире совершенств.
Ты что, забыл любимого Поэта?
Безумна жизнь и беспросветна – эта!
Я отниму и твой небесный шанс.*

*Что твой Ирей? Заплёванный участок,
где счастья – хрен и упования – шиш!*

*И в Том Краю партийных лживых чисток
ты, как и здесь, не избежишь.
Не избежишь!
Не избежишь!
Не избежишь!*

*Я просыпался в холоде и муке.
Я страха побороть в себе не мог.
Как верные друзья, просились в руки
слова евангельских всевышних строк:*

***«Азь же глаголю вамъ:
любите враги ваша,***

*благословите кленущие вы,
добро творите ненавидящимъ васъ
и молитися за творящихъ вамъ напасть
и изгоняющихъ вы...
Будите убо вы совершении,
я коже отъць вашъ небесный
совершенство есть».*

* * *

*«... Я вот возьму мячик
и закину его высоко-высоко.
Пусть его поймает Богородица
и отдаст Своему Сыну...»*

Аня Руделёва

*Не кашляй, дочка, не болей.
Расти здоровой и счастливой.
Нам – не рояль и не балет...
Чтоб только жизнь была и сила!
Чтоб человек был, не изъян!
Чтоб ни цинизма, ни безверья.
Чтоб все цветы, жуки и звери
на нас глядели как друзья.
Бросай свой золотистый мячик
в космический фитофтороз.
И будет жизнь добрей и мягче.
И руку даст тебе Христос.*

Зимние радуги

«...оба багряная стълпа погасоста...»

Слово о полку Игореве

*Гнала от града гулкая толпа
в простор сугробный, в тишину лесную.
Два ангела, два огненных столпа*

*ошую или со мной и одесную.
Я грешен был, уныл и одинок.
И срок земной до помраченья краток...
В сто крат мгновеннее у самых ног
свеченье праздничных, цветастых радуг.*

*И кто поверит в этот вздор святой,
в мой зимний сон, мечтами заселённый?
Но с двух сторон:
цвет Веры – золотой,
Любви – небесный
и Мечты – зелёный.*

*А дальше, выше, где алмазный скит, –
блаженные Рождественские ясли.
Я смысл земного бытия постиг.
И оба огненных столпа погасли.*

Икона Иверской Божией Матери

*Февральской снежи ангельская риза.
И – древних лип влюблённо-юный шарм.
И Солнца ослепляющая линза.
И Зимней Радуги цветастый шарф...
Когда ещё Она вот так светила,
с тех пор как ринулась в морскую тьму
от подлых стрел иуды Феофила,
два века не сияя никому.
И стала вновь Надежда и Опора,
когда, на море проложив тропу,
Её узнали иноки Афона
по радужному, жаркому столпу.*

*Я буду помнить в радости и горе
Твой дивный знак, Страдавшая от Ран.
Тропа ведёт не к Океану-Морю.
Но на пути – Золотоглавый Храм.*

«Тучная Гора»

*Мне снилось, будто я приехал в Тверь
(в толпе отвергнутых и духом нищих),
на древнее Смоленское кладбище,
которого, конечно, нет теперь.*

*Конечно, нет... Но временная рама
раздвинулась, перечеркнув предел.
Крестясь и кланяясь, вхожу в придел
давно не существующего храма.*

*Пред чашей жертвенной раскрыв уста,
со страхом принимаю Кровь и Тело.
Честнейшая и Славнейшая Дева
рукою левой обвила Христа.*

*Пусть будет вечно Он обласкан так
и не распят бесчувственной оравой.
Он в левой рученьке Твоей. А в правой...
А в правой – Твой давно забытый знак.*

*Когда лукавой силою влеком,
Исавр создал на Образ Твой запреты,
в прекрасный Образ превратилась эта
черта, похожая на Солнце, – «Холм».*

*Её ещё именовали «Горка»,
от смыслов древних грубо удалясь.
На свадебном пиру кричали: «Князь!
Княгинюшка родная! Горько! Горько!»*

*Прошла забвенья горькая пора,
но Страшного Суда не минет чаша.
Молюсь и плачу: «Тучная Гора!
Прости долги и согрешенья наша!»*

Уткинская икона Божией Матери

*Честнейшую рубили топором.
 В костре горели Славнейшей осколки...
 И не сразил лихих злодеев гром.
 И жили в сытости и счастье сколько!
 Лукавый бес коммуне был не друг ли?
 Иль храмы русские взрывал не он?
 Крестьясь, тамбовки собирали угли,
 храня их за окладами икон.
 И в лютый час не умирал там Бог,
 любовь к Христу была необорима.
 Спасало богоизбранный Тамбов
 творение святого Питирима...*

*И будут целы хижины и замки,
 и люди не прольют напрасных слёз,
 пока горят Божественные знаки
 алмазами неистреблённых звёзд.*

Оптина Пустынь

*Уходя из дома пустого,
 где был счастлив и жив, как будто,
 не пройди мимо Льва Толстого.
 И Сократа.
 И Будды.
 Но даже в штундистской секте,
 разделив судьбу Агасфера,
 будешь листком на сетке,
 за которой – вышние сферы.
 Не одолев гордыни,
 не пройти никакому гению
 туда, где Его святыни.
 И херувимов пение.
 И серафимов клики.*

*И Разбойник – плача и каясь.
Где Амвросий Великий,
исправляющий «Акафист»:*

*«Подождь и нам, недостойным,
росу благодати Твоя
и яви милосердие Твое».*

*...Ночую в нетопленном храме,
где оптинских старцев участие...
За что мне такое счастье –
быть рядом с вами?*

Рассвет

*Побирушка-чернавка пятится,
пряча алмазы в драные гуни.
Гонит старую лгунью
святая Параскева Пятница.
Расстелила малиновые кудели
по всей бирюзовой води.
Не пряди, не трудись в огороде –
мойся в Божьей купели,
где черты – то санскрит, то идиш,
то неведомых букв коррида.
Знаешь, кто такая Мокрида?
Поверни икону – увидишь!*

Чистый четверг

Темно.
 Беззвёздно.
 Жду на остановке.
 Вдали чуть слышно бьют колокола.
 Плывут огни - как божие коровки.
 И в небе
 два малиновых крыла
 внезапно вспыхнули и угасают -
 на противоположной стороне.
 А мимо старый друг спешит
 На summit*.
 Где ж гордецу кивнуть хотя бы мне!

Давно всё в прошлом:
 и Любовь, и Дружба.
 И вся страна осталась в дураках.
 Теперь мне перейти дорогу нужно:
 там Божий Ангел держит Свет в руках.
 Он так давно, напротив стоя, держит
 Божественного Света яркий Крин.
 Он, как и я, наверное, один
 и смотрит на меня в надежде.
 Я для него - как Деймос или Фобос,
 а он – не одарённый Холлом Марс...

Но в жёлтой маске клоунских гримас
 мне двери растворил автобус.

---

* summit (англ.) – встреча.

Крестный ход в Тамбове

*Рядов космическая стройность
и жар пылающих икон –
се в град, грызущий гордый корм,
врывается крылатый Хронос.
О Злом изнемождённый Град,
с виною в миллион каратов,
каких ни видел он парадов,
каким химерам был ни рад!
Как прежде он упрям и лют,
но не сдержать Христовой Рати.
И женщины в походных платьях
молитву Господу поют:
«Господи Иисусе Христе.
Сыне Божий,
помилуй нас».*

*Они идут легко и просто.
Они, как ангелы парят.
И грозный Вождь
глядит с укором
на их Божественный парад:
«Кто б тут, у мраморного пирса,
у властных каменных ступней
хотя б на миг остановился
в привычной кротости своей,
да произнёс бы речь с бумажки,
да лозунгом изгадил рот!»
Но Крестный ход не даст промашки,
он круто площадь обойдёт.
Он повернёт к святому Храму –
Ковчегу Ноеву сродни.
И Бог продлит нам наши дни,
раздвинув временную раму.*

Николай ЗАМЯТИН

Тревожная ночь

*Земля от солнца летнего теплела.
Не избавляла ночь от духоты.
А в цехе мы вершили своё дело,
Не зная, что полшага до беды.
Вдруг в тишину ночную сразу
Ворвались в цех тревожные гудки.
Погасли лампочки по строгому приказу,
На полуслове замерли станки.
Залаяли отчаянно зенитки,
Бил зло, остервенело пулемёт,
И тонкие прожекторные нитки
Искали в небе вражий самолёт.
И для меня, мальчишки, было важно,
Что я тогда не струсил, не сбежал...
А было страшно, очень было страшно –
Я первый раз в огонь войны попал.*

У Николая Михайловича Замятина в этом году юбилей: 27 октября ему исполняется 80 лет. Более сорока из них он пишет стихи. Публиковался в газетах, альманахах, коллективных сборниках. Автор нескольких поэтических книг, вышедших в издательствах Тамбова.

Член Союза писателей России.

* * *

*Всё, чем живу, переиначу,
Былого тень я зачеркну,
И догоню свою удачу,
И всё хорошее верну.
Ты только верь, не ошибёшься.
Ты позови – я отзовусь,
И если ты ко мне вернёшься,
Я никогда не отступлюсь.*

Военная быль

*У дома отчего тропинка и трава.
А на стене – суровые приказы.
И в них, как звезды, вбитые слова,
Военные отрывистые фразы:
«Явиться в срок!..»
    «Мобилизация!..»
        «Война!..»
Ушёл под медь оркестра эшелон
В июньский день молоденького лета.
Увёл отца пехотный батальон
В огонь войны и дымного рассвета.
И в сорок третьем он домой вернулся,
Помеченный военной судьбой,
И на пороге дома улыбнулся
Несмелою улыбкою чужой.
И мать, к нему прижавшись, зашептала:
«Вернулся...
    Наш кормилец...
        Наш родной...
Я так ждала... Во сне тебя видала...»
А он стоял
    счастливый
        и слепой.*

* * *

*Прошёл давно разлучный чёрный год.
Наверное, достоин я укора.
Я много причинял тебе хлопот,
Но, видит Бог, я не хотел раздора.
Но будет свет, весна уж на пороге,
К земле туманы жмутся по ночам,
И, может быть, тебя пути-дороги
Вновь приведут к заветным берегам.
К той тихой речке, к парку вековому,
Где соловьи поют наперебой,
Чтоб поклониться прошлому, былому,
Где мы когда-то встретились с тобой.
Нас счастье научило там мечтать,
И мы на мир по-новому смотрели,
И нам грешно то было забывать.
Ведь мы с тобой так этого хотели.*

Белая ночь

*Затопила проспекты прохлада.
Невесомая бль в кружевах –
Вся решётка у Летнего сада
Отпечаталась на небесах.
Медный всадник ослабил поводья
И на бронзовом чутком коне
Слышит тонкие звуки мелодий,
Что Нева принесла на волне...
А когда-то тревожно, всем миром,
Заводские хрипели гудки,
Взрывы ахали глухо, с надрывом,
Рвали белую ночь на куски.
И в дыму полуночного чада
Хоронилась от страха луна,
На брусчатке седой Ленинграда*

*Пляску смерти плясала война...
А теперь тишина над Невою.
Дымку ночи качает слегка
Сонный ветер прохладной рукою...
Спят история и века.*

В лесу под Воронежем

*В лесу под Воронежем, в тёмной глуши,
Где частые гости туманы,
Окопы, траншеи и блиндажи –
Былого, нелёгкого раны...
Год сорок второй – июль, жара,
Солнце завесило дымом.
Ушли ненадолго за лес «Мессера»,
Пахло землёй и тротилом.
И было далёко до света Победы.
До первых салютов – высших наград.
Здесь глохли от взрывов земные рассветы,
И город горел на глазах у солдат.*

Мы сидим на лавочке

*Рядом с тихой речкой, что зовётся Цной,
Что сама любит молодую весной,
Мы сидим на лавочке, ты и я, вдвоём,
Ах ты, май сиреневый, не шути с огнём!
Чувство незнакомое, светлое во мне.
Не хочу остаться я с ним наедине.
И промолвил тихо я: «Ждёт тебя фата...»
Ведь не сон, не чудится, ты сказала: «Да!»*

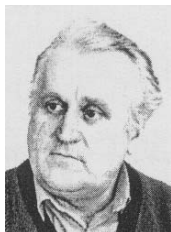
* * *

Л. Н.

*Опять пришли воспоминанья
 При свете странницы луны.
 Чем растопить твоё молчанье,
 Каким дыханием весны?
 Как заглянуть в твоё далече,
 Побывать с тобой наедине,
 Услышать правильные речи
 И раствориться в тишине?
 Лишь ты и я, кругом ни звука,
 Всё мирозданье для двоих.
 Ещё невидима разлука
 И слов не сказано пустых.
 Ещё тебе я очень дорог,
 И помыслы твои чисты,
 И майской ночи синий полог –
 Творенье песенной весны –
 Укутал нас с тобой до света
 И от земного отлучил,
 Не оставляя в мире следа,
 Он с нами мучился и жил...
 Со мной одни воспоминанья
 И серп полуночной луны,
 Полузабытые желанья
 Из той единственной весны.*

* * *

*Захолодало, тише стало в парке.
 И ранним утром изморозь всерьёз
 Рябине раскалила грозди ярко
 И побелила листья у берёз.
 А на траве, как серебро, роса,
 И до весны ушли отсюда грозды,
 И не слышны птичьи голоса,
 И далеко пока ещё морозы.*

Виктор КОСТРИКИН

Мне хорошо зимой...

*Как соль, на стенах зданий иней,
И воздух крепок, как рассол.
Над городской шапкой зимней
Во тьме фонарный ореол.*

*А днём сверкающим увижу
В упор, вблизи и вдалеке,
Себя, мечтающим о лыжах,
Состарившихся на чердаке.*

*Мне хорошо зимой, но всё же,
Зачем тогда порой
Я слышу сквозь метель роскошный
Июльский дождь грибной?*

Виктор Кострикин живёт в Мичуринске. Вся его жизнь связана с журналистикой. Но он также активно занимается краеведением, прозой и поэзией. В творческом багаже В. Кострикина публикации в коллективных сборниках, альманахах и несколько изданных книг.

Член Союза российских писателей.

Серым утром

*Просыпаюсь с дождём, ну и ладно,
И за это спасибо, рассвет.
Если нету с бессонницей сладу –
Серый проблеск покажется в цвет.*

*Утро мне и такое годится.
Были краше – ушли без следов.
Я не только рассветов убийца –
Дней и месяцев, и годов.*

*Ну зачем мне смотреть, как сквозь слёзы,
В эти мокрые дали в окно?
Даже собственных прожитых вёсен
И в упор мне узнать не дано.*

*Было время – себя с потрохами
Я химере в заклад заложил,
И стихами, а значит, – делами,
Как нечистому служат, служил.*

*Отчего-то освобожденье
Властолюбцы сулят нам, греша.
А свобода всегда – пробужденье,
Когда спящая вздрогнет душа.*

*Встать – как заново взять да родиться,
День прожить – как начало судьбы
Вместе с этой, в окошке, синицей,
Что привет свой в стекло мне долбит.*

*Мёртвый – вряд ли, а спящий проснётся.
Будет всё в первый раз: облака,
Этот ливень, и сквозь него – солнце,
И стиха, что родится, строка.*

Не бойся быть смешным

*Не бойся быть смешным, дружок,
Такой испуг прилипчив.
Что для природы хорошо,
То значит и прилично.*

*Допустим, плачут малыши,
Обижены ребятаки.
Ты их возьми да рассмеши,
Сыграй, как можешь, в прятки.*

*Хоть будут за полы хватать
И у виска покрутят,
Ты не стесняйся хохотать,
Раз нет причин для грусти.*

*Тоска гнетёт... Изобразить
Веселье – зря стараться.
Коль чувства нам принадлежат,
Нам в них и разбираться.*

*И даже думать не моги
Насмешникам поддаться:
Кто пишет в семьдесят стихи,
Тому всегда семнадцать.*

*А если скажет малонер,
Что в это он не верит,
Таких неужто твой пример
В том не удостоверит?*

*Они поймутся на лжи,
Как в собственные сети,
И будут выглядеть ханжи
В смешном, до колик, свете.*

Поэтам «местного значения»

*Поэты «местного значения»!
Неужто кто из вас задет
Пренебреженьем? На ничейной
Земле поэтов просто нет.*

*Будь трижды ты космополитом,
Где б ни казалась жизнь полней,
Ты в каждый стих свой, как в молитву,
Как в ту церквушку на холме*

*Войдѣшь, о том совсем не зная,
И буква каждая в строке,
На тропках детства в плоть вонзаясь,
Даст знать об отчем далеке.*

*Не ведая причины боли,
Какая отдана ей роль,
Ты можешь угадать невольно
Чужих краёв чужую боль.*

*И что с того, что, жизнью мечен,
Очерчен круг – дороги нет.
На пятачке своём – на месте,
На том, где должен быть поэт.*

*Мир болен чѣрствостью и ложью,
Не слышит, сколько ни кричи.
Поэт, как та больная лошадь,
Стихом своим звенит в ночи.*

Мадонна городской окраины

*Убога улица, на ней дома-уроды.
Здесь нечего душе просить взаймы.
Но женщина вдруг царственно проходит,
Преображая этот скудный мир*

*Естественностью поступи неспешной,
Иконописной ясностью лица...
Нездешняя, подумал я. Но здешней
Она была. Вон у того крыльца*

*Остановилась, по ступенькам шатким
Мадонной, как по клавишам, прошла.
Как не хотела улица лишаться
Мгновения, которого ждала*

*В такие дни, в часы и дни одни и те же,
Так властно установленные ей.
На самых жалких по Руси моей
На улицах встречал таких я женщин.*

*Воздам хвалу я им вослед поэту,
Что русских женщин поднял до небес.
Ухабами, как будто по паркету,
Идут богини с гирями-пакетами,
И сумочка в руке – в противовес.*

*Та женщина, что улицу сразила –
Ей царственность природная к лицу...
Случалось видеть мне и образину:
На лимузине мчалась ко дворцу.*

Осенние туманы

*Пал первый жёлтый лист, и первый холод
В час утренний туманом обожжёт,
Когда калитка дом замкнёт щеколдой.
Зелёный шум, ты скоро станешь жёлт –*

*За ночь одну, как за одно мгновенье
Неправильно отлаженных часов.
Лишь чудятся кузнечики в траве мне
И птичьих хор умолкший голосов.*

*Зато мелькнул в клубах тумана ворон,
Мне карканье послав издалека...
Куда идти исчезнувшим простором?
Ну, луга нет, цела хотя б река?*

*Иду к реке, туманами прогнавшей
Недавнюю людскую суету.
И кажется мне жаркий день вчерашний
Остывшим в приснопамятном году.*

*Уныл, пустынен берег без купальщиц,
Чей вид смущал на пляжах мужичьё.
Лишь под мостом, то ль морж, то ль бамж ледащий,
Свершают омовение своё.*

*Туман над нами – блёклые чернила.
А на мосту, в полшаге от беды –
Старик-годок склонился за перила,
Приворожённый зовами воды.*

*Иду к тебе! В униженном и нищем
Остатке жизни, встреченном тобой,
Осенний день над серой пеленой –
Прекрасный день назло всему, дружнице!*

* * *

Это на том берегу..

Николай Рубцов

*В полдень, с утра, на заходе ли –
Разницы нет никакой,
Спрашивал: – Где моя Родина? –
Путник, калика с клюкой.*

*Что-то родимое тцился он
По сторонам разглядеть
В пешей толпе многочисленной,
Сквозь автомобильную жесть.*

*Грезил с надеждою детскою
Он, что до сказки дойдёт, –
Той, где Россия Советская
Китежем-градом всплывёт.*

*Как «Отче Наш», ему внятная,
Крепость сама и покой,
От супостатов припрятана
В бездне с живою водой.*

*Вот он спросил постороннего,
Век задержав на бегу:
– Прошое где похоронено?
– Это на том берегу..*

*Вышел к обрыву заветному.
Видит, но лучше б ослеп:
Замок Кощя Бессмертного,
Киллера-Змия вертеп.*

*Вяжет тоска безутешная
Вдруг по рукам и ногам:
– Или Россию безбрежную
Сносит к лихим берегам?*

*Предками поднятый мёртвыми,
Нам ли свой берег сдавать!..
Посохи стиснувши стёртые,
Китеж наш, светлый и горестный,
Ищут и будут искать.*

*Истовые, беззаветные,
Вечные в отчем краю,
Странники жаждут бессмертную
Русь, всяк при этом свою.*

*Лозунгом пусть отдаётся
Старым, как Те времена:
– Русь, ты как Жизнь и как Солнце,
Значит, на всех одна.*

Липы цветут...

*Заневестились липы
В праздник лета – июль
В парке к липам я липну,
Словно в юность мою.*

*Я студенчеством грезил
В зимах долгих моих,
Что на жизненном срезе –
Пять колец годовых.*

*Срез ушедшего века
На сочащемся пне...
Сяду я на скамейку,
Что-то тягостно мне.*

*Век, чем душу наполнил,
А что отнял в заклад?..*

*Мне об этом напомнил
Позабывтый плакат.*

*Смутным временем скожкан
Был плакат-полотно.
Текст до боли знакомый,
Только стёртый давно.*

*...Воробьи непугливо
Под ногами снуют.
Под соседнею липой
Пиво юноши пьют.*

*В толстой книжке закладка:
Знать, ответ на билет.
Запах юности сладкий,
Словно липовый цвет.*

*Чем-то стиснуло горло –
Сели двое парней.
Только – нет, не Григорий,
Только – нет, не Андрей.*

*Все плакаты бы к чёрту
В их лукавой красе!..
Сдали мы все зачёты
И экзамены все.*

*...Молодые, седые...
Пчёл восторженный зуд...
В парках нашей России
Липы нежно цветут...*

Пётр АЛЁШКИН

ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ СКОРБИ

Трагедия в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АНОХИН ЕГОР ИГНАТЬЕВИЧ, красноармеец в отпуске, 20 лет.

НАСТЯ, невеста Егора, 18 лет.

ЧИРКУНОВ МИХАИЛ ТРОФИМОВИЧ, секретарь партячейки села, 21 год.

МАРКЕЛИН, командир продовольственного отряда, 27 лет.

МАКСИМ, комиссар продотряда, 23 года.

АНТОНОВ АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ, легендарный руководитель «Антоновщины», 31 год.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР, деревенский священник, отец Насти, 40 лет.

АНОХИН ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ, отец Егора, крестьянин, 45 лет.

АНОХИНА МАРИЯ ПЕТРОВНА, мать Егора, 43 года.

АНОХИН НИКОЛАЙ ИГНАТЬЕВИЧ, старший брат Егора, 24 года.

АНОХИНА ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА, жена Николая, 21 год.

ВАНЯТКА, младший брат Егора, 15 лет.

ШАВЛУХИН АНДРЮШКА, друг Ванятки, 15 лет.

ПОПАДЬЯ, мать Насти, 40 лет.

А также: крестьяне, красноармейцы, бойцы отряда Антонова.

Пётр Алёшкин родился и вырос на Тамбовщине — в деревне Масловке Уваровского района. Работал в колхозе, на комсомольских стройках, на заводе. Окончил Тамбовский пединститут и сценарный факультет ВГИКа. С начала 1980-х годов живёт в Москве и работает издателем. В настоящее время возглавляет столичное издательство «Голос-Пресс».

В его творческом багаже более 20 книг, его произведения переведены на английский, немецкий, французский, китайский и другие языки, не раз попадали в списки бестселлеров.

Секретарь правления Союза писателей России.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1

Февраль 1920 года. Утро. В избе ИГНАТА АЛЕКСЕЕВИЧА АНОХИНА готовятся к завтраку. На столе чугунок с пшённым кулешом. Хозяин сидит за столом и режет ножом круглый чёрный хлеб большими ломтями. В большой густой бороде его видна седина. Хозяйка МАРИЯ ПЕТРОВНА носит на стол от судника алюминиевые чашки, деревянные ложки. Старший сын НИКОЛАЙ возле судника моет руки над лоханкой. Воду льёт ему на руки из кружки брат ВАНЯТКА. Сноха ЛЮБАША укладывает в люльку, висящую возле сундука, своего пятимесячного ребёнка.

ЛЮБАША. Лежи, лежи... Гнатик, ты наелся, теперь нам пора... *(Качает люльку.)* Баю-бай, засыпай, глазки закрывай... Молодец, Гнатик у нас молодец. *(Отходит от люльки, смотрит в окно.)* Ой, идёт кто-то... Боец...

Дверь в избу распахнулась, появляется ЕГОР — высокий юный красноармеец в шинели и будёновке.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Егорша!

ЕГОР. Mam, раненый я... не шибко жми...

Отец, братья радостно окружают Егора.

НИКОЛАЙ. Здоров, здоров!

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Да-да, выше отца стал. *(Помогает сыну снимать шинель.)* Прямо к столу попал... Откуля шёл, из Борисоглеба?

ЕГОР *(отстёгивая шашку)*. Не, из Мучкапа, в Балашове в госпитале лежал.

Шашку у него из рук тут же выхватил Ванятка, отбегаёт, осторожно вытягивает её из ножен.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. А ранило тебя куда?

ЕГОР. В грудь. Клок мяса осколком выдрало. Заживает...

ВАНЯТКА (*разглядывая шапку*). Смотрите! Тут написано «Егору Анохину за храбрость... Туха... Туха...

НИКОЛАЙ. Тихо! Гнатика разбудишь! Дай-ка сюда. (*Берёт шапку, читает.*) «Егору Анохину. За храбрость! Командарм Тухачевский». Молодец храбрец! А я у Будённого был...

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Ну, за стол, за стол! Потом наговоримся. В кои-то веки всей семьёй собрались. Привёл Господь! (*Крестится на иконы.*) Марусь, ради встречи сына с фронта можно и по стаканчику. Хоть и утро — Бог простит.

ЕГОР (*заглядывая в люльку*). У нас пополнение?

НИКОЛАЙ. Гнатик.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Давайте за стол, за стол!

Рассаживаются за столом, разбирают ложки, ломти хлеба и начинают есть.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. А када выздоровеешь, опять на фронт?

ЕГОР. Видно будет, может, в уезде кем пристроят. Я ведь теперь партийный... Коммунист. Эскадроном командовал.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. А тут тобой Мишка Чиркун командовать будет...

ЕГОР. Мишка? Чиркун? Почему он? Разве он не на фронте?

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Списали с фронта. Подчистую...

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Говорят, он увольнительную у военкома в уезде купил.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Мало чего говорят. Мы рядом не были... У нас в Масловке партячейка образовалась, и Мишка в ней верховодит. Всё с председателем сельсовета Докиным меряется: кто из них главней на селе. Молодой, а шустрый, не в отца, тот смиренный, а этот в деда с материнской стороны пошёл. Тот чумовой был, всё деревню булгачил, пока на каторгу не сослали...

НИКОЛАЙ. Он, Чиркун-то, к невесте твоей сватался.

ЕГОР. К Настеньке?

НИКОЛАЙ. К ней. К кому же ещё... Но ты не волнуйся, не отдал дочку поп, на ворота указал.

ЕГОР. А Настенька?

НИКОЛАЙ. Что Настенька? Тебя ждёт, даже на Масленицу на гулянках не была...

Егор смотрит на отца.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Пойдём, пойдём мы свататься... Мы уж с отцом Александром заводили разговор, он не против. Ровней считает: он — поп, а я комиссаром был в Масловке при Керенском... В воскресенье пойдём... А то из-под носа девку уведут...

Но сперва обговори с ней сам, а то придём, а нам от ворот поворот.

ЕГОР. Так я прямо сейчас к ним сбегаяю.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Ну да, прям сейчас вскочишь и помчишься людей булгачить. Ешь, успеешь...

С улицы слышна песня.

*Тигры любят мармелад,
Люди ближнего едят.
Ах, какая благодать
Кости ближнего глотать!
Э-э-эх, рыбина-соломина,
Это всё хреновина!
Эх-ха-ха! Ёлки-моталки
Получай по палке!*

ЕГОР (*недоумённо*). Что за архаровцы?

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Троицкий идёт... Не дай Бог, остановятся... Хучь бы в другую деревню...

МАРИЯ ПЕТРОВНА (*крестясь*). Господи, Царица Небесная! Николай Угодник, пронеси и помилуй!

ЕГОР. Почему Троицкий?

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Продовольственный отряд имени Троицкого... Маркелинская песня, чёрт бы его побрал. Не надо и беса, коли Маркелин здесь. Прости меня Господи!

НИКОЛАЙ. Его комиссар Максим пострашнее самого Маркелина будет. Змий!

ЕГОР (*отцу*). А ты всё в сельсовете?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Я ему каждый день твержу: выйди, выйди из сельсовета, неча тебе там делать...

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Выйдешь, хуже будет. Врагом сочтут...

МАРИЯ ПЕТРОВНА. А так они тебя другом считают? Знают те-

перь, знают, кто «Мирской приговор» писал. Ты б его хучь спрятал подальше! К бабе Грушке отнеси, к ней не пойдут. А к нам припрут-ся, разыщут, и разговор короткий, по этапу или пулю... Они на руку скоры, спорить не будут.

ЕГОР. Что за «Мирской приговор»?

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ (*неохотно и хмуро*). Собрались мужики, написали жалобу. На сходе принять хотят — и в Москву... Жить не-вмоготу стало, подчистили весь хлеб до зёрнышка, того и гляди до крапивы не дотянешь, с голоду пухнуть зачнёшь.

Стук в окно, крик: «Игнат Лексеич, в сельсовет требуют!»

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ (*хмуро поднимаясь*). Не пронесло!

Остальные тоже стали вставать из-за стола. Мать, убирая со стола, тревожно поглядывает на мужа.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Не гляди, вернусь.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Откажися от Совета! Некогда, скажи, хво-раешь. Сил нету...

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Хватит. (*От порога смотрит на Егора, на Николая.*). Ежли на сход звать будут, неча ходить. Я — там! Ты, Николай, вершой займись, сходи в ветла, прутьев нарежь!

Уходит.

ЕГОР (*матери*). Напоить скотину? Ай рано?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Ступай.

ВАНЯТКА. Егорша, можно я ещё шашку посмотрю?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Неча! Игрушку нашёл! Намашешься ещё, никуда не денисси!

ЕГОР. Мам, а Чернавка ожеребилась?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Месяц назад жеребчика принесла.

ЕГОР. А Майка? Что-то телёночка не вижу.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. На днях отелится, припозднилась... Ниче-го, дождёмся, потерпим.

Влетает в избу АНДРЮШКА ШАВЛУХИН.

АНДРЮШКА. Егорша, ты? Здорово, когда приехал-то?

ДРАМАТУРГИЯ

ЕГОР. Только что.

АНДРЮШКА. Подчистую?

ЕГОР. В отпуск. Ранен.

ВАНЯТКА. У него сашка от Тухачевского. Так и написано: за храбрость!

ЕГОР. Сиди, «сашка»!

АНДРЮШКА. Покажи.

ЕГОР. Ты чего такой возбуждённый?

АНДРЮШКА. Там весь народ попёр к церкви, на сход. Маркелин сзывает. Пошли туда!

ВАНЯТКА. Погоди, скотину напоим и пойдём...

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Отец чё сказал? Сидеть дома... Ай неслухи? Слова отца для них как сорочий ор...

ЕГОР. Мам, чего ты сердиться? Можно мне на народ посмотреть, ай нет? А Ванятка? Так без него сход не сход. Слово его будет решающим... Я, можа, там Настеньку встрену... Николай дома будет.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Ну, смотри, ты не лезь там... Слухай, а не суйся. Маркелин-то враз стрельнёть. Для него стрельнуть в человека, как плюнуть. Надья приехал, выпорол Серёгу Кирюшина да Митьку Булыгина. Не по ндраву ему высказались... Не суйся...

ВАНЯТКА. Маркелин страшно злой приехал... Сразу всех советчиков арестовал...

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Каких советчиков? За что? А Игнат?

ВАНЯТКА. И дядю Игната арестовал... Весь сельсовет запер в сарай Гольцова. Говорят, это он просто постращать решил, чтоб народ смиреннее был.

Егор снимает с гвоздя у двери шинель с широкими красными полосами на груди, будёновку. Ванятка с Андрюшкой отошли к сундуку, стали разглядывать шашку.

НИКОЛАЙ. Вы идите туда, посмотрите, чё там за шутки, а я скотину напою. Потом пойду прутьев нарежу для верши, да кошёлки две надо сплесть. Гуси скоро нестись зачнут... Ты к Насте-то зайди по пути, объявься. Обрадуй девку!

ЕГОР. Неудобно как-то, вдруг отец дома, я вечером вызову.

НИКОЛАЙ. Зайди сейчас, зайди... Не пойму я только... Отец Александр Настю без венчания не отдаст. Это точно. В церковь придётся идти.

ЕГОР. Пойду.

НИКОЛАЙ. Ты же коммунист. Вам нельзя...

ЕГОР. Ради Насти я на всё пойду!

НИКОЛАЙ. Значит, коммунист ты липовый. У нас в части комиссар говорил, что за честь партии любой коммунист с радостью голову сложит. И ложили, сам видал...

ЕГОР. Дак и я б сложил, там, на фронте. Кровушка-то своей немало пролил. Надо будет, ещё пролью... Но Настенька... Настя совсем другое, тут меня лучше не трогать. За неё я самому Троцкому вмиг горло перехвачу!

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Ты такими словами не бросайся!

ЕГОР. Это я к слову...

ВАНЯТКА (*подходит с шапкой*). Мы её с собой возьмём?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Оставьте дома... от греха подальше... Неча там с ней делать!

ВАНЯТКА (*Егору*). Мы с Андрюшкой поклялись в вечной дружбе, чтоб с нами ни случилось, где б мы ни были, а друг за дружку горой! Мы даже кровью обменялись, как в книжках написано.

ЕГОР. Это как же вы обменялись?

ВАНЯТКА. Я разрезал вот тут руку (*показывает*) — видишь шрамик? И Андрюшка тоже на своей руке, и приложили рану к ране. Моя кровь перешла к нему, а его ко мне. Теперь мы кровные братья...

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Ой дураки, выросли дылдами, а разум детский...

ЕГОР (*Ванятке*). Молодцы, вдвоём легче жить... Ну, пошли. Только вы ступайте к церкви, а я на минутку загляну к отцу Александру.

ВАНЯТКА. Так он в церкви, должно.

ЕГОР. Мож, дома...

Выходят из избы.

Сцена 2

Прихожая избы деревенского священника. Входит ЕГОР. Из горницы навстречу ему выскакивает НАСТЯ и бросается на шею. Обнимаются, стоят. Егор целует её в щёки.

НАСТЯ (*шёпотом*). Мама дома... увидит...

ЕГОР. Пусть... пусть! Отец сказал — в воскресенье свататься при-

ДРАМАТУРГИЯ

дём. Он с отцом Александром договорился уже...

МАТЬ НАСТИ (*из горницы*). Чой-та ты так выскочила? Кто-то пришёл?

НАСТЯ (*отпрянув от Егора*). Я думала, у нас дверь закрыта, открыть хотела...

МАТЬ (*входя в прихожую*). Кто это?.. Ой, Егорша! С фронта? Насовсем?

ЕГОР. Из госпиталя... В отпуск, ранили маленько.

МАТЬ. Потом опять на фронт?

ЕГОР. Военком решит — мож, в Тамбове оставит...

МАТЬ. Ты проходи, садись.

ЕГОР. Я на минутку... Отец Александр дома?

МАТЬ. В церкви. Видал, что там творится... Житья совсем не стало. Изживают. Хоть уезжай из села. О-хо-хо!

ЕГОР (*Насте*). Ты не пойдёшь туда?

МАТЬ. Неча ей там делать.

ЕГОР. Я схожу. Посмотрю, что там делается... Говорят, Маркелин весь сельсовет арестовал. Надо узнать... До свидания, Екатерина Алексеевна!

МАТЬ. Будь здоров, будь здоров... Ой-ёй-ёй, что творят... Никакого закона нет для них: ни Божьего, ни человеческого.

ЕГОР (*Насте шёпотом*). Как стемнеет, я приду к колодцу, выходи!

Уходит.

Сцена 3

Сельская церковь. Отец Александр выходит из алтаря и направляется к конторке, на которой лежит раскрытая Библия. В церковь входит комиссар продотряда Максим в чёрной куртке с саблей и револьвером в кобуре на поясе. Папахи не снимает, не крестится, бегло окидывает взглядом церковь, поднимает голову, смотрит на изображение Бога на куполе.

МАКСИМ (*с добродушной усмешкой*). Похож, очень похож!

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР (*берёт Библию с конторки*). На кого похож?.. Голову обнажи, в церкви находишься...

МАКСИМ (*не снимая папахи*). А вот глянь! (*Достаёт из бокового*

кармана несколько карточек с портретами мужчин и показывает с улыбкой одну, где изображён бородатый Карл Маркс, отцу Александру.) Правда похож?

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Кто это?

МАКСИМ. Как? Разве не знаешь? Наш бог — Карл Маркс. Неужто не слышал?

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Слышать слышал, но вижу впервые...

МАКСИМ. Теперь он станет богом России, а потом и всего мира!

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. И как же он им станет?

МАКСИМ. Тем же путём, что и Иисус... И веру в Христа народы Руси не сразу приняли. Вспомни, как святой князь Владимир гнал народ в Днепр креститься. Вспомни, как он огнём и мечом крестил Русь, сколько народной кровушки пролил, чтоб веру Христову утвердить на Руси, сколько десятилетий князя вбивали в головы людей веру в Христа. Вбили всё-таки, поверил народ. Поверил в Христа, поверит и в Маркса.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Не остановитесь и перед огнём и мечом?

МАКСИМ. Не остановимся. Иначе в силу нашей веры народ не поверит. Мы тоже понимаем, что без крови и за один день народ не перейдёт в нашу веру, не поверит в нашего бога. Что ж, будем учиться у святого Владимира... Там *(указывает на купол)* — наш художник подправит немножко по портрету Карла Маркса, а на иконостас вместо Христа поместим портрет Энгельса. Христос и Бог едины по вашей вере, а у нас — Маркс и Энгельс едины! Вместо Петра и Павла повесим портреты Ленина с Троцким...

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. И кто же из них Пётр, а кто Павел?

МАКСИМ. Ленин, конечно, Пётр. Он всегда был с Марксом-Энгельсом. А Троцкий раньше против Ленина выступал, зато теперь он яростно борется за идеи Маркса. Павел-то ваш тоже сперва против Иисуса шёл, а потом принял его веру... Всех ваших апостолов заменим нашими апостолами: Свердловым, Бухариным, Рыковым, Камневым, Зиновьевым...

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР *(перебивая)*. А Божью Мать кем замените?

МАКСИМ. Да, это вопрос... Может, Крупской.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Какая же она мать? Она бездетная...

МАКСИМ. Значит, возьмём Инессу Арманд, у неё детей много... Заменим кем-нибудь. Свято место пусто не будет... А это кто убогонький такой? *(Указывает на икону Серафима Саровского)*.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Преподобный Серафим Саровский.

ДРАМАТУРГИЯ

МАКСИМ. Мы его на Калинина заменим... Он такой же убогонький.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Кто же пойдёт в такую церковь?

МАКСИМ. Народ пойдёт. Народ! Церковью храм зваться больше не будет. Назовем мы его «Народный клуб» или «Народный дом». Поставим вот тут скамейки, народ отдыхать должен после трудового дня... Только русские не присели перед своим Богом, часами службу выстаивали. А перед нашим богом сидеть можно. За это нам трудовой народ спасибо скажет. Согласись, хорошо посидеть, отдохнуть после тяжкой работы...

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Подремать.

МАКСИМ. И подремать, восстановить силы тоже неплохо.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. И какие же молитвы читать вы будете здесь?

МАКСИМ. Молитвы мы упраздним... Читать ты будешь здесь произведения Маркса, Энгельса, товарищей Ленина, Троцкого вперемежку со стихами Бедного, Горького, Маяковского. И зваться ты не будешь больше ни попом, ни отцом Александром, а более скромно — агитатором...

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. При чём здесь я?

МАКСИМ. Кто-то должен народ агитировать, звать к новой жизни, разъяснять ему нашу веру. Ты ведь образованный, народ тебе верит. А народ, как ты хорошо знаешь, без веры не может. Без веры, без кнута он скотом становится, зверем. Так пусть он верит в светлое будущее на земле, а не на небесах, верит в Маркса, следует за его апостолами, а такие, как ты, будут направлять его по нужному пути. А путь этот указывать будем мы!

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Пути у нас с вами разные... Никого никогда не буду направлять я по вашему пути. Ваш путь ведёт к антихристу, а я всю жизнь звал и буду звать народ к Спасителю.

МАКСИМ. Бесплодным труд твой был, товарищ Александр. Назови, много ли народу спас твой Спаситель?

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Несть числа душам человеческим, которых вывел Христос на праведный путь, а значит, спас их души от вечных мук!

МАКСИМ. В этом-то и разница между вашим и нашим богом. Ваш Иисус спасает души человеческие, а наш Маркс спасает тело человека от вечного рабства, от эксплуатации человека человеком. Душа — это нечто эфемерное, неосязаемое, невидимое. Никто никогда душу не видел, не встречал. И есть ли она, как доказать? А тело наше всегда

при нас, всегда с нами, вот оно, всегда потрогать можно... Ущипнёшь его, больно; поранишь — страдать начинаешь, мучиться. И пищи наше тело ежедневно требует, и не единожды, а по нескольку раз в день. Если нечем человеку насытить тело, он страдает от мук голода по-сильнее, пострашней, чем от душевных мук. Отсутствие духовной пищи вынести можно, а отсутствия хлеба невозможно.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Не хлебом единым жив человек! Тело смертно, душа бессмертна. Душу направляет Бог, а тело — дьявол! Значит, вера ваша дьявольская, и бог ваш — дьявол! Всю свою жизнь я старался бороться с дьявольской сущностью в человеке, старался указывать своим прихожанам путь к Богу, старался вести их к спасению души. На крест взойду, но никогда не приму вашей веры, никогда не буду агитировать людей идти по вашему пути, по прямому пути к антихристу.

МАКСИМ. Примешь! Когда дело до креста дойдёт, тело воспротивится. Не терпит оно страданий и мук!

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Не приму!

Выходит.

МАКСИМ (*вслед*). Проверим... Крест нам организовать не долго.

Сцена 4

Церковная площадь. Возле паперти толпа крестьян. Среди них ЕГОР и ВАНЯТКА с АНДРЮШКОЙ. Сквозь толпу к паперти быстро и решительно проходят командир продотряда МАРКЕЛИН, за ним — два красноармейца в буденовках и МИШКА ЧИРКУНОВ. У Маркелина в руках плётка. Решительно поднимаются на паперть, поворачиваются к толпе. Из церкви к ним выходит комиссар МАКСИМ.

МАРКЕЛИН (*вскинув руку с плёткой*). Товарищи! Дорогие мои! Два года Красная Армия ведёт непрестанную борьбу со всеми врагами трудового народа. Два года без устали отражает нападение своих и иностранных бандитов, стремящихся вернуть помещикам землю, капиталистам фабрики и заводы. Несмотря на все препятствия до сих пор нам удавалось накормить, обути и одеть доблестную Красную

ДРАМАТУРГИЯ

Армию, спасти от голода и холода население центра Советской России... Всё, что нужно нашей героической Красной Армии — мы дадим! Без полной поддержки тыла Красная Армия не может вести решительной и энергичной борьбы с мировыми хищниками. Наш боевой девиз: всё для Красной Армии, всё Красному фронту! Чем скорее, тем лучше! Да здравствует всемирная пролетарская революция! Да здравствуют вожди революции товарищи Ленин и Троцкий! (*Опускает руку. Народ молчит.*) Да, забыл сказать... Вам нужно сдать дополнительно к продразвёрстке по двадцать одному яйцу с десятины, по двадцать пять фунтов хлеба и по двадцать фунтов картошки с едока...

Толпа охает, шумит.

1-й КРЕСТЬЯНИН. Почему?

2-й КРЕСТЬЯНИН. Мы выполнили!

3-й КРЕСТЬЯНИН. Всё сдали!

МАРКЕЛИН. Тихо! Говорю, дополнительно и добровольно! В подарок Красной Армии!.. Говорите по одному! Я лицо контрреволюционера хочу видеть. Глаза в глаза!

Крики прекратились.

1-й КРЕСТЬЯНИН. Товарищ, товарищ, я спросить хотел...

МАРКЕЛИН. Поднимайся сюда.

1-й КРЕСТЬЯНИН. Не, я отпеда, я не нащёт Красной Армии... Она тоже исть хочить. Я нащёт товаров... По указу обещано нам, коль мы развёрстку исполнили, мануфактуры два аршина, карасину поболее двух фунтов на едока...

МАРКЕЛИН. Я понял... Какое число сегодня, знаешь? Двадцать пятое февраля, а в указе сказано — выдать до первого августа!

1-й КРЕСТЬЯНИН. Ну да, ну да, это карасин и мануфактура... Месяц ишол, а где жа четвертушка фунта соли, полкоробка серников. Кажный месяц обещано давать... Ты не подумай чаво, я не контрреволюция... Соли нету...

МАРКЕЛИН. Будет вам соль, в конце марта за два месяца получите... Ну, так что, согласны сделать подарок Красной Армии? Давайте по домам. И срочно сюда, к церкви, хлеб, картошку, яйца. И пять подвод, чтоб отвезти на ссыпной пункт.

2-й КРЕСТЬЯНИН. Не согласны! Нету хлеба! Вымели под гребло.

Хучь с сумой иди...

3-й КРЕСТЬЯНИН. Почему в Киселёвке по восемь фунтов хлеба взяли, а с нас двадцать пять? Мы рази богаче? Где Докин? Почему его нет? Где советчики? Мы их на чё выбирали!

МАРКЕЛИН. Я арестовал ваш кулацкий Совет за контрреволюционную агитацию. Мы их будем судить революционным судом!.. Потому, прежде чем вы пойдёте за хлебом, нужно избрать нового председателя сельского Совета. Я предлагаю кандидатуру Чиркунова Михаила Трофимовича! Кто против этой кандидатуры, поднимите руку! И повыше!

2-й КРЕСТЬЯНИН. Не жалаем дезентира!

МАРКЕЛИН. Кто крикнул?! Кто? Выйди сюда! Найти крикуна!

Два красноармейца сбегают с паперти, ввинчиваются в толпу.

3-й КРЕСТЬЯНИН. Здесь крикун! Вот он!.. Сюда идитя... Ага, он. Держи его, держи крепче...

Гул, шелест по толпе. Красноармейцы тащат человека, и почему-то их сопровождает сдержанный смешок. В руках красноармейцев бьётся деревенский дурачок. Он сопит, упирается ногами, высунув мокрый язык. Красноармейцы подтаскивают его к ступеням.

МАРКЕЛИН. Это ты крикнул?

ДУРАЧОК (*размазывая по щеке соплю*). Ага!

МАРКЕЛИН. А что ты кричал? Крикни-ка ещё раз.

ДУРАЧОК. Не жалаем дезентира!

Снова смешки.

МАРКЕЛИН. Отпустите его... Выборы состоялись! Большинство голосов председателем сельского Совета избран Чиркунов Михаил! А Совет он себе подберёт сам. Теперь расходитесь. Жду вас с хлебом...

1-й КРЕСТЬЯНИН. Где мы его возьмём? Всё сдали!

МАРКЕЛИН. Товарищи! Я не понимаю вас, в Красной Армии ваши же сыны, братья. И вы не хотите, чтобы они были обуты, одеты, накормлены? Товарищ красноармеец (*указывает плёткой в сторону Егора*)... Да, ты, ты! Поднимись, расскажи, в каких условиях сража-

ДРАМАТУРГИЯ

ется Красная Армия! Иди, иди...

Егор растерянно оглядывается.

1-й КРЕСТЬЯНИН (*Егору*). Иди, просюшь.

Анохин нерешительно поднимается на паперть.

МАРКЕЛИН (*Егору*). Коммунист?

ЕГОР. Да...

МАРКЕЛИН. Ну, вот и врежь им по-партийному!

Растерянный Егор глядит на молчаливую толпу.

ЧИРКУНОВ (*Егору*). Расскажи, какова на фронте житуха.

ЕГОР. Да, жизнь на фронте не сладкая. Пирогов в постелю не подают...

2-й КРЕСТЬЯНИН (*с ехидным смешком*). Оратель выискался!

ЕГОР. Да, пирогов не подают! Да и постеля не каждый день бывает. Ляжешь у костерка на шинелюшку да шинелюшкой и укроешься. И холод, и голод — всё бывало. И под пулями, под пулями... Без вашей помощи мы ничего не сделаем, не поборем белых хищников. Нужен хлеб, мужики, нужен...

1-й КРЕСТЬЯНИН. И нашим детям нужен! Нам тоже с голодухи пухнуть неохота... Мы с твоим отцом в поле хрип гнули, а Маркелин прискакал — и под гребло. Мякину оставил! И ту забрать хочить... Ловок ты лялешничать!.. Нету хлебушка у нас, весь выгребли, пока ты сашкой махал!

Егор хотел сойти с паперти, но Мишка ухватил его сзади за руку, приобнял, отвел за спину к Маркелину.

МАРКЕЛИН (*яростно 1-му крестьянину*). Ты мне контру не разводи! Выпорю!

1-й КРЕСТЬЯНИН. Зна-ам мы, скор на руку... Не думай, не век тебе царевать, дойдёт и твой черёд!

МАРКЕЛИН. Что-о! Выпороть! Сейчас же.

Красноармейцы с готовностью подхватывают деда под руки.
Один из них ловит на лету брошенную Маркелиным плётку.

Деда кидают на скамейку, сдирают штаны, плётка взвивается, и багровый рубец проступает на серой коже старика. Дед дергается. Снова взвивается плётка.

ЧИРКУНОВ (*Егору*). Рад тебя видеть, рад... Насовсем?

ЕГОР. В отпуск. Ранен...

МАКСИМ. Меня зовут Максим. Комиссар продотряда... А это мой командир, товарищ Маркелин.

ЕГОР. Егор Анохин, командир эскадрона (*пожимает руку Максиму, потом Маркелину*). В отпуске по ранению...

МАРКЕЛИН (*Егору*). Я сразу понял, что ты Егор Анохин, потому и позвал тебя сюда.

ЕГОР. Откуда ты обо мне знаешь?

МАРКЕЛИН. Слышал... Максим тебе потом объяснит. Это его дело... Ты хорошо выступил, не переживай. Я тоже, когда в первый раз перед народом встал, язык проглотил. А теперь часами могу беседы вести, да некогда, деревень много, а народ, вишь, какой — кулаки, добром не отдадут хлеб, каждый фунт вышибать надо...

ЧИРКУНОВ (*Маркелину*). Кстати, Егор сын Игната Анохина, члена сельского Совета.

МАРКЕЛИН. Игната?.. Беспокойный мужик... (*Замечает, что Егор морщится, смотря, как извивается на лавке дед под кнутом.*) Мужика пока не выпорешь, он не поймёт, что от него требуется... (*Красноармейцам.*) Довольно! (*Толпе.*) Сход закончен! В течение двух часов чтоб каждый двор сдал яйца, хлеб, картошку... Найдёте! А не найдёте, я найду! Кто не привезёт, пусть пеняет на себя! (*Чиркунову.*) Пожрать надо сообразить что-нибудь... У кого, ты говоришь, салыце есть, огурцы солёные? Давай командуй, кто у тебя тут из ребят пошустрей?

ЧИРКУНОВ (*Андрюшке*). Андрей, поди сюда.

Андрей Шавлухин взбегает на паперть.

ЧИРКУНОВ. Хочешь быть членом сельского Совета, а?... Ага, вижу — хочешь... Ты комсомолец — справишься! Первое тебе задание: надо реквизировать у Алёшки Чистякова солёные огурцы...

МАРКЕЛИН. Пятьдесят штук.

ЧИРКУНОВ. Пятьдесят штук огурцов и три фунта сала.

МАРКЕЛИН. Мало, пять. Скажи, реквизиция производится по

ДРАМАТУРГИЯ

указанию уездного Совета.

АНДРЮШКА. А если не поверят?

МАРКЕЛИН. Скажи, распоряжение у Маркелина (*поднимает вверх плётку*), если сомневаются, сам заеду, покажу, неделю чесаться будут.

АНДРЮШКА. А к огурчикам и салцу — естественно...

МАКСИМ (*хохочет, хлопает Чиркунова по спине*). Ну и орла ты выбрал! Парочку ещё таких, и за Масловку я спокоен. (*Шавлухину.*) И это, «естественно», да поскорей!

АНДРЮШКА (*Чиркунову*). У кого, у Ольки Миколавны?

МАРКЕЛИН. Вонючий у неё, зараза... У неё завтра реквизируем. Щас у Гольцова, у него почище и покрепче.

АНДРЮШКА. Может, эта... Один я не донесу... Мне бы красноармейца... на первый случай, чтоб потом знали, а?

МАРКЕЛИН. Соображает, стервец! (*Красноармейцам, поровишим деда.*) Ребята, под его команду ровно на полчаса. Возьмите сани!

Крестьяне понуро расходятся. Егор тоже хочет уйти, но его удерживает за рукав шинели Мишка Чиркун.

ЧИРКУНОВ. Идём с нами, посидим, полялешничаем.

МАРКЕЛИН (*Максиму недовольным тоном*). Что ты делал в церкви? Опять над попом измывался? Отстань от него, он вреда нам пока не делает.

МАКСИМ. Вот именно, пока. Слышал бы ты, что он мне говорил.

МАРКЕЛИН. Я от него ничего плохого не слышал.

МАКСИМ. Значит, ты слушать не умеешь, или уши заложены... У тебя какая задача? Хлеб из мужика выколачивать, вот и пори его. А моя задача — идеология!

МАРКЕЛИН. Измывательство над невинным человеком зовётся иначе.

МАКСИМ. Ты хорошо делаешь своё дело, продолжай так же, и не суйся туда, куда тебе не приказывают.

Сцена 5

Изда Чиркуновых. На печи лежит отец Мишки Чиркунова ТРОФИМ. В избе раздеваются МАРКЕЛИН, МАКСИМ, МИШКА ЧИРКУНОВ и ЕГОР АНОХИН. Входит в избу АНДРЮШКА ШАВ-

ЛУХИН: на плече — гармошка, под мышкой — четверть сизого самогона.

АНДРЮШКА (*весело Чиркунову*). Приказ исполнен! Вот оно, лекарство от всех скорбей! (*Поднимает вверх четверть с самогоном.*)
МАКСИМ. Ух ты, даже гармошка! Ну ты, брат...

Чиркунов режет хлеб, сало, наливает в стаканы самогон. Отец Чиркунова кряхтит на печи, спускается, надевает валенки с дырявыми носами.

АНДРЮШКА (*Трофиму*). Чего ты валенки не подошьёшь? Палец отморозишь.

ТРОФИМ. А-а, некогда.

АНДРЮШКА (*смеясь*). Весь день на печи, а некогда?.. (*Отворачивается к Максиму, интересуется его кобурой с маузером.*) Всем комиссарам маузеры выдают?

МАКСИМ. Мне выдали. Но я ещё всегда с собой браунинг ношу, на всякий случай. (*Вытаскивает из кармана браунинг, показывает Андрюшке.*)

МАРКЕЛИН (*поднимая стакан*). Ну что, товарищи, за наше дело, за удачное завершения дня!

Выпивают, закусывают солёными огурцами, салом, яблоками.

ЧИРКУНОВ (*Маркелину*). Загнул ты с двадцатью пятью фунтами. Многовато. Скости... Хотя бы пятнадцать или на худой конец двадцать.

МАРКЕЛИН. Отступать не буду... Увидишь — привезут.

ЧИРКУНОВ. А с Советом что ты хочешь делать?

МАРКЕЛИН. С Советом? Погляжу. Ещё не придумал. (*Взглядывает на Егора.*) Не бойся, оставлю я в живых отца... Но угомонить его надо. Слишком неугомонный. Много ещё хлопот Советской власти принесёт... Я враз угомоню, будь спокоен. И «Мирской приговор» он у меня враз выложить.

МАКСИМ. С этим ты уж постарайся, не допусти схода.

МАРКЕЛИН. Эх, зарубку я им на память сделаю! Узнают, как Маркелину перечить!

Андрей Шавлухин улыбался, прислушивался к разговору, а

сам потихоньку растягивает гармошку туда-сюда у себя
на коленях.

ТРОФИМ (*Андрюшке*). Чего ты пиликаешь? Играть, так играй бодрей.

МАРКЕЛИН (*Максиму*). Максим, рвани-ка!

МАКСИМ (*берёт гармонь, играет уверенно и громко запекает*). Крутится-вертится шар голубой... Эх-да! Крутится-вертится да над головой...

МАРКЕЛИН. Брось! Давай лучше «Цветы ЧеКа».

МАКСИМ (*поёт*).

*На вашем столике бутоны полевые
Ласкают нежным запахом издалика,
Но я люблю совсем иные,
Пунцовые цветы ЧеКа.*

*Когда влюблённые сердца стучатся в блузы
И страстно хочется распять их на кресте,
Нет большей радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых и жизней, и костей.*

*Вот отчего, когда томятся Ваши взоры
И начинает страсть в груди вскипать,
Черкнуть мне хочется на Вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»*

АНДРЮШКА. Ловко, а! (*Наливает полстакана самогона, протягивает Максиму*.) А с каких лет ЧеКа на работу примаёт?

МАКСИМ. В ЧеКа с улицы не берут. Нужны заслуги перед партией, народом. Поработай в Совете, поглядим, может, и ты удостоишься доверия... А работа вам нелёгкая предстоит. Разговаривал я утром с вашим попом. Нашу веру он ни в какую принимать не хочет, будет народ мутить, вот увидите. Нелегко вам придётся...

МАРКЕЛИН. Отстань ты от попа, чего ты к нему пристал. Он тебя не трогает и нам не мешает.

МАКСИМ (*строго*). Он наш главный идеологический враг! И ты как коммунист и герой войны обязан это понимать. А ты постоянно выказываешь мягкотелость...

МАРКЕЛИН. Я мягкотел?! Да я этой рукой столько врагов порубал, сколько ты их по жизни не встречал.

МАКСИМ. Верю, верю, все мы это знаем... На поле боя просто: вот он враг — руби его! А в жизни сложнее: глядишь — с виду нормальный поп, а заглянешь в нутро — смертельный враг. Ты спроси у него про попа (*указывает на Чиркунова*). Он с детских лет с ним общается. Скажи (*Чиркунову*), друг нам или враг поп?

ЧИРКУНОВ. Да, поп наш известная контра, но народ его любит, верит ему...

АНДРЮШКА (*хмельно и со смехом*). А что же ты к этой контра сватался. Зятьком попа захотел стать.

ЧИРКУНОВ (*ударив Андрюшку по шее*). Остынь! Щенок, голос прорезался!

АНДРЮШКА. Ты чё! Я ж шуткую.

ЧИРКУНОВ. Не шути со старшими!

МАКСИМ. Правда, сватался к попу, а?

ЧИРКУНОВ. По пьянке забрёл.

МАКСИМ. Ну и как поп, обрадовался такому зятюку?

ЧИРКУНОВ. Он же не дурак, видит, что я по пьянке, ну и выпроводил...

МАКСИМ. Да, жёсткий поп, сломать его трудно будет. Он мне заявил, что на крест пойдёт, но нашей веры не примет. Мне пришлось ответить — крест нам организовать не долго.

ЧИРКУНОВ (*хмуро*). Будет кочевряжиться, организуем.

В избу входит КРАСНОАРМЕЕЦ.

МАРКЕЛИН. Ну как там? Везут зерно?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Никто ни грамма не привёз...

МАРКЕЛИН. Твою мать! Они запомнят, запомнят... Скачи в отряд! Разбейтесь по пятёркам!.. Солодков со своим пятком в Вязовку! Ужанков — на Хутор! Трухин — в Масловку! Ивакин — в Крестовню! Юшков — в Угол! Быстро по дворам! Кто не сдаст хлеба, забирать всю скотину: овец, коров, лошадей и гнать к церкви, в ограду. И быстро! Засветло надо сделать. Выполнять приказ!

Красноармеец выходит.

ЕГОР (*поднимаясь*). Я пойду... скажу своим, чтоб сдали...

Сцена 6

Изба Анохиных. МАРИЯ ПЕТРОВНА разбирает козий пух на столе, на шали. СНОХА сидит на сундуке и вяжет из шерсти носки. Входит ЕГОР.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Оратель явился... Где отец?

ЕГОР. Арестованный... Со всем Советом... Отпустят... Мам, хлеб надо сдать... приготовить. Щас красноармейцы привалят...

МАРИЯ ПЕТРОВНА. У тебя он есть, хлебушек, ты и сдавай! Щедрый какой... Где его взять-та. Сами одним кулешом перебиваемся... За семенной браться? Пожрать, а потом зубы на полку? Так?

ЕГОР. Ничего рази нет?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Глянь, поди, в ларь... Пусто! До зёрнышка выгребли. Сроду такого не было.

ЕГОР. А как же быть? Они сейчас всю скотину заберут.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Как заберут? Куда? Кто им даст?

ЕГОР. Не спросюте. Приказ Маркелина... Собрать в ограду церкви и держать, пока не сдадите...

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Как же так? Майке телиться скоро...

ЕГОР. Вот и отелится... в снег. Да и с отцом как бы чего... если заартачимся...

С улицы доносятся крики людей, блеяние овец. Егор выглядывает в окно.

МАРИЯ ПЕТРОВНА (*тяжело опираясь на колени, встаёт, подходит к окну, крестится*). Царица небесная, заступница ты наша, когда же кончится эта мука! Господи, за какие жа грехи ты нас наказуешь! Чего жа мы сами исть будем, чем жа питаться? Святым духом...

Она, вытирая глаза, горбясь, идёт в сенцы. Егор следом.

Сцена 7

Двор крестьянина Гольцова. Слева — дверь в сарай, возле которого стоят два КРАСНОАРМЕЙЦА и МАКСИМ, улыбаются,

смотрят куда-то за сцену. Раздаётся нестройный залп. Крик за сценой: «Советчиков расстреливают!» Из-за сарая выскакивает ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ АНОХИН, с расчёпанной бородой, в исподнем, босиком, в руках полушубок, валенки и другая одежда. Появляется ЕГОР АНОХИН и бросается навстречу отцу, помогает ему надеть полушубок, валенки. Команда за сценой: «Взвод! Пли!» Залп. Крик за сценой: «Ещё одну сволочь расстреляли! Тащи другую!» Егор кидается к сараю. Навстречу ему два красноармейца с весёлыми лицами тащат за руки мужика в исподнем. Анохин бросается на красноармейцев. Подскакивает, врезает одному бойцу в челюсть, вкладывая всю силу. Тот падает навзничь. Егор сцепляется с другим, оба падают, катаются по земле. К ним кидаются от сарая другие красноармейцы, растаскивают.

КРАСНОАРМЕЕЦ (*Егору*). Очумел, вахлак! Мы шуткуем! Смотри, очухался твой мужик. В омаке он, со страху! Вверх палили...

Анохин перестаёт вырываться. Лежавший на спине мужик, которого тащили от омета бойцы, шевелится, переворачивается набок, обводит всех вытаращенными глазами.

Шум возле сарая. В распахнутую дверь выскакивает из полутьмы сарая ПЕТЬКА ДОКИН, председатель сельского Совета. В руках у него — винтовка. Ткнув штыком стоявшего у двери Максима, бросает винтовку и кидается мимо сарая за омет. Максим падает, тут же вскакивает, подхватывает винтовку и целится в убегающего Докина. Выстрел. Захлопали новые выстрелы — красноармейцы, кто стоя, кто с колена бьют вслед председателю. Докин падает на четвереньки, оглядывается, утыкается седой бородой в землю, затихает.

Егор поднимается, дрожа и покачиваясь, бредёт к отцу мимо сарая. Внутри в полутьме что-то делают люди, слышатся негромкие голоса.

1-й ГОЛОС: Железным прутом он их... В сарае валялся. Ох, не заметили мы...

2-й ГОЛОС: Тащи их на свет!

1-й ГОЛОС: Теперь им всё равно: что свет, что тьма.

2-й ГОЛОС: А может?..

1-й ГОЛОС: На можа плохая надёжа.

Из сарая вытаскивают тела двух красноармейцев с залитыми кровью лицами, укладывают на землю. Егор подходит к отцу, сидящему на земле, помогает ему подняться.

Сцена 8

Изба Анохиных. МАРИЯ ПЕТРОВНА и сноха ЛЮБАША по-прежнему заняты каждой своей работой — мать перебирает пух, сноха вяжет. НИКОЛАЙ и ВАНЯТКА на полу плетут вершу из ветловых прутьев. Распахивается дверь, ЕГОР почти втаскивает в комнату дрожащего, растрёпанного, ещё не пришедшего в себя ОТЦА.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Ой-й-й!

ЕГОР (*помогая отцу раздеться*). Mam, самогонки ему налей.

Мать метнулась к суднику, звякает стаканами. Любаша бросается ей помогать, собирать на стол еду.

НИКОЛАЙ. Что случилось? Маркелин выпорол?

ЕГОР. Хуже... Председателя сельсовета расстреляли...

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Докина?

ЕГОР. Докина. А остальных членов Совета в виде шутки расстреливали...

НИКОЛАЙ. Как это?

ЕГОР. Пугали. Раздевали на морозе до исподнего и к стенке... А стреляли вверх... Я услышал выстрелы и туда. Гляжу, отец весь белый, еле живой, босиком по снегу навстречу летит... Вот чё придумали, а?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Ой, Господи!.. Садитесь, садитесь за стол, согреться надо поскорее...

Выпивают. Молча и хмуро закусывают.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ (*тяжко вздыхая*). Нет, жить так дальше нельзя.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Не нам решать...

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Нам! Вот именно нам! Как Маркелин уйдёт из Масловки, надо сход собирать, «Мирской приговор» примать и в Москву его. Иначе на этих... управу не найдём... Егорша, ты вот что, ты грамоте шибко обучен (*поднимается, открывает сундук, достаёт школьную тетрадь, протягивает Егору*), среди командиров повращался... Глянь свежим глазом, ладно ли мы написали? Можя,

подправить чего, переиначить?

Любаша помогает матери убирать со стола. Егор открывает тетрадь. Николай подсаживается к брату. С другой стороны рядом с Егором пристраивается Игнат Алексеевич.

ЕГОР (*читает вслух*). «“Мирской приговор”! Мы ждали после падения барского режима счастливой вольной жизни, а между тем после недолгой передышки видим, как в новом виде восстанавливаются все тягости и весь гнёт старого строя. Мы решили поэтому изложить все наши горести, обиды и жалобы по пунктам...» (*Глядит на отца*.) Лучше сказать: после падения царского режима, а не барского.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Не в этом суть. Читай дальше.

ЕГОР. «В поставленных над нами властях мы почти не видим знающих и понимающих наше земельное хозяйство людей, а чаще встречаются никчёмные, бесхозяйные, неумелые люди, настоящие никудышники, которые во всё мешаются, всё путают, злоупотребляют своей властью, не отдавая нам никакого отчёта и не зная над собой управы. Никто их не уважает и настоящей властью считать не может...» (*Снова глядит на отца*.) Это правильно! Какой из Мишки хозяин, а сопляк Андрюшка член совета. Смех, издёвка над народом. (*Читает дальше*.) «Всего хуже приходится всем нам, простым людям, от господ в кожаных куртках, зовущих себя агентами чрезвычайных комиссий. Эти ведут себя с нами, словно завоеватели в покорённой стране, и от них никто не может чувствовать себя в безопасности. Над ними нет никакого закона, а их произвол — всем закон...»

МАРИЯ ПЕТРОВНА (*сердито мужу*). Ты чаво затеял? Мало вас Маркелин учил? Чаво затеял-га? Сам, старый вергугуй, в петлю лезешь и сынов тянешь. Сынов не путай...

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Отвяжись!

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Сам лезешь, сынов не путай!

Егор закрывает тетрадь.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Ну как?

ЕГОР. Тут у вас обращение к крестьянам других деревень, а как они узнают? А рабочие?

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Если сход согласится, по деревням пойдём, читать будем... Сумлевется кое-кто, надо ли?

ЕГОР. Вот и я...

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Надо-надо! Моготы нет терпеть. И про-света нету. Покуда весь народ слова не скажет, так и будет править лихо на Руси. Ежли власть трудового народа, пушай народ и правит, а не под Маркелинскую плётку пляшет. Мы решим, решим!

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Сынов, говорю, не путай...

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Ты зачем на паперть полез, а? Если б не расстрел, я б с тобой чикаться не стал, не одну б хворостину измутьизгал о хребет, неповадно чтоб было...

ЕГОР. Я не сам, вытянули.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Вытянули его... Головы нет? И с этим... Чиркуном не вожжайся, подальше держись. Никудышный он человек. Поплачет из-за него народ, ой поплачет... И эта... боле на сход не вздумай явиться. Знай дело своё, ты отпускник, отдыхай, копи силы, а к нам не лезь. Ты отстал... оборкаться не успел, да и не к чему... тут без тебя жисть кутыркнулась, раздрызганная стала, все, как слепые посеред леса, один туды тянет, другой сюды. Никто не знает, где доро-га, а все указывают. Иной, скороземельный, таким соловьём поёт, точно, мол, знает, за каким бугром рай, заслушаешься, бегом бежать следом охота, а приглядишься... Неча те делать на сходе, отдыхай. Сами как-нибудь расхомутаемся, с матерей будь... Вершу помогай Николаю плести. Верша — это хорошо. Весной жрать нечего будет. Можя, рыбкой перебиваться будем...

Сцена 9

Двор Гольцова. Вечер. Полумрак. ЕГОР и НАСТЯ стоят молча обнявшись возле угла сарая.

ЕГОР. Касаточка ты моя! Как я тебя лелеять буду!

Донёсса скрип двери от избы попа. Парень с девушкой отшаты-ваются друг от друга, оглядываются на избу.

ЕГОР (*шёпотом*). Отец?

НАСТЯ. Не знаю... Вряд ли. У нас сейчас полно незваных гостей.

ЕГОР. Кто?

НАСТЯ. Комиссар с красноармейцами, Мишка Чиркунов и этот... комсомолец Андрюшка.

ЕГОР. Зачем они явились?

НАСТЯ. Пить самогон.

ЕГОР. Я считал, что продотряд в Мучкап ушёл. Сам видел, как они уходили с обозом.

НАСТЯ. Это Маркелин зерно повёз, а комиссар остался с тремя бойцами. Утром Маркелин сюда вернётся с интернациональным отрядом латышей.

ЕГОР. Зачем?

НАСТЯ. Они говорят, что где-то рядом боевая дружина Антонова стоит, в Андрияновке, что ль. Маркелин туда заглянуть хочет с латышами...

МИШКА ЧИРКУНОВ осторожно выглядывает из-за стога сена, достаёт из кармана револьвер, начинает целиться в Егора. Долго. Опускает руку, вытирает лоб, прислушивается к разговору Насти с Егором.

НАСТЯ (*прижимаясь щекой к щеке Егора*). Какие у тебя щёки холодные... Долго ждал? Замёрз?

ЕГОР. Ничего. Зато теперь на душе жарко... Отец сказал, что в воскресенье сватов пришлёт. Два денёчка всего осталось. Он сказал, что разговаривал с твоим отцом.

НАСТЯ. Я слышала, как папа маме рассказывал об этом.

ЕГОР. И что мама?

НАСТЯ. Не против, только говорит, мало годков мне...

ЕГОР. Ну да, мало. Восемнадцать уже исполнилось... А как к Мишкиному сватовству она отнеслась?

НАСТЯ. Рассказали уже?

ЕГОР. А как же... Первым делом... Сам-то он разговаривал с тобой, прежде чем свататься?

Мишка снова поднимает револьвер, целится.

НАСТЯ. Говорил, проходу не давал... Я сказала ему, чтоб он сватов не слал. И себя, и нас в неудобное положение не ставил. Лишние сплетни... Но он прислал. Мама сказала сватам, что молода я ещё, да и время сейчас не свадебное...

ЕГОР. А вздыхаешь чего? Мишку жалко? Жалко, что отказала?

Мишка опускает револьвер, прислушиваясь.

НАСТЯ (*накрывая ладонью рот Егору*). Что ты мелешь?

ЕГОР. А ты чего вздыхаешь?

НАСТЯ. Долго свадьбы ждать... Пост только начался. До Пасхи далеко. А по нынешним временам день — год. Один день всё перевернуть может... Папа опасается, что церковь закроют, а его сошлют на Соловки. Ходят такие слухи по Борисоглебску. И нынешний комиссар хоть и в гостях у нас, а всё пытается поддеть папу, унижить. Горько...

Появляются два КРАСНОАРМЕЙЦА из продотряда.

1-й КРАСНОАРМЕЕЦ. Вот они где, голубки!

2-й КРАСНОАРМЕЕЦ (*посмеиваясь*). Долго вас искать пришлось... Нагулялись? Пора баиньки. (*Егору*.) Ты, длинноногачий, дуй домой... Мамаша заждалась!

ЕГОР. Сейчас провожу и пойду.

2-й КРАСНОАРМЕЕЦ. Да не, ты не понял... Ты иди спать, а ей ещё рановато. Ступай добром, будь щедрым, попользовался — другим дай...

2-й красноармеец хватает Настеньку за руку.

1-й КРАСНОАРМЕЕЦ (*толкая Егора в грудь*). Ступай, ступай!

Егор пятится, но тут же бьёт красноармейца в лицо. Тот охает, сгибается, а Анохин хватает второго за шиворот, отрывает от девушки.

ЕГОР (*Насте*). Беги!

Настя убегает. Егор дерётся с двумя красноармейцами. Подбегают из темноты МИШКА ЧИРКУН, МАКСИМ, АНДРЕЙ ШАВЛУХИН, растаскивают дерущихся.

1-й КРАСНОАРМЕЕЦ (*зажимая разбитый нос, грозит Егору*). Я тебя придушу, гад!

Сцена 10

Дом священника. Прихожая. Накрытый стол. В комнате за столом, понунив голову, в одиночестве сидит ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. ЖЕНА его и дочь НАСТЯ тревожно выглядывают из горницы, прислушиваются к шуму на улице. В прихожую вваливается вся компания: МАКСИМ, МИШКА, АНДРЮШКА, ЕГОР и оба КРАСНОАРМЕЙЦА. Мать с дочерью сразу исчезают в горнице. Драчуны грязные, окровавленные.

МАКСИМ (*драчунам*). Умойтесь, вояки! И мировую!
АНДРЮШКА. Да, да, мировую!

Разливает самогон в стаканы. В простенке за столом неподвижно сидит отец Александр.

ЕГОР. Бывайте. Я домой!
ЧИРКУНОВ. Погоди, погоди, а мировую с ребятами. Нет, так ты не уйдёшь. Нехорошо! Давай, ребята, за мир!

Выпивают все, кроме отца Александра. Андрюшка и ему всунул в руку стакан, но тот только подержал его в руке и поставил назад.

АНДРЮШКА. Был такой случай с моим приятелем в Тамбове, это я по поводу мировой...

ЧИРКУНОВ. Погоди! (*Отцу Александру*.) Так, батюшка, на чём мы остановились, а? Перебили нас, собаки, на самом интересном месте...

Отец Александр не отвечает, усмехается как-то снисходительно и горько.

АНДРЮШКА. Ты говорил: царя скинули, Бога отменили...

ЧИРКУНОВ. Верно! Царя нет — свергли! Бога нет — упразднили... Теперь я царь и бог. Я! (*Бьёт себя кулаком в грудь*.) Я казню и милую! Вот комиссар для меня указ, но здесь, в Масловке, теперь я бог! Я царь и бог!

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. А тебе не страшно?

ЧИРКУНОВ. Кого?

ДРАМАТУРГИЯ

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Вседозволенности...

ЧИРКУНОВ. Кого, кого?.. Мне никого не страшно! Хошь, я завтра церковь закрою? Хошь?.. Я и тебя могу отменить...

1-й КРАСНОАРМЕЕЦ (*насмешливо*). Не верит он. Гля-кость, смотрит как! Мол, плетёшь с пьяной головы. Бог и царь он...

ЧИРКУНОВ (*красноармейцу*). Не верит? А ты веришь?

1-й КРАСНОАРМЕЕЦ. Докажи — поверю!

ЧИРКУНОВ. Я докажу, прям щас докажу... Ответь мне, батюшка, где твой Бог, где твой Христос с его правдой? Почему не поразят нас, тех, кто его отменил? Почему?

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Бог милосерден... Каждому даёт срок одумать-ся. А от суда никому не уйти... Время придёт — накажет...

ЧИРКУНОВ. Не плети! Ты ответь, где правда Христова? Почему её нет на земле?

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Если правда Христова не осуществляется в мире... то в этом повинна не правда Христова, а неправда человека...

ЧИРКУНОВ. Как, как? Значит, есть правда Христова?

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Есть!

ЧИРКУНОВ. Ага! Хорошо. Как там Христос говорил: возлюби ближнего своего. Это Христова правда... Ты, служитель Божий, несёшь нам его правду. Значит, сам ты веришь в правду Христову и обязан следовать ей. Я твой ближний! Но я отменил твоего Бога, я для тебя гадок, мерзок. Но по правде Христовой ты любить должен врага своего, а друга любить ничего не стоить... Любишь ты меня, а? Ответь! Отвечай... (*Мишка отчего-то разъярился, хватая обеими руками священника за грудки.*) Любишь?

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Люблю... Ты не знаешь сам, что творишь.

Мишка отталкивает отца Александра, хрипло смеётся.

ЧИРКУНОВ. Слыхали, он меня любит! (*Опять поворачивается к отцу Александру.*) Бога нет, дурак! Я — бог! Где он, твой Бог, где?.. Пусть придёт, накажет меня. Позови его! Если он всеведущ, почему он не заступится за тебя, верного слугу своего? Ну! Я плюю на твоего Бога, я на тебя плюю.

Чиркун смачно харкает в лицо отцу Александру, тот молча утирается рукавом.

ЧИРКУНОВ. И теперь любишь?

ЕГОР. Отстань от него, слышь? Он тебя не трогает!

ЧИРКУНОВ. Ты кого защищаешь? Ты коммунист иль кто?.. Иль уже зятьком попа себя чувствуешь?! *(Выкрикнув это, Мишка быстро оглядывается на дверь в горницу, снова хватая отца Александра за грудки.)* Я тебе сейчас докажу, что я судьбы вершу, а не Бог. Ты поймёшь, что Бога нет! Я щас с твоей дочерью грех совершу.

Чиркун отталкивает попа и широко и уверенно направляется к двери в горницу. Егор вскакивает наперерез, но 1-й красноармеец подсекает ногой сзади, сбивает его на пол, наваливается сверху. 2-й красноармеец кидается ему на помощь. Отец Александр пытается встать, но Максим хватает его за плечо и тычет в бок маузером.

МАКСИМ. Сидеть, батюшка, сидеть! Твой Бог испытывает тебя! Терпи! Теперь уж что Бог даст... вместе посмотрим! Одному Богу, если он есть, известно, что будет дальше!

Мишка помогает красноармейцам связать руки Егора длинной утиркой, заткнуть рот тряпкой и направляется в горницу.

Анохин бьётся на полу, рычит. Из горницы доносится визг, крики. Вылетает попадя, падает у порога. Поднимается и снова рвётся в горницу, но 2-й красноармеец выталкивает её в сени и удерживает дверь. 1-й красноармеец с ухмылкой стоит посреди комнаты, следит в раскрытую дверь за тем, что творится в горнице.

1-й КРАСНОАРМЕЕЦ *(весело в горницу)*. Помочь?

Анохин старается вырвать руки, освободиться.

2-й КРАСНОАРМЕЕЦ *(пиная его в бок)*. Лежи! Не рыпайся!

Егор перестаёт двигаться. По его лицу льются слёзы. Из горницы доносится возня, утробный, приглушённый хрип.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР *(крестясь на иконы)*. Восстань, Господи, во гневе Твоём. Подвигнись против неистовства врагов моих, пробудись для мя на суд, который Ты заповедал. Внемли гласу вопля моего, Царь мой и Бог мой! Ибо я к Тя молюсь. Господи, не удаляйся от мя: сила

ДРАМАТУРГИЯ

моя! Поспеши на помощь мне!

В горнице становится тихо, так тихо, что быстрый шёпот священника страшно звучит в тишине. Все замирают. Егор открывает глаза. Из горницы доносится шелест одежды, позвякивание пряжки ремня, звук шагов.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Псы окружили мя, скопище злых обступило мя, пронзили руки мои и ноги мои...

Мишка появляется на пороге, затягивая ремень. Пунцовая морда его с близко посаженными маленькими глазками поцарапана.

ЧИРКУНОВ (*отцу Александру*). Не клеветщи, не обманывай Бога... Пока не пронзили. А это идея!

1-й КРАСНОАРМЕЕЦ (*рванувшись в горницу*). Теперь я пойду.

ЧИРКУНОВ (*отталкивая его и прикрывая дверь в горницу*). погоди! (*Разливая в стаканы самогон*.) Пейте, ребята!.. Андрюшка, ты чего смухордился? Пей да гляди веселей... А ты чё, батюшка, бороду опустил? (*Ухватывает отца Александра за бороду, дёргает вверх*.) Ну, понял теперь, что Бога нет? Я — бог! Молись мне! Ну, на колени — и молись! Бей поклоны! Благодарю за то, что я, бог, снизошёл до твоей дочери! Молись, чтоб родила божьего сына... (*Дёргает отца Александра за бороду, тянет вниз, но тот на колени не встаёт*.) Вставай на колени! Молись вслух, чтоб все слышали! Не хочешь? Не хочешь признать меня богом? Не веришь? А где же тогда твой Бог?.. Вставай! (*Сильно дёргает за бороду отца Александра, опрокидывает на пол, пинает*.) Нет, я тебя заставлю отречься от твоего Бога! Ты будешь молиться мне! (*Андрюшке*.) Андрей, найди молоток, гвозди в сенцах, быстро! (*Священнику*.) Щас мы испытаем твою веру — как Христа распнём.

Максим снисходительно улыбается, глядя на эту сцену. Андрюшка бежит в сени, возвращается с молотком, гвоздями, протягивает Чиркуну. Мишка берёт, отхлёбывает из стакана.

ЧИРКУНОВ. Хэ! Ну, батюшка, отрекаешься от своего Бога? А? Будешь молиться на меня?

Отец Александр качает головой, крестится.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Храни мя, Боже, ибо я на Тя уповаю! Да не скажет враг мой: «я одолел его». Да не возрадуются гонители мои, если я поколеблюсь! (*Чиркуну решительно.*) Где крест мой?

ЧИРКУНОВ (*растерянно*). Жалкую, что ночь! Быстренько бы сварганили крест... Но я тебя на стене распну. Становись!

Указывает на белёную перегородку, отделяющую прихожую от горницы. Священник послушно идёт к стене мимо лежавшего на полу Егора, прижимается к ней спиной, раскидывает руки, закрывает. Губы и борода шевелятся.

ЧИРКУНОВ (*Шавлухину*). Андрей, держи молоток! Пришпиль его к стене!

Андрюшка хватается стакан со стола, торопливо глотает. Но, поперхнувшись, зажимает рот рукой и выскакивает в сенцы.

ЧИРКУНОВ (*протягивая молоток 1-му красноармейцу*). Может, ты возьмёшься?

1-й КРАСНОАРМЕЕЦ. Ты бог, ты и твори.

ЧИРКУНОВ. Трусы, слабаки! Смотрите сюда!

Подходит к священнику, подставляет ржавый гвоздь к его растопыренной, прижатой к стене ладони, размахивается молотком и сплеча бьёт. Кровь брызгает на белую стену. Мишка бьёт ещё раз. Егор, рванувшись что есть сил, выдёргивает руку из утирки, вскакивает и отшвыривает Чиркуна. Красноармейцы наваливаются на Егора сзади. В это время врываются в дом НИКОЛАЙ, ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ и другие мужики. Хлопает револьверный выстрел. Шум, крики.

Егор поднимается с пола. Из сеней тоже доносится шум, возня. Втаскивают пьяного Андрюшку. Красноармейцев, Максима и Чиркунова тоже скрутили, связали. Плачущая навзрыд попадья поддерживает у стены бледного священника, а брат Егора, Николай, пытается вытащить гвоздь.

1-й КРЕСТЬЯНИН. Карасин несите! Рану промыть!

2-й КРЕСТЬЯНИН. И паутина нужна! Паутинки найдите на рану!

ДРАМАТУРГИЯ

Стали промывать керосином рану, накладывать паутину, перевязывать чистой тряпкой. Командовал мужиками ТРОФИМ БУЛЫГИН с револьвером в руке, отобранным у Чиркунова. Увидев револьвер в руке Трофима, Егор кидается к нему, выхватывает наган, стреляет в Чиркуна. Трофим успевает ударить по руке Егора — пуля попадает в пустой горшок на суднике. Черепки посыпались на Мишку. Мужики, навалившись на Анохина, отбирают револьвер.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ (*Егору*). Ты чё, сбесился? А ну сядь! (*Силой усаживает он на лавку сына.*)

ЕГОР. Я убью его... Всё равно убью!

В комнате становится тихо. Слышны слова батюшки, стоящего на коленях перед образами.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Господь, твердыня моя и прибежище моё, избавитель мой! Ты испытал сердце моё, посетил мя ночью, искусил мя и ничего не нашёл; от мыслей моих не отступают уста мои...

Мужики крестятся вместе со священником. Николай встаёт на колени позади него, опускаются на пол и все мужики, молятся, воздают хвалу Господу.

НИКОЛАЙ (*отцу Александру*). Батюшка, что нам делать с арестованными?

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Бог им судья. Не уйдут они от суда праведного... Отпустить надоть.

ТРОФИМ. От Божьего суда они не уйдут. Это так. Но и власть должна их дела оценить... Не надо отпускать. Запрём в сарае. А утром вызовем военкома из волости.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Не, неча в волость. В Борисоглеб нада. И утра не ждать, а прям щас!

ЕГОР (*оглядывая арестованных*). А где ещё один? Шустряк! (*Кидается в горницу, но попадья загораживает вход.*)

ПОПАДЬЯ. Нету там его. Убёг... в окно вылез...

ЕГОР. А Настенька?

ПОПАДЬЯ. Настеньке не до тебя! Уйди!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 1

Ночь. Изба Анохиных. ЕГОР потихоньку поднимается, берёт брюки с сундука, шашку, снимает с гвоздя шинель.

НИКОЛАЙ (*громким шёпотом*). Ты куда?

ЕГОР (*замерев*). На двор...

НИКОЛАЙ. Погоди меня. (*Встаёт, подходит к брату*). Ты не гоношись, погоди малость. Я понимаю тебя... Но лучше действовать с ясной головой. Мишке Чиркуну не жить, это точно. Если не ты, то я его убью... Людоед не должен ходить по земле... Но не сейчас, не так... Утром посмотрим...

Николай умолкает. С улицы доносится шум, затем грохот в дверь. Стучат, бьют несколько человек, кричат:

ГОЛОСА. Открывайте! Игнат Алексеич, Николай, Егор, выходите добром... Избу спалим!

Сцена 2

Двор Гольцова. Сарай. Анохиных вталкивают в сарай, где уже находится человек десять мужиков. Они сидят у стен, стоят, переговариваются.

2-й КРЕСТЬЯНИН. И чего теперь будет?

3-й КРЕСТЬЯНИН. Судить будут, чего...

1-й КРЕСТЬЯНИН. У них суд скорый: пулю в лоб, и к Богу в рай...

БУЛЫГИН. Не решатся... Мы ведь не убили никого. Скорее в концлагерь, в Тамбов отправят...

2-й КРЕСТЬЯНИН. Чикаться они будут с тобой... Бунт! Контрреволюция...

3-й КРЕСТЬЯНИН. Левольверт они у тебя забрали?

БУЛЫГИН. Забрали.

3-й КРЕСТЬЯНИН. Жалко.

Вталкивают в сарай ещё двоих и запирают дверь.

3-й КРЕСТЬЯНИН. Мужики, пошарьте, нет ли где сердечника? Помните, Докин как?

2-й КРЕСТЬЯНИН. Шустёр больно. Где он теперь твой Докин!

БУЛЫГИН. Аким, а ты как сюда попал? Тебя, вроде, вчера у попа не было.

2-й КРЕСТЬЯНИН. За кумпанию.

3-й КРЕСТЬЯНИН. Скорее, за язык. Тебя, Аким, язык до могилы доведёт...

2-й КРЕСТЬЯНИН. А где Маркелин? Чиркунов? Чёй-та их не видеть?

1-й КРЕСТЬЯНИН. Решают, как получше истребить нас.

3-й КРЕСТЬЯНИН. Господи, сколько же нам ещё терпеть?

1-й КРЕСТЬЯНИН. Говорять, большакам власть дана мучить народ сорок два месяца... Так в писании сказано...

3-й КРЕСТЬЯНИН. И сколько же осталось?

1-й КРЕСТЬЯНИН. Тридцать третий месяц идёт...

3-й КРЕСТЬЯНИН. Долго ещё мучиться.

БУЛЫГИН (*ощупывая стены сарая*). Крепко строил Федька, ни щели нету... Мужики, а если крышу разобрать с той стороны. Там омет, вылезем, не заметят...

3-й КРЕСТЬЯНИН. Ага, не заметят. Видал, их сколько? Только сунься. Как Докин на Киселёвский бугор загремишь!

БУЛЫГИН. Ну, вы как хотите, а я попробую... Подсадитя меня, ага, вот так...

И сразу гремит запор. Дверь открывается. Зычный голос
МАРКЕЛИНА.

МАРКЕЛИН. Выходи по одному! Живо!

Сцена 3

Двор Гольцова. Возле двери в сарай стоят красноармейцы, неподалёку небольшая толпа баб и стариков, родственников арестованных. МАРКЕЛИН, МАКСИМ, ЧИРКУНОВ стоят отдельно. За ними с винтовками наготове ещё красноармейцы.

МАРКЕЛИН (*указывая на стену сарая*). Становись здесь!

Мужики выходят из сарая, толпятся у стены. Маркелин вытаскивает револьвер.

МАРКЕЛИН. Бунтовать?! Против власти народной бунтовать?!
МАКСИМ (*спокойно*). Кто Трофим Булыгин?

Мужики молчат. Трофим, стоящий позади, откликается.

БУЛЫГИН. Тута я...
МАКСИМ (*спокойно*). Выйди вперёд!

Трофим выходит. Максим быстро выхватывает из кобуры маузер и стреляет в Трофима. Тот падает. Мужики шарахаются к стене, плотнее сбиваются в кучу. В толпе родственников раздаётся вой. Толпа подаётся в сторону красноармейцев, те выставляют им навстречу штыки.

МАКСИМ (*спокойно указывая стволом маузера на труп Трофима*). Каждый из вас заслуживает этого! И в моей власти расстрелять вас как контру, как восставших против Советской власти.

МАРКЕЛИН (*глядя растерянно и недоумённо на Егора, стоявшего среди арестованных*). А как ты с ними оказался? (*Поворачивается к Мишке Чиркунову*). Анохин тоже бунтовал?

Мишка отводит глаза.

ЧИРКУНОВ. Брательник его был... Вот его и взяли...

МАРКЕЛИН. А Егор при чём?

ЧИРКУНОВ. Ни при чём... Случайно... должно.

МАРКЕЛИН. Егор! Иди сюда... Не обижайся... видишь, что делается. Кругом враги... (*Орёт в сторону мужиков*). Я прощаю вас на первый случай. Это Трофим вас на бунт подбил. Но в следующий раз пощады не ждите!.. А сейчас выкуп за каждого тысяча рублей — и можете быть свободны. (*Толпе родственников*). Слышали все? Тысяча рублей выкупа за каждого. Жду — час. Кого не выкупят, расстреливаем!

Родственники арестованных шумят, галдят. Но кое-кто сразу торопится домой за деньгами.

ДРАМАТУРГИЯ

МАРКЕЛИН. Вы чё, не поняли? Я всё сказал! Вы меня знаете.

Толпа быстро рассасывается. Максим подходит к Егору.

МАКСИМ (*улыбаясь*). Правильно тебя характеризовал военком. Нам такие нужны... Сегодня же в Тамбов поедем, у меня предписание насчёт тебя.

ЕГОР. Какое предписание? Почему раньше молчал?

МАКСИМ. Приглядеться решил. Пригляделся, вижу, храбрый ты человек, но безрассудный. И опыта, и ума мало. Понятное дело: двадцать лет парню, о каком уме можно говорить. Но у тебя хорошее будущее впереди, старайся не быть безрассудным. Чую я, этим (*указывает на Маркелина*) в Масловке дело не завершится. Любая новая жизнь, любая новая вера может восторжествовать только после очищения кровью!.. Смотри, тебя какая-то женщина зовёт.

ЕГОР. Это мама...

МАКСИМ. Ступай к ней... Только останься с нами!

Егор подбегает к матери.

МАРИЯ ПЕТРОВНА (*дрожащим голосом*). Егорша, как же нам быть? Где же я стока денег возьму?

ЕГОР. Совсем нету?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Тысячу за отца наберу, да есть ещё чутока, совсем чутока... За Миколая не хватит.

ЕГОР. Лошадь... Чернавку продай... И быстро.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Кому же? Кто ж купить?

ЕГОР. Веди к Алексею Чистякову. Он на неё давеча зарился. Отдавай, сколько дасть... Беги... Меня, вишь, не пускают. (*Идёт к Максиму.*)

Арестованных мужиков загоняют в сарай. Отец Трофима Булыгина обхватывает труп сына руками и, тужась, тащит от сарая мимо сгрудившихся в кучу красноармейцев. Громко воет, ползает на коленях по снегу за пятившимся Маркелиным старуха в ветхой фуфайке со многими заплатами, в худых валенках. Она обхватывает ногу Маркелина, прижимается щекой к сапогу.

СТАРУХА (*истошно*). Сыночек, помилуй!.. Пощади, сыночек! Где же я стока денег возьму? Сроду у нас стока не было... Пощади!

Маркелин зло дёргает ногой, но старуха держится цепко.

МИТЁК ПАВЛУШИН (*раскорячась в двери сарая, кричит старухе*). Мама! Мама, у кума спроси! У кума Володьки! (*Плюёт в лицо красноармейцу, ныряет во тьму сарая*).

Дверь закрывают, запирают. Боец вытирается рукавом шинели.
Маркелин вырывает ногу из объятий старухи.

МАРКЕЛИН. Иди к куму за деньгами.

Старуха падает лицом в землю, долго лежит, рыдает, царапает землю руками. Потом тяжело поднимается и бредёт прочь.

ЧИРКУНОВ (*Маркелину*). Пошли в избу. Там подождём.

На лице у Чиркуна чернеют борозды от ногтей Настеньки, нос раздут, сизый, как слива, на шее синяк.

МАРКЕЛИН. Погоди, видишь, деньги несут... Успеем... Это ты ночью попа распинал?

ЧИРКУНОВ. Я.

МАРКЕЛИН (*резко бьёт Чиркунова по лицу*). Мразь! (*Отходит.*)

Тот зажимает нос, вытирает кровь рукой.

МАКСИМ (*подходя к Мишке*). За что он тебя?

ЧИРКУНОВ (*утираясь*). За попа.

Максим, вспыхнув, делает шаг вслед Маркелину, ухватившись за кобуру своего маузера, но останавливается. К Маркелину подбегают две женщины, тяжело дыша, протягивают деньги.

1-я ЖЕНЩИНА. Семён... Семён Егоркин...

2-я ЖЕНЩИНА. Кирюшин Иван...

МАРКЕЛИН (*красноармейцу у двери сарая*). Выпусти Егоркина Семёна и Кирюшина Ивана.

КРАСНОАРМЕЕЦ (*открыв двери сарая*). Егоркин Семён! Кирюшин Иван! Выходите.

ДРАМАТУРГИЯ

Бабы уводят своих мужей. Слышны причитания, ругань женщин
— они клянут мужей за то, что вступились за попа.

МАРКЕЛИН (*сунув одному бойцу несколько бумажек*). Скачи к
Ольке Миколавне, возьми четверть!

КРАСНОАРМЕЕЦ. Может, так? Реквизируем?

МАРКЕЛИН. Купи.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Смотрите!

На сцену, подняв над головой шашку, вбегает молодая
женщина в серой шали, упавшей на плечи, в распахнутом
полушубке. Егор узнал сноху, ЛЮБАШУ, кидается навстречу.

ЛЮБАША. Уйди-и! Зарублю!

Егор еле уворачивается, выкручивает ей руку, вырывает
клинок. Любаша царапается, визжит.

ЛЮБАША (*Маркелину*). Изверг! Кровопийца!

Егор зажимает ей ладонью рот. Она кусает его. Он от-
дёргивает руку, но не выпускает женщину, уговаривает.

ЕГОР. Любаша, милая, о сыне подумай... Любаша, молоко пропа-
дёт... Угомонись... Всё хорошо. Всё хорошо будет. Отпустят сейчас
Николая... Угомонись... Иди к матери, пусть поскорей Чернавку
продаёт... А так ты и себя, и Николая загубишь. Беги домой, и быст-
рей, быстрее... Времени почти не осталось...

Отбирает шашку, выталкивает Любашу за сцену,
возвращается.

МАКСИМ (*Егору*). Это твоя шашка?

ЕГОР. Моя...

МАКСИМ. Та, что Тухачевский подарил? Дай-ка взглянуть.

Анохин нехотя отдаёт ему шашку. Максим про себя читает
надпись, крутит клинком.

МАКСИМ. Хороша.

К Маркелину, запыхавшись, подбегает молодая полногрудая женщина, протягивает деньги.

ЖЕНЩИНА (*выдохнув*). Сергей Жариков!

МАРКЕЛИН (*красноармейцу*). Выпустите Жарикова! (*Глядит на часы*). Час минул... Сколько там осталось?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Шестеро.

МАРКЕЛИН. Выводи сюда.

Понуро выходят мужики.

МАРКЕЛИН. Не хотят выкупать вас родственники! Не нужны им заговорщики и бунтовщики. И Советской власти не нужны бунтовщики! Значит, быть расстрелу... Взять его!

Указывает на Митька Павлушина. Два красноармейца хватают за руки Павлушина, тащат к омету.

МАРКЕЛИН. Первое отделение, стройся!.. Отделение! По врагу народа и революции — пли!

Залп. Павлушин сползает на землю.

МАРКЕЛИН (*остальным крестьянам*). Даю вам ещё десять минут! Не будет денег, будете расстреляны все!

Не успевают запереть за ними дверь, как из-за угла сарая появляется старуха — мать Павлушина. Она хрипит, но лицо радостное. Деньги зажаты в кулаке.

СТАРУХА. Вот... Дал кум... Митенька... Митенька Павлушин.

МАРКЕЛИН (*хмуро*). Шевелиться надо было... Час давно прошёл! (*Кивает в сторону омета*).

Старуха, не отрывая взгляда от лежащего на боку сына, идёт к нему, путаясь непослушными ногами, встаёт на колени, трогает труп за плечо.

СТАРУХА. Сынок, я принесла! Кум дал... Вот они...

Раскрывает ладонь, скомканные деньги падают на землю. По-

ДРАМАТУРГИЯ

является КРАСНОАРМЕЕЦ, прижимая к груди четверть самого-на. Вдруг оборачивается резко, роняет четверть. Она разбивается.

КРАСНОАРМЕЕЦ *(в голос)*. Ба-анда-а-а!

МАРКЕЛИН. По коням! Банда! *(Бросается за сцену)*.

МАКСИМ. Я как в воду глядел, аж смешно... Не паникуй, мы победим. Прячься в сарай, примут за своего! *(Торопливо убегает.)*

Топот коней, крики «Ура-а!». Егор кидается к сараю, приоткрывает дверь, ныряет внутрь, к пленникам.

НИКОЛАЙ. Что там?

ЕГОР. Банда.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ *(крестьясь)*. Слава те Господи! Услышал наши молитвы...

Хлопают выстрелы; конский топот, вскрики. Дверь сарая распахивается.

ПАРЕНЬ. Выходи! Свобода!.. Антонов вам кланяется.

МАТЬ *(встретив сыновей и Игната Алексеевича у двери, рыдает)*. Сыночки... Сыночки... Игнаша...

Двор Гольцова заполняется людьми. Одного за другим приводят пойманных красноармейцев, среди них и связанный Максим. Анохин подскакивает к одному из красноармейцев, хватает за грудки.

ЕГОР. Где Мишка Чиркунов?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Удрал...

ЕГОР. Куда?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Туда... за избу...

ГОЛОС. Антонов! Антонов!

Входят три человека. Впереди — худощавый чисто выбритый рябоватый АНТОНОВ. Но тут мать Егора кидается к нему, падает в ноги.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Заступник ты наш! Господи, храни вечно... *(Рыдает опять, стоя на коленях и раскачиваясь)*.

АНТОНОВ. Мамаша, мамаша!

Опускается на колени рядом с матерью Егора, обнимает её, успокаивает. Потом помогает подняться.

АНТОНОВ (*крестьянам*). Долго ещё плакать будете? Долго терпеть слёзы матерей ваших? Не слишком ли вы долготерпеливые? Не пора ли сказать «нет!» мучителям? Эх, мужики, мужики! (*Отворачивается, оглядывает своих бойцов*). Все целы?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Ивашневу плечо царапнуло. Пустяки.

АНТОНОВ. Пленных, красноту, в сторону. Советчиков — в сарай... Товарищи крестьяне, мучителей ваших я отдаю в ваши руки. Судите их сами! Соберите сход и решайте, как быть с ими... А уж с краснотой доверьте мне разобраться самому. Они люди подневольные, где-то так же и ваши сыны и мужья выполняют команды антихристовы... Командир-то у них кто, знаете?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Зна-ам, Маркелин.

АНТОНОВ. Здесь он? Я давно его ищу!

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Убёг.

АНТОНОВ. Эх, жалко...

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Комиссар его здесья, Максим.

АНТОНОВ. Много зла он творил?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Он не вредный... Пьёт много, на гармошке играет, вроде, не вредный...

АНТОНОВ. Ладно, и его на ваш суд отдаю.

Максима вместе с испуганным Андрюшкой Шавлухиным запирают в сарай. Антонов подходит к красноармейцам, сбившимся в кучу у стога сена. У одного рассечена голова, лицо в крови.

АНТОНОВ. Ну что, вояки, думаете, хана пришла: Антонов — бандит, пощады не даст?.. Антонов напрасно кровь не льёт и не будет лить! Только на тех у меня рука скорая, из-за кого народ страдает. Тем пощады не будет! А вас... вас я отпускаю на все четыре стороны. Идите домой, опомнитесь наконец, защищайте землю свою, семьи свои. Послушайте, как русская земля стонет!.. А ежели кто пожелает со мной пойти, милости прошу!

МАРИЯ ПЕТРОВНА (*Антонову*). Ты, небось, голодный? Победать с нами не побрезгайте...

АНТОНОВ. Вот за это спасибо. Я попозже подъеду, четверо нас будет.

Сцена 4

Изба Анохиных. В комнате, помимо членов семьи Анохиных, четыре гостя: АНТОНОВ Александр Степанович, его брат ДМИТРИЙ, молодой парень в очках, с редкими усиками на пухловатом лице, и два, по всему видно, не рядовых бойца. У одного, носатого, с задиристыми глазами, на боку на ремне небольшая кожаная сумка для бумаг. Все они только что пришли, но уже успели раздеться. На столе приготовлена еда.

Антонов устраивается на лавке за столом, поглядывая на капризничающего ребёнка на руках у ЛЮБАШИ. Остальные гости тоже усаживаются за стол.

НИКОЛАЙ (*Антонову, указывая на ребёнка*). Такой смирный мальчик был. Прямо ангел... Кажется, чуял, када родители устали, отдохнуть нада, не тревожил. А теперь вот Любаша разволновалась из-за Маркелина, паскуды, и Гнатик, как почувял, никак не угомонится...

АНТОНОВ. Как гадюка этот Маркелин, сколько раз прижимали, вывёртывается... Я за ним из Андрияновки шёл, надеялся, возьму... Ничего, достанем!

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Поскорее бы...

Берёт круглый горячий хлеб, крестит ножом поджаристую коричневую корку, отрезает краюху, даёт Антонову.

АНТОНОВ (*нюхая*). Ох ты, Господи, дух какой!

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Пондравился? Рази это хлеб — отрубя одне! А так у меня, вроде, всегда хлебы доходят... Этот ешья, а другой с собой беритя.

ЛЮБАША. Ванятка, побаяюкай Гнатика, а я мамане помогу.

ДМИТРИЙ (*Любаше*). Давай я.

АНТОНОВ (*Любаше*). Не бойся, Митю дети любят... Он враз успокоит.

Любаша отдаёт Дмитрию запеленатого плачущего ребёнка.

ДМИТРИЙ. Погоди, мы с ним познакоимся... (*Наклонившись к малышу*.) Ну что же ты плачешь так? Мама с папой с тобой. Все свои

вокруг, а ты плачешь и плачешь... Радоваться надо... Ну, вот видишь, глазки у тебя какие красивые, а ты их закрываешь, отворачиваешься... Ну, иди ко мне, иди, маленький, а мамка помогать пойдёт... *(Ласково забирает ребёнка из рук Любаши и осторожно покачивает на руках, тихонько напевает.)*

*Спи, дитя моё родное,
Бог тебя храни.
Что ты плачешь? Что с тобою?
Все вокруг свои.
Напугался, видно, милый,
Когда нынче днём
Захотели гнать в могилу
Твою мать с отцом.
Вот побольше будешь скоро,
Станешь понимать.
Так узнаешь, как Антонов
Спас отца и мать.*

АНТОНОВ *(Николаю)*. Митя — поэт, стихи сочиняет... Иногда такое насочиняет — за душу берёт, слёзы сами из глаз шибают...
ДМИТРИЙ.

*Спи, дитя моё родное,
Бог тебя храни:
Можешь быть теперь спокоен,
Все вокруг свои.*

Гнатик затихает. Дмитрий осторожно опускает его в люльку.

ДМИТРИЙ. Ну-ну-ну, закрой глазки... Сейчас я тебя буду качать, петь.

НИКОЛАЙ *(Антонову с усмешкой)*. Гляжу я, нюх у вас на коммунистов плохой...

АНТОНОВ. Почему так?

НИКОЛАЙ. Плохой... Сидитя, гляжу я, разомлели, а догадки нет, что коммунист за одним столом с вами.

АНТОНОВ. Это не ты ли?

НИКОЛАЙ. Не я, вот он *(указывает на Егора)*. Ему даже шашку именную Тухачевский подарил. Эскадроном у него командовал.

АНТОНОВ *(Егору)*. Коммунист?

Егор кивает.

АНТОНОВ. Ишков, сколько у нас в боевой дружине коммунистов?

ИШКОВ. Трое пока.

АНТОНОВ. А почему пока? Ты что, втайне от меня коммунистический отряд создать хочешь?

ИШКОВ. А чё, и создадим... Как с поляками замирится краснота, вернутся в деревни красноармейцы-коммунисты, посмотрят на дела Маркелиных-Гольдиных-Шлихтеров, и один путь — к нам.

АНТОНОВ. Страте-ег... (*Егору.*) И охота тебе в одной партии с Маркелиным состоять?

ЕГОР. Партия — это не Маркелин. Партия за народ стоит... А такие, как он, пролезли...

АНТОНОВ. Ну да, какой бяка Маркелин, самовольничает, а управы нет. Думаешь, там, в ЦК твоём, не знают о его делах?

ЕГОР. Если б знали, давно б уж...

АНТОНОВ. Ишь, как у нас, у русских, а? Царь всегда хороший, это бояре плохие... Знает всё Ленин, знает!.. По приказу его действуют Маркелины. Не только здесь, в Борисоглебском уезде стон стоит, по всей Тамбовщине, по всей стране.

ЕГОР. Власть в стране народная. Это у нас... тут... Если б Ленин знал, он бы давно пресёк. Разве я его выступления не читаю?

АНТОНОВ. Болтает он, мутит народ, чтоб у власти удержаться, о мировой революции бредит. Ох, как хочется мировым диктатором стать... Ишков, ну-ка, прочти телеграмму, какую на прошлой неделе Ленин в Тамбов прислал!

Ишков расстёгивает сумку, достаёт бумагу.

ИШКОВ (*читает*). «Тамбов. Губисполком. Александру Григорьевичу Шлихтеру. Получил Вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надёжных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении. Предсовнаркома Ленин.»

ЕГОР. И как же она к вам попала?

АНТОНОВ. Не сомневайся, из верных рук... В прошлом месяце в Трескино поднялись мужики, погнали продотрядчиков, чуть станцию

не захватили. Ленину донесли, и он в ответ эту телеграмму дал. Ты что ж думаешь, Маркелин от злобной души своей застрелил сейчас двух мужиков? Напишет бумагу, заговор кулаков раскрыл, на корню пресёк, спасибо скажут.

ЕГОР. Какой же Павлушин кулак? Или Трофим голопятый? Голь что ни на есть.

АНТОНОВ. Это для тебя голь, а для Ленина — кулаки! Что же ты так невнимательно читаешь Ленина, что же пропустил слова его о том, что все крестьяне, не сдающие хлеб бесплатно и добровольно, а желающие продать его, хуже разбойников. Все, кто не выполняет безропотно распоряжения продотрядчиков — кулаки и подлежат беспощадному истреблению вместе с попами. Ты вчера заступался за попа? Вот ты теперь для власти сомнительный коммунист, концлагерь по тебе плачет... А ты думал, ваш советчик над попом просто так изгаляться зачал? Сам догмарычился? Он знает, куда ветер дует...

ЕГОР. Откуда он знает?

АНТОНОВ. Бывает он на совещаниях в уезде?

ЕГОР. Ездит.

АНТОНОВ. Там и накачивают. А ты как думал?..

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Так, я думаю, чего это надяся Чиркун с Андриюшкой с кислыми мордами у церкви крутились, када служба шла.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Мужики, давайте, разливайтя, наговорите-ся потом.

Дмитрий осторожно заглядывает в люльку и с удовлетворенным лицом садится за стол. Игнат Алексеевич разливает самогон по стаканам. Антонов отодвигает свой в сторону.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Чего это?

АНТОНОВ. Да если бы мы жрали так, как о нас краснота сказки бает, наши косточки давно б уж там гнили. *(Указывает на пол.)* А мы никак второй год держимся.

Но Ишков и другой молчаливый боец свои стаканы опоражнивают. Отпивает глоток и Дмитрий.

АНТОНОВ *(откусывая от ломтя)*. Ох, хорош хлебушек! Духовитый. Давненько такой не едал. У мужиков одна мякина осталась. Всю рожь подчистую выгребли.

ДРАМАТУРГИЯ

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. И у нас вчера остатнее выгребли. Как бы дотянуть до весны... Да не дадут, не дадут. Щас вы уйдёте, краснота вернётся, сколь мужиков у нас вслед за Докиным, Павлушиным и Трофимом в землю ляжет. Ох, Господи, Господи!

НИКОЛАЙ (*угрюмо*). Как ни верти, а оставаться мне дома резону нет. Вернётся Маркелин — не простить. А помирать неохота... Один путь — с вами уходить...

АНТОНОВ. Мы в дружину пока не принимаем, но раз такой случай... С пулемётом работал?

НИКОЛАЙ. Приходилось.

АНТОНОВ. Может, возьмём, а? Ишков?

ИШКОВ. Надо брать... Зачислим пулемётчиком на захваченный пулемёт.

Любаша, слушая этот разговор, бледнеет, смотрит то на Антонова, то на Николая. А мать сурово поджимает губы.

НИКОЛАЙ (*жене*). Может, ты меня похоронить здесь хочешь? У Маркелина рука не дрогнет.

ЛЮБАША (*всхлипывая*). Да что... да я...

МАРИЯ ПЕТРОВНА (*перекрестив сына*). Благословляю!

АНТОНОВ (*поднимаясь*). Спасибо, мать. Дай Бог тебе и детям твоим здоровья и долгих лет... (*Егору*) Покажи-ка подарок Тухачевского. (*Берёт шашку, вытаскивает из ножен.*) Кудряво разукрасили... Много крови пролил?

ЕГОР. Было...

АНТОНОВ. Да, не приведи Бог с тобой в бою встретиться... Сколько тебе лет?

ЕГОР. Двадцать.

АНТОНОВ. А уже эскадром командовал... Ну да, краснота всё на глупую молодёжь опирается. Жизни не знают, не ценят, что курёнку голову снести, что человеку — одна цена... И Тухачевский, я слышал, молодой...

ЕГОР. Лет двадцать пять...

В избу влетает БОЕЦ.

БОЕЦ. Интернациональный эскадрон с Коростелей шпарит!

АНТОНОВ. Пулемёты выставили?

БОЕЦ. А то нет? Есть чем встретить!

Строчат наперебой два пулемёта.

БОЕЦ. Там место хорошее. Не пройдут.

АНТОНОВ. Скачи туда, скажи — отобьют атаку и пускай отходят. В Андрияновку двинем. Как бы от лесу не отсекли... Этих латышей да мадьяр я бы без суда к стенке ставил за вмешательство в дела чужой страны.

НИКОЛАЙ. Эх, убьют твои дружинники Максима с этим сопляком Андриюшкой, Маркелин с интернационалистами полсела расстреляет...

АНТОНОВ (*Егору*). Скачи, выпусти их... Ежли зверствовать будут, достанем, от нас не уйдут.

Сцена 5

Двор Гольцова. ЕГОР подбегает к двери сарая, который охраняют два антоновца. Слышны выстрелы, пулемётные очереди.

ЕГОР (*антоновцам*). Быстро туда! Антонов велел... А этих я покараулю. Их он нам отдал... Сами управимся...

Антоновцы убегают со двора. Егор растворяет дверь.

ЕГОР. Выходите! Скорей!

АНДРЮШКА выскакивает первым, кидается за избу.

МАКСИМ. Спасибо! (*Протягивает Егору с улыбкой руку.*) Видишь, не ошибся я в тебе... Бандитов прогоним, встретимся, поговорим.

Неторопливо уходит вслед за Андриюшкой.

Сцена 6

Изба Анохиных. ЛЮБАША качает люльку, вытирает слёзы. Хмурый ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ сидит у окна, смолит сигарку.

В избу быстро вбегает АНДРЮШКА.

АНДРЮШКА. Дядь Игнат, схорониться те надо, да поскорее. Ни слова никому, что я сказал... Только поскорее!

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Мотри-ка, напужал, чилёнок! Пряма трясучкой трясуся. Ай-яй-яй! Ухватистые вы ребята! Только и умеете тремуситься да болтать... Чаво смухордился, беги и скажи этим охломонам — я в хоронючки с ими играть не собираюсь!

АНДРЮШКА. Мотри, дядь Игнат, я как лучше хотел. Твоё дело! Латыши расстреливать собираются. Они не шутят.

Выскакивает из избы.

ЕГОР. Затевают что-то. Можя, лучше спрятаться?

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Пушай сами дрожать! Не буду я в хоронючки со всякой шелупенью играть. Пужать они меня вздумали!

Мать вскакивает, хватает полушубок Игната Алексеевича, шапку, кидает ему на колени.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Игнаша, Христом-Богом прошу, иди к бабе Грушке, спрячься, пока не прискакали! Иди! У них рука скорая... Иди, говорю, иди!

Игнат Алексеевич недовольно одевается, выходит.

ЕГОР (*глядя в окно*). Скачут. К нам должно.

МАРИЯ ПЕТРОВНА (*Егору*). Сказали, небось, где Антонов обедал... Мож, спрячься? Скажу, убегли все от бандитов в ветлы...

ЕГОР. Меня не тронут... Не должны.

В избу входят трое: мордастый КРАСНОАРМЕЕЦ и ДВОЕ ЛАТЫШЕЙ.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Добрый день, хозяева.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Да уж добрый, нечего сказать. Для кого добрый, а для кого — лучше бы и солнце не вставало.

КРАСНОАРМЕЕЦ (*сидясь на табуретку у порога*). Тихо у вас как.

ЕГОР. Не шуми, потише... Проснётся, разорётся.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Племянник? А где же сам хозяин? Где брат?

ЕГОР. Утекли.

КРАСНОАРМЕЕЦ. С Антоновым?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Что им там делать? В вёглы убёгли... Как вошёл Антонов, заварушка началась, они и в кусты, от греха подальше...

КРАСНОАРМЕЕЦ. А ты, знать, Антонова пригрела, накормила?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. А то рази... Башка дороже щей.

КРАСНОАРМЕЕЦ (*Егору*). А тебя не звал с собой?

ЕГОР. На кой я ему нужен. У него своих, надёжных, полно.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Это да. Иначе мы б его давно прихлопнули... Собирайся, ты арестован за участие в бунте против Советской власти, власти рабочих и крестьян...

ЕГОР. Не мели, Емеля!

КРАСНОАРМЕЕЦ. Собирайся или силой выведем.

МАРИЯ ПЕТРОВНА (*вскакивая*). Ой! Ой!.. Игнаша...

Входят в избу МАРКЕЛИН, ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ, АНДРЮШКА и ДВА ЛАТЫША. Становится шумно. Ребёнок заплакал в люльке. Любаша берёт его на руки.

МАРКЕЛИН (*строго*). Ну что, Игнат Лексеич, добром сдашь тетрадочку или искать будем! Всё равно разыщем, отдай.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Китрадку я сдам. Разыщете, верно...

МАРКЕЛИН. Ты раньше мужиком умным слыл. Комиссарил в Масловке при Временном правительстве. Баламутов умирал, а теперь сам народ баламутишь.

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Сдать-то сдам, тока право за собой оставлю правду искать. До Москвы дойду, а узнаю, имеее вы право народу рот затыкать. (*Вынимает тетрадь из сундука.*) Этот приговор мир вынес, трудовые крестьяне. Триста тридцать душ свой голос подали, а вы их за горло берёте... Кабы сами не задохнулись от всевластья...

МАРКЕЛИН. Давай, давай, агитируй. Мы сами кого хошь сагитируем. Собирайся! Пошли!

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Игнаша! Чаво они с тобой исделают?

ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Вернусь, Марусь... Вернусь.

Маркелин раскрывает тетрадь, листает.

МАРКЕЛИН. Сплошная контрреволюция. За это у первого угла

ДРАМАТУРГИЯ

расстреливать надо. Собирайся, давай!.. (Егору.) И ты тоже...

ВАНЯТКА (бросается на Андрюшку). Это ты папаню предал! Я убью тебя, гад! Я всё равно убью тебя!

Сцена 7

Дом священника. Прихожая. ОТЕЦ АЛЕКСАНДР надевает полушубок. НАСТЯ отрешённо сидит. ПОПАДЬЯ вскидывается.

ПОПАДЬЯ. Куда ты?

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. В церковь, туда народ сгоняют...

ПОПАДЬЯ. Не ходи туда, спрячься в овин. Они убьют тебя!

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Служба моя и доля моя, данная Богом, быть с моими прихожанами и в радостные для них времена, и во время великой скорби.

ПОПАДЬЯ. На кого же ты нас оставляешь?

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Пойду я в церковь, матушка. Не осуждай, что угодно Богу, то и будет...

Входит ЧИРКУНОВ. Неожиданно падает на колени.

ЧИРКУНОВ. Прости, батюшка! Прости за вчерашнее... Бесы владели душой моей... Бес гордыни: меня, двадцатилетнего, сына последнего бедняка, поставили во главе села... Бес обиды, что вы пренебрегли мной, ведь я люблю вашу дочь, я больше всего на свете люблю вашу дочь, а вы мне отказали... Я посчитал это унижением... Бес мести владел моей душой за это, а хмель мутила голову... Прости, батюшка!

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Бог простит... (Тяжко вздохнув.) И я прощаю тебя!

НАСТЯ. Я не прощаю! Встань с колен, иуда. Вон из нашего дома!

Мишка встаёт с колен, не поднимая головы, побито выходит.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Верю, он искренне каялся...

НАСТЯ. Жизнь он мне сломал! (Рыдает.) Как же мне теперь жить дальше! Как же я буду жить теперь... Как людям в глаза смотреть!

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР (обнимая Настю). Потерпи, дочка, потерпи немножко... Завтра же мы уедем в Борисоглебск. Там забудется, там

всё забудется.

НАСТЯ (*рыдая*). Ой, папаня! Разве можно такой позор забыть! Разве можно его пережить?..

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Господь нас не покинет! Господь с нами! Молись, дочка, не забывай о Нём ни на минуточку, и Он поможет тебе пережить боль... Видишь, Господь и явных извергов наставляет на путь истинный. Не оставит он и нас с вами. Пойду я в церковь...

Уходит.

Сцена 8

В ограде церкви возле стены кучкой стоят несколько мужиков. Среди них ЕГОР и его отец ИГНАТ АЛЕКСЕЕВИЧ. Перед ними, выставив винтовки, стоят латышские стрелки. Появляются МАКСИМ и ЧИРКУНОВ с АНДРЮШКОЙ. Они быстрым шагом входят в ограду. Максим с удивлением видит среди мужиков у стены церкви Егора Анохина.

МАКСИМ. Егор, иди сюда!

Егор отделяется от кучки заложников и подходит к нему.

МАКСИМ. А ты как туда попал?

ЕГОР. Маркелин арестовал.

МАКСИМ. Ну, охламон! Он же знал, что у меня предписание, что партия призывает тебя на службу в ЧК.

ЕГОР. Куда призывает? На какую службу? Я освобождённый. Вчистую. Вот. (*Достаёт из кармана справку.*)

МАКСИМ. Это ты от воинской повинности освобождён, а для службы в ЧК годишься... Тамбовский военком рекомендует тебя. Нам как раз такие нужны: молодые, энергичные, храбрые, но не безрассудные. Не артачься — партия призывает... Сегодня мы в Мучкап направимся, а вечером с поездом в Тамбов...

ЕГОР. Я ничего не понимаю... То арест, то служить в ЧК. А моим-то мнением кто-нибудь интересовался? Может, я просто хочу землю пахать, траву косить, зерно молотить, за скотиной ухаживать? Почему за меня всё решают?

МАКСИМ. Почему всё за тебя решают? У тебя и сейчас выбор

ДРАМАТУРГИЯ

есть: встать рядом с отцом у стены под пулемётом и винтовками латышей или пойти с нами. Даже третий путь есть: встать с винтовкой в руках рядом с латышами и стрелять в отца. Ты же коммунист, борец за счастье народа, а они враги народа... Но выбора разумного ты сейчас сделать не сможешь. Сейчас тобой владеют эмоции, страсть! Я знаю, сейчас ты встанешь рядом с отцом на радость трупным червям... Выбор за тебя уже сделан партией. Ты что писал в заявлении о вступлении в партию? Жизнь готов отдать за дело партии, за свободу народа. Надеюсь, что писал ты это от чистого сердца?

ЕГОР. Я кровь свою за народ не один раз лил...

МАКСИМ. Верно, верно...

ЕГОР. Они... тоже народ.

МАКСИМ (*страстно*). И мы с тобой народ... Не спорю, они тоже из народа. Но мы с тобой бьёмся за свободную жизнь народа, свободную от эксплуатации, а они бунтовщики. Они тянут народ назад, под иго помещиков-эксплуататоров. Они мешают новой вере овладеть умами народа. У нас с тобой один выход: любой ценой избавиться от них. Иначе в силу нашей веры народ не поверит... Разговор мы этот продолжим по дороге в Тамбов. А пока мы запрём тебя в сарай, чтоб ты сгоряча глупостей не наделал. Поразмышляй над моими словами, над своей судьбой, над судьбой народа. Я верю, ты ещё будешь как минимум уездом руководить, нашу веру пропагандировать... (*Красноармейцу.*) Юшенков, отведите Егора в сарай Гольцова, заприте, охраняйте, но не трогайте!

Егор с нескрываемой ненавистью смотрит на Максима, а Максим глядит на него с отеческой улыбкой.

МАКСИМ. Не смотри так! Я знаю, ты сейчас убить меня готов, но я знаю и то, что позже ты меня поймёшь, и мы станем друзьями. Если я не ошибаюсь, мы с тобой одной веры!

Егора уводят.

Сцена 9

МАКСИМ (*осмотрев заложников, Чиркунову и Андрюшке*). А где поп? Почему попа среди них нет?

Мишка молчит.

АНДРЮШКА. Батюшка в церкви.

Максим быстро входит в церковь. ОТЕЦ АЛЕКСАНДР в церковном облачении молится на коленях перед иконой Божией Матери.

МАКСИМ. Вставай! Не слышит Она твоей молитвы. Покинула Она Русь. Над русской землёй другой бог витает. Я тебе уже говорил об этом.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Бог един. Других богов нет и не будет...

МАКСИМ. Не будем спорить, время споров прошло, пришла пора действовать, утверждать новую веру. Отвечай мне сейчас — раз и навсегда: принимаешь ли ты нашу веру? Будешь ли служить ей?

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР. Служил и буду служить Христовой вере. От Бога своего никогда не отступлюсь...

МАКСИМ. Ты сам сделал выбор, и через две минуты ты отправишься на свидание со своим Богом...

В церковь быстро входит МАРКЕЛИН.

МАРКЕЛИН. Ты опять над попом измываешься? Отстань от батюшки! Пошли к народу!

МАКСИМ. Поп должен ответить за свои дела. Он мутит народ. Из-за него мужики бунт подняли!

МАРКЕЛИН. Какой бунт? Чего ты мелешь? Один идиот решил распать невинного человека, власть свою показать, а за этого невинного человека соседи вступились. Это ты называешь бунтом? В Тамбове ЧК и губком партии разберутся, из-за кого и из-за чего бунт поднялся. И был ли бунт? Выдь из церкви и отпусти заложников.

МАКСИМ. Ты хочешь сказать, что из-за меня бунт поднялся? Меня обвинить хочешь? Меня?!! Кристального слугу партии?

МАРКЕЛИН. В ЧК разберутся! Выдь из церкви.

МАКСИМ. Поп — главный идеолог бунта. Он должен быть расстрелян вместе с главарями бунтовщиков. Приказываю тебе арестовать попа и поставить к стенке рядом с бунтовщиками!

МАРКЕЛИН (*хватаясь за кобуру*). Вон из церкви!

ДРАМАТУРГИЯ

Максим выхватывает из кармана браунинг и стреляет два раза в грудь Маркелину. Потом вытаскивает из кобуры маузер и стреляет в отца Александра. Когда священник падает, быстро вкладывает ему в руку свой браунинг. В церковь врываются латыши и красноармейцы.

МАКСИМ. У попа оказался браунинг... Чуть не перестрелял нас! *(Приседает перед лежащим Маркелиным, теревит его.)* Товарищ Маркелин, товарищ Маркелин... Мёртв! Он убил его!

Сцена 10

МАКСИМ с телом Маркелина выходит на паперть, держит его на руках и кричит в толпу крестьян.

МАКСИМ. За вашу свободу, за новую веру отдал свою жизнь герой Гражданской войны Степан Маркелин! Главной мечтой его жизни было ваше счастье, торжество новой самой справедливой веры на земле! За это он проливал свою кровь на фронтах Гражданской войны, и отдал её до последней капли. Я сделаю всё, чтобы ваше село Масловка было переименовано, названо в честь героя Гражданской войны — Маркелино. И все мы, несмотря на потери друзей, будем сражаться за новую веру, за ваше счастье... А сейчас кровь Маркелина требует отмщения! *(Кладёт тело Маркелина на паперть, командуя взводу латышских стрелков).* Взво-о-од! Бунтовщиков, врагов народной власти на прище-ел!

Латыши вскидывают винтовки в сторону заложников.

МАКСИМ. Пли!

Залп.

Сцена 11

Сарай Гольцова. Хмурый МАКСИМ входит в сарай, где на соломе сидит ЕГОР. Увидев Максима, он поднимается.

МАКСИМ. У нас горе. Поп застрелил Маркелина.

ЕГОР. Не может быть? Он никогда не держал в руках оружия, не знал, как им пользоваться!

МАКСИМ. Мы тоже так думали... Но он при мне выхватил из-под рясы браунинг и убил Маркелина. Убил бы и меня, но я его опередил...

ЕГОР. Батюшка мёртв?

МАКСИМ. А что мне оставалось делать? Умирать самому? Я инстинктивно выхватил маузер и застрелил его.

ЕГОР. А заложники?

МАКСИМ. Латыши — звери. Заложники для них бунтовщики, а поп их главарь. Разве они могли оставить бунтовщиков в живых после смерти командира продотряда.

ЕГОР. И отец?

МАКСИМ (*опустив голову*). Да... Не успел я спасти его... Я приказал красноармейцам продотряда похоронить всех достойно, на кладбище... Мы задержимся здесь до похорон, потом поедем в Тамбов.

ЕГОР (*шепотом*). Я должен пойти к Насте... Я должен видеть её...

МАКСИМ. Иди...

Егор медленно выходит из сарая. Максим следом за ним. На встречу им, хрипя, выскакивает растрёпанная ПОПАДЬЯ.

ПОПАДЬЯ. Настя...Настя...

ЕГОР. Что с Настей!?

ПОПАДЬЯ. Удавилась... Настя удавилась...

ЕГОР (*повернувшись к Максиму*). Это ты... Из-за тебя...

Максим пятится, выхватывает маузер. Егор кидается к нему, вырывает маузер и стреляет ему в грудь. Максим падает. Егор несколько мгновений смотрит на затихшего комиссара, потом медленно поднимает маузер и стреляет себе в висок.

ЗАНАВЕС

Ольга КУЛЬКОВА

* * *

*Как будто свечи отливая,
Тружусь над новыми стихами.
Словесный воск – как плоть живая,
Как генетическая память.*

*Он тёплый, мягкий и невинный,
Как новорожденный птенец.
Струится, точно шёлк старинный,
Звенит, как тысяча колец*

*Вокруг планет большой Вселенной.
Творю из воска новый слог –
Сказать о тайне сокровенной.
Тружусь, играя. Так, как Бог.*

Ольга Кулькова, студентка ТГУ им. Г. Р. Державина, – воспитанница литературно-творческого объединения «Тропинка», участница 3-го слёта «Дети Солнца» в Москве, лауреат Международного Интернет-конкурса, посвящённого 60-летию Великой Победы.

Её стихи печатались в столичных журналах «Московский вестник», «Детская литература», в коллективных сборниках. В 2006 году в Тамбове вышел первый сборник стихов Ольги Кульковой «Путь к себе».

* * *

*Качают берёзы в корзинах ветвей
Небесную тихую радость.
И взглядом, и сердцем сливаешься с ней,
И время уже не преграда.*

*Тропинка тебя безмятежно ведёт
В тот край, где молочное детство
Счастливых мгновений сияющий мёд
В твоё прибавляет наследство.*

*И снова касается мамы рука
Горячего лба, и прохлада
Желанная сходит. Дорога легка,
И скорбь обращается в радость.*

Грозное

*Он суше пороха. Рассыпан гром
На горных перевалах облаков,
И, если молния промчится босиком,
Он в буйной мощи грохотать готов,*

*Целуя ноги ослепительной сестры.
Она одна – как целый пантеон
Ему, но ей дорожке нет игры,
Как исчезать под восхищённый стон.*

* * *

*Мы все кому-нибудь нужны
На этом странном свете,
И потому мы жить должны
В друзьях, любимых, детях,*

*И оттого мы жить должны
В закатах и рассветах,*

*И в плеске ласковой волны,
Во вздохе тёплом лета.*

*Нам так заветно судьбой:
О том пропеть, о чём не спето,
Не изменить дорогам света
И быть собой. И **стать** собой.*

* * *

*Опять аванс даёт природа –
Аванс весны за трудодни,
Когда ненастная погода
Сплетала дней суровых нить.*

*И я весну свою потрачу
На бесконечную любовь.
Когда же осень вновь заплачет,
Воспоминаний жарких кровь*

*По капле вытечет, и снова
В душе моей умрёт весна,
Тоской подавлена суровой,
Не зная, в чём её вина.*

*И лишь любовь меня согреет,
Когда сгустятся надо мной
Угрюмо тучи. Вдруг повеет
Из дальних далей **той** весной.*

* * *

*Бреду по пустыне под взорами звёзд,
На мостике брига стою в полный рост,
Воюю с полярной метелью,
Стихи сочиняя в постели.*

*И всем, кто кричит в полуночной тиши
И молит меня о спасенье души,*

*На помощь приду без сомненья.
Стихи – это благословенье,*

*Спасительный круг и рука,
Протянутая через века.
Стихи – это жаркое пламя,
Стихи – это жизнь
для того, кто живёт
стихами.*

* * *

*Не будет света до утра в полночном доме,
Огарок свечки я на оцупь не найду,
И будет тишина, что уши ломит,
И ветра плач отчаянный в саду.*

*И память расцветёт колючей розой:
С годами слаще аромат, острей шипы,
И в этом давняя неявная угроза
Всем, от любви и радости слепым.*

*Борюсь во тьме с холодными слезами.
Одна. Никто не в силах мне помочь.
Наедине с любовью мы, и только сами
Должны принять и день её, и ночь,*

*Великие дары и наказанья,
В тоску её иль в радость обратить,
Признать или обречь на непризнание,
Но каждый должен сам свой крест нести.*

* * *

*Пером, что в воздухе кружится,
Нигде приюта не найдя,
Пером на взлёте сбитой птицы,
Впитавшим горечь слёз дождя,*

*Порой кажусь себе сама я
И лишь предчувствую ладонь,
Что с полкасання понимает,
И только краешком затронь –*

*Она легко преобразится
В крыло уже бессмертной птицы.*

* * *

*Над времени чёрной воронкой
До дрожи натянута тонко
Струна, и так жалобно бьётся,
Как рыбка в подземном колоде,
Как жилка на шее ребёнка...
И это у смертных зовётся
Двух души, двух сердец единеньем!
Струна в нестерпимом почти напряженье,
Звучащая в мире неслышанным пеньем,
Немыслимо тонкая – пусть не порвётся!*

Нежность

*Ночь пушистыми ладонями
Гладит нежно фонари.
Как прекрасно быть влюблёнными
И светиться изнутри!*

*Полутьма такая снежная –
Белый соболь на плечах.
Мы друг с другом будем нежными
В тайных мыслях и словах.*

*Нежность – редкая жемчужина,
Что смогли мы отыскать.*

*Ласка будет нашим ужином,
Ткань касаний станем ткать.*

*Целый мир для нас изменится –
Нега взглядов, сладость слов.
Были раньше – пленник с пленницей,
А теперь где боль оков?*

*К нам шагами невесомыми
Входит нежность перемен,
И приветствует и дом, и мы –
Отменяющую плен.*

* * *

*Сегодня небо – дымчатая гжель,
Мир полон первобытной глубины:
Впервые неродившийся апрель
Толкнулся ножкой в чреве у весны.*

*И боязно гордиться ей ещё,
Но радость – через край озёрных глаз.
Такою святостью полна она сейчас,
Что каждый грех отныне ей прощён.*

* * *

*Загадочен и тих пустой вокзал,
Покинутый плацкартного уюта ради.
Он так давно кого-то ожидал,
И ныне больно каменной громаде,*

*Что гость желанный умер по пути,
Сожжённный непонятной лихорадкой,
И даже на вокзале обрести
Не смог при жизни миг покоя краткий.*

Анастасия КОНДРАТЬЕВА

* * *

*Всю нежность – тебе,
Мечты все – тебе.
Плевать, что взаимности нет.
Навстречу судьбе,
По вспышкам комет
Прочту раньше скрытый ответ.
Поднимут на смех,
Добавят помех,
Но что для любви сноп преград?
Ускорит пульс бег,
Лучом мимо всех
Я вновь возвращаюсь назад.
Не в шутку – всерьёз
Я рада до слёз,
Что вся растворилась в тебе.
Путь к счастью так прост –
Дорожкой из роз.
Плевать, что взаимности нет!*

Анастасия Кондратьева родилась в р. п. Инжавино в 1989 году. Воспитанница литературного объединения «Откровение», которым руководит Людмила Ивановна Котова. В настоящее время – студентка 2-го курса ТГГУ.

Стихи Насти печатались в районной газете и коллективных сборниках.

Воскресшая

*Я начинала с пустоты,
С разбитой нежности, с осколков,
Со стёртой в прах своей мечты,
С обиды, не прощённой толком.*

*Я научилась быть живой,
Когда Аид коснулся сердца,
Хотя и не могла порой
Найти, на что же опереться.*

*Полуслепая, наобум
Я шла, как в облаке тумана.
И ветер дул, и вместо струн
Играл на нервах моих рваных.*

*Страшнее ночи были дни.
Безликим роем пролетая,
Мне ни один не обронил
Воспоминанья. Я живая?*

*А я жила? Нет, той поре
Существованье было имя!
Я шла в толпе. Перегорев,
Блуждала призраком меж ними.*

*Но откровением мне стал
Час встречи с огненной лавиной
Тех чувств, которые мне в дар
Ты преподнёс. Спасибо, милый!*

*И вновь воскресшая душа
Вернулась к телу, став единым.
Не уходи, позволь дышать,
Моя вторая половина!..*

Колдунья

Юле Самодуровой

*Сестра-ворона, тьма на крыльях,
Подруга, чья прама-терь ночь,
Взмываешь ввысь – единый выдох.
Мою судьбину напророчь.*

*Перо случайно обронивши,
Волишебный камень укажи,
Прокаркай сказочные вириши,
Чтоб древний дух разворошить.*

*Мне силу он придаст. Колдунья –
Вот имя будет для меня.
И не возьмёт стальная пуля,
Стрелюю будет не унять*

*Мощь тех магических заклятий,
Что на людей низвергну. Злость
Меня толкнула в те объятия,
К добру разрушив светлый мост.*

*Была изгоем – властью стану,
А в подчинении – весь мир!
С небес свою дарую манну,
Сразив рабов дождём секир.*

*Своим желаньям на потребу
Смогу всю Землю поменять!
(Огонь рассёк слепое небо)
Я... Неужели это я?!..*

Рядом с тобой

*Расстояние – метр, может, больше,
Все пути привели к тебе.
Я оставила прошлое в прошлом,
Чтобы снова взять и заболеть.*

*Повторяется. Страшно похоже,
В то же время различий тьма.
Расстояние – метр, больше, может,
Я устала в тени стоять.*

*Съёмка! Свет! Дублей ряд – я в эфире,
До тебя донести хочу:
Пусть хороших немало в мире,
Я не хуже других ничуть!*

Ты вернулась

*Когда с рассветом ты придёшь
И я почти забуду, кто я,
Когда ценой мне станет грош,
Безумство мягко успокоит.*

*Я перестану понимать,
Что мир жестокостью наполнен,
Покинет памяти стеллаж
Всё зло единым пыльным томом.*

*Ты рядом. К чёрту все слова,
А чувства взгляд с лихвой заменит.
И только руки целовать,
Покорно стоя на коленях.*

*Всё, что сумею предложить,
Сердечный жар, пустую душу,*

*Ты, что готова уместить
Тебя и весь твой мир послушно.*

*Ещё способную любить
Всеразрушающую юность.
Последний форт земной разбит.
Мир рухнул. Хаос. Ты вернулась.*

Неожиданность

*Ты присядь, эта новость шокировать может,
Ведь уже что-то поздно меж нами менять.
Это край, не поверишь, влюбилась, похоже.
Что? В кого? Вообще-то, как будто в тебя!*

*Ни мгновения, вроде, беды не сулило
Провиденье. Спокойно смотрела в глаза,
Не тая дерзких чувств неизведанной силы,
Не влекло поцелуй на губах написать.*

*Расставанье – игра, а не мрачная попытка,
«До свидания» – с лёгкостью, а не с мольбой,
Но явила любовь вдруг рога и копыта,
Разум смерч проглотил, равнодушию – бой.*

*Серенады поёт золочёная арфа
Где-то там, в глубине потайных уголков.
И вниманье твоё – лучше всяких подарков,
Да и ты самый-самый из самых! Любовь...*

*Я мечусь. Раскололась на две половины,
Временами прозрев, над собою смеюсь.
Не под силу уму безрассудство подвинуть,
Забываю ошибки приладить на ус.*

*По орбитам кружат сплошь бредовые мысли:
Как поведать тебе о желаньях своих.*

*Утешенья ищу средь проверенных истин,
Чтоб весенний напев от бессилья не стих.*

*Но гранитной стеной – положенье и возраст.
Да твоё отношенье ко мне, адресат,
Для меня как одна неизвестная повесть,
Что никак не могу по слогам прочитать.*

*На глаза попадаюсь, нервирую, может,
Или нравлюсь, наветам людским вопреки?
А сомненье живёт и усиленно гложет,
Превращая в сестрицу плакучих раquit.*

*Хоть во сне так отрадно ты за руки держишь,
Говоришь глубиной голубейших очей.
С наслажденьем смыкаю уставшие вежды.
Жаль, во сне только мой, наяву же – ничей...*

* * *

*К боли можно привыкнуть,
Я борюсь без наркоза.
Можно методом тыка
Нелюбовь мерить в дозах.*

*Электрическим током,
Рядом стоя, искриться,
Ничего тебе толком
Рассказать не решиться.*

*По сплетениям улиц
Волочить свои мысли,
Что от смячки проснулись,
Перепутались быстро.*

*Я не спорю с весной,
На позыв отвечаю.*

*Сердце снова заново,
От любви сокращаясь.*

*На тропу войны выйду,
В счастье путь пробью грудью.
К боли можно привыкнуть,
К невзаимности – трудно.*

* * *

*Ты ведь мне никогда не простишь
То, что видела слабость твою:
У порока на самом краю,
Сникнув как-то всем телом, стоишь.*

*Отрицай всем подряд, говори,
Чтоб не верили сплетням чужим,
Погрязая сильнее во лжи,
Вновь и вновь не уснёшь до зари.*

*«Змий зелёный» утешит тебя,
Сигарета поможет забыть,
Успокоит сердечную прыть,
Сизым дымом неспешно клубясь.*

*Полумрак, полутень, полубред,
Полужизнь на весах, полусмерть.
Как посмел ты так быстро стереть
Мною данный когда-то обет?*

*Для чего ты живёшь, для кого?
Сколько светлого втоптанно в грязь!
Опустишь на колени, молясь:
«Небеса, пощадите его!..»*

Валентин ПОВЕТЬЕВ

СОЛДАТ СТЕПАН

Сказка

Присказка

Вспомняв певца Баяна,
 Что гремел на гусях рьяно
 На пирушках у князей,
 Мы решили без затей,
 Не сгущая сильно краски
 (Вы ж не дети слушать сказки),
 Всем поведать без утайки
 Не былины и не байки –
 Чисту правду без подвоха
 Про века царя Гороха,
 Что слыхали от людей;
 Про лихих богатырей,
 Как Садко тонул в морях,
 Как Кощей совсем зачач,
 Разорившись на дефолте;
 Про лягушку, что в болоте
 Караулит женихов;
 Про медведей и волков,
 Про старух, летящих в ступе,

Водяных и леших вкупе,
 Про русалок и чертей,
 Про бояр и упырей,
 У народа пьющих кровь.
 Не забудем про любовь –
 Как же нам без Василис,
 Получивших первый приз
 «Мисс чего-то обо что-то»;
 Про котяру-обормота
 И удалого солдата.
 Постараемся без мата,
 Не беря пример с Баркова,
 Хоть строчил мужжик толково –
 Не резон дразнить цензуру...
 Что ж, начнём. Без перекуру,
 В стиле дедушки Ершова.
 Плагиата никакого!
 Тот рубил нам правду-матку
 Про горбатую лошадку
 С МЧС для дураков.
 А у нас сюжет таков...

Валентин Поветьев живёт и работает учителем истории в п. Инжавино. В его творческом багаже несколько публикаций в коллективных сборниках и книжка стихов «Я однажды тебя дождусь...»

Читателям «ТА» мы представляем его как начинающего, но уже подающего большие надежды сказочника. Первая часть сказки в стихах «Солдат Степан» об этом ярко свидетельствует.

Перекрёсток

Было это али нет,
 Только слышал белый свет,
 Одна бабка на базаре
 Нашептала тётке Варе,
 Та поведала соседке,
 Та своей подружке Светке,
 Светка на ухо отцу,
 Тот за рюмкой кузнецу
 Старику Егорию
 Жуткую историю!
 Две сороки повесть эту
 Растрезвонили по свету,
 Разнесли во все края.
 Ну, короче говоря,
 При седом царе Горохе
 Бодро топал по дороге,
 На ходу курая махорку,
 Не в кабак, не в самоволку
 Тёмным лесом с дальних стран
 Отставной солдат Степан.
 Сосны кронами качали,
 Все печали за плечами
 Вдалеке. Душа поёт.
 На восток тропа ведёт.
 Десять лет в боях, походах
 Оттрубил. Эх, мать-пехота!
 Грудь в крестах, чуть ноют раны,
 Ветер шарит по карманам.
 Не беда. Чего тужить?
 Коль не помер – будем жить!
 Сапоги песок топтали,
 Тихо звякали медали
 У героя на груди...
 Что за диво впереди?
 Неужель плита с гранита?
 В землю втоптана, разбита

Пополам, покрыта мхом.
 Потемнела под дождём.
 Аккурат на перекрёстке.
 Э-э-э, видать, совсем не просто
 Здесь положена она.
 Надпись странная видна.
 «Это что ж за изваянье
 Здесь лежит? Что за признание
 Нацарапано на нём?
 Ну-ка, ну-ка, подойдём,
 Поглядим, чего здесь строчат,
 Честным путникам морочат
 Всякой глупостью мозги.
 Не с похмельной ли тоски
 Доморощенный Челлини
 Издевался вместо глины
 Над гранитом? Интересно,
 Не три буквы ли известных
 Высекла здесь на века
 Гениальная рука?
 На гробницу не похоже.
 И рисунков нету тоже...
 Нету ль клада под тобою?»
 Пыль смахнув с плиты рукою,
 Стал Степан, под нос ворча,
 Шифрограмму изучать.
 «Что ж чертил ты здесь,
 ваятель?
 То ж дорожный указатель!
 Видно, добрый человек
 Этим камнем здесь навек
 Указать решил дорогу
 Всем. Чтоб знать, с какого боку
 Лес дремучий обогнуть,
 Аль к деревне срезать путь,
 Не попав при том в болото...
 Только вычурны уж что-то
 Буквы. Еле разберёшь...»
 «Коль направо ты свернёшь, –

Предрекал ему писатель, –
 Распроцаешься, приятель,
 Со своим лихим конём,
 По башке дадут путём
 Иль ногами отпинают.
 Там конкретно раздевают,
 Оставляя без портков,
 Лопоухих дураков...»
 Дальше буквы были сбиты,
 Но понятно, что бандиты
 Оседлали правый путь.
 «Аль налево повернуть?
 Что-то драться не охота.
 Их теперь не меньше взвода
 Там в засаде окопалось.
 Мне ж совсем чуть-чуть осталось.
 Обойдёмся без сражений».
 «...Много будет огорчений,
 Коль налево завернёшь.
 Прогуляешь и пропьёшь
 Всё, что есть в твоих карманах
 В казино и ресторанах, –
 Сообщала надпись честно, –
 Есть бордель. За рубль невеста...»
 Призадумался солдат:
 «Я любви, конечно, рад.
 Только чем, скажи, путане
 Заплатить, когда в кармане
 Только медный грош гремит?
 Да ещё какой-то СПИД
 За разврат карает строго...
 Видно, левою дорогой
 Нет резона мне шагать.
 Надо надпись дочитать».
 Потянул в раздумье за ус:
 «Ну, гранитный Нострадамус,
 Что на сей раз напоёшь?»
 «Если ж прямо ты шагнёшь, –
 Руны древние гласили, –

Гнить тебе в сырой могиле,
 Лютой смертью помирать!»
 Тут Степан душевно мать
 Помянул того писаки,
 Что тоску и злые страхи
 Нагоняет на людей.
 «Ах ты, сказочник-злодей!
 Вот бы дать тебе по шее,
 Что б навеки от затеи
 Предсказания дават
 Отучить! Вот будешь знать,
 Как запугивать туристов!»
 Телефонным террористом
 Обозвал его в сердцах
 И родню всю подлеца,
 До седьмого поколения,
 Помянул. Но, к сожалению,
 Сколько парень ни ругался,
 Так в ответ не отозвался
 Графоман. Лишь птицы пели,
 Руны мрачные чернели,
 Пар клубился над плитой...
 «В общем, так: война – войною,
 А обед по распорядку.
 С этой каверзной загадкой
 Без ста грамм не разобратся.
 Не пора ль располагаться
 На полуденный привал?»
 Из мешка солдат достал
 Поцарапанную фляжку,
 Вместо скатерти бумажку
 Расстелил поверх письмён,
 Сало, лук, сухой батон
 Разложил, уселся рядом
 На гранит. «Теперь что надо?
 Выпить и обмозговать,
 По какой тропе шагать!»
 Отхлебнул. Другое дело.
 На душе повеселело.

*«Не назад же отступить?
 Врёшь, меня не запугать!
 Не дождётся, злодеи.
 Во! Хорошая идея!
 Мы доверимся судьбе,
 По какой идти тропе!»
 Бросил пару раз монету.
 Нет, налево ходу нету –
 Выпадает всё «орлом»
 Вправо или прямоком?
 Снова бросил – покатилась.
 Вновь «орлом» – судьба решилась.
 Мигом охватила жуть –
 Выпал самый страшный путь!
 Выпил он ещё немножко.
 «Решено, прямой дорожкой
 Выступаем мы в поход.
 Шагом марш! Труба зовёт!»
 Голову нагнул упрямо
 И шагнул, не дрогнув, прямо.
 «Чай, прорвёмся. Не впервой
 Нам в атаке штыковой,
 Наплевав, что пули свищут.
 На заборе тоже пишут,
 Но, как всем известно, врут.
 Эти байки не собоют
 С толку русского солдата!»
 Впрочем, пьяная бравада
 После первых же шагов
 Растворилась. Из мозгов
 Хмель убрался без остатка.
 На душе вдруг стало гадко,
 Зацарапали коты.
 Как в предчувствии беды,
 Сердце сжало злой тоскою.
 И зловецей тишиною
 Щебет птиц прервался вдруг.
 Потемнело всё вокруг.
 Разложением и смрадом*

*В нос ударило. Прохладой,
 Затхлым, стылым сквознячком
 Потянуло. Вдруг толчком
 Содрогнулась твердь земная.
 Сила древняя, чуждая
 Пробуждалась ото сна.
 Ярким пламенем сосна,
 Словно свечка, полыхнула.
 Что-то с присвистом зевнуло,
 Завозилось под бугром.
 Лютый рёв, мощный, чем гром,
 Оглушил на миг солдата.
 Жуткое исчадьё ада
 Продиралось из глубин
 Недр земных... Верста ль, аришин
 Отделяли тварь от света?
 Сумасшедшиею кометой
 Вверх ударил столб огня.
 Ветер взвыл, песок гоня.
 Тучи в дикой карусели
 Закружились. Вдруг просела
 И разверзлась, содрогаясь,
 Мать-земля. Степан, ругаясь,
 Отскочил от края бездны.
 Хруст, рычанье, лязг железный
 Доносились из провала.
 Атмосферу отравляла
 Ненависть к всему живому...
 Тут с натугою к разлому,
 Отдуваясь, приволок
 (Чудом не сорвав пупок)
 Наш боец от перекрёстка
 Ту плиту в четыре роста,
 Что недавно изучал.
 И... столкнул её в провал!
 Результат все ожидания
 Превзошёл. Внизу рычанье
 Прекратилось. Грянул взрыв!
 Пыль столбом! Разлом закрыв,*

Стены трещины сомкнулись.
 Зачирикали, очнулись
 Птицы. Солнца луч сквозь тучи
 Засиял. Песок колючий
 Вмиг осел. Всё тихо стало.
 Словно бы и не бывало
 Никакого катаклизма.
 Главное ж без травматизма
 И летального исхода
 Обошлось. А что икота
 С перепугу привязалась –
 Так штаны сухи остались,
 Что само собой прогресс,
 Коль такой случился стресс.
 Спирту тянул он из фляжки,
 Сигарету в три затяжки
 Искурил, снимая дрожь.
 «Что, сожрал, ядрёна вошь!
 Не такое, чай, видали...
 За отвагу три медали
 Заслужили как-никак!»
 «Ох, какой же ты дурак», –
 Проскрипел вдруг за спиной
 Голос вкрадчивый, чужой.

Морена

Стёпа резко обернулся,
 От испуга чертыхнулся.
 Никого – лишь лес шумит.
 «Но не белка ж мне хамит?
 Что ещё за голоса?
 Надоели чудеса!
 Впечатлений выше крыши.
 Я вам что, особо рыжий?
 Надо ж, гады, совесть знать.
 Кто здесь есть, ядрёна мать?!
 Выходи, чего таишься?

Покажись, коль не боишься!»
 Долго наш герой орал,
 Птиц и белок распугал,
 Стресс снимая от души,
 Но, в конце концов, решил,
 Что скрипучий голос мерзкий,
 Обозвавший его дерзко,
 Просто плод воображенья,
 Возбуждённого сраженьем
 С лютым демоном провала.
 «Только глюков не хватало!
 Померещилось, видать.
 Надо будет пить бросать».
 «Это правильное дело, –
 Вновь над ухом проскрипело, –
 Кто не курит и не пьёт,
 Тот здоровеньким помрёт.
 Что ж ты, дурень,
 рыцешь взглядом?
 Я ж давно с тобою рядом
 Здесь стою. А материться
 Прекращай. То не годится:
 Как-никак, я всё же дама».
 Воин аж завыл: «Ой, мама!
 Всё. Допился. Снова глюки.
 Ну за что такие муки?
 Всё не так, как у людей.
 Вот майор пил до чертей,
 Генерал – до крокодилов.
 Мне ж и здесь не подфартило.
 Это ж надо облажаться,
 Что б до ёжиков нажраться!
 Иль, простите, до ежих?»
 «Да ты, парень, просто псих.
 Отпусти ежа, убогий,
 Я стою с другого бока», –
 Проворчал тот голос хмуро.
 Точно! Женская фигура
 В белый кутается плащ.

Хочешь, смейся, хочешь, плачь,
Только мог солдат поклясться,
Что с ним рядом оказаться
Не могла она никак.
«Что ж ты натворил, дурак? –
Скорбно гостья повторила, –
Аль не терпится в могилу?
Аль не русским языком
Написали: «Прямяком
Не ходи – в момент дашь дуба».
Узнаёшь меня, голуба?»
В тексте слышалась подначка.
«Здравствуй, Белая Горячка!» –
Закручинился Степан.
«Что? Так ты же в зюзю пьян!» –
Догадалась дама в белом.
«Между прочим, тил по делу, –
Вдруг обиделся солдат. –
Тут какой-то супостат
Лез, рычал, огнём плевался,
Забодать меня пытался.
Ну, а я ему как дам!
В общем, за прекрасных дам!»
Ущипнул себя за ляжку –
Не мираж. Достал баклажку,
Осушил её до дна.
«Ничего себе дела! –
Женщина захохотала. –
Я подобного нахала
Не видала лет пятьсот.
Плакать надо, обормот!
Выть, заламывая руки,
От тоски и смертной муки,
Рвать одежды, голосить,
Умолять. А он – хамить!
Спьяну, что ли, не робеешь?
Ничего, щас протрезвеешь.
За тобой пришла – финал!
Неужели не узнал?»

«Ну, ты, блин, мамзель, даёшь!
Разве всех вас вспомнёшь? –
В отказную воин сразу. –
Не видал тебя ни разу!
Только бабьего скандала
Мне в пути и не хватало.
Я коль с кем, так по согласью.
Но с тобой роман, по счастью,
Не крутил. Вот зуб даю!
Отвали, а то прибью!
Ты, девица, обозналась»,
«Нет, шалишь. Не раз встречалась
Я с тобой, моя душа.
Ты ж по лезвию ножа
Любишь шастать над обрывом,
К героическим порывам
Склонен. Тут и я, герой,
Вмиг являюсь за спиной
И дышу тебе в затылок.
Как же совести хватило
Не признать меня, балбес?»
Но в солдата словно бес
Злой иронии вселился:
«Что ты, девка, прицепилась?
Как, скажи, тебя узнать,
Если рожки не видать
Из-под ткани капюшона?
Ты какого, блин, рожона
Замоталась вся в плаще
Как турчанка? И вообще!
Твой наезд меня достал.
Мало ль с кем я переспал!
Не упомнишь всех моментов.
Хочешь, что ли, алиментов?
Извини, мадам, прокол.
Сам я голый как сокол.
«Всё хамишь? – вздохнула дама. –
Зря. Сейчас большая драма
Разыграется с тобой.»

Коль не дружишь с головой,
 Так зачем её носить?
 Хватит, клоун, мир смешить.
 Спор наш глуп, внушает скуку.
 Дай-ка мне, приятель, руку.
 Заболталась я с тобой.
 Всё, пора и на покой».
 «Ну, ты прямо забодала!
 Налетела, запугала.
 Не мамзель, а просто злюка.
 Ты б представилась, подруга.
 Может, снимешь капюшон?»
 «Много у меня имён.
 Все по-разному зовут:
 Корой там, Мореной тут...
 Да, зови меня Мореной».
 Что-то тренькнуло сиреной
 В самой глубине души –
 Мол, опасность, но глушил
 Хмель проклятый осторожность.
 Осознать реальность сложно,
 Коль в мозгах такая каша.
 Козырнул он: «Здравствуй, Маша.
 Потанцуем али как?»
 «Гроб готовь себе, дурак.
 И не лыбься, накажу.
 Хочешь, фокус покажу?»
 Хмыкнув, к дубу прикоснулась.
 Что такое? Вдруг свернулась,
 Пожелтела и опала
 Вся листва, как не бывало.
 Не успел Степан и охнуть,
 На глазах вдруг начал сохнуть
 И посыпался трухую
 Ствол могучий под рукою,
 Развалившись на гнилушки...
 Вот и всё. Среди опушки
 Как огрызок пенё торчал.
 «Что ж ты, комик, замолчал?

Подкосило колено?» –
 Жутко скалится Морена,
 Капюшон отбросив прочь.
 И не в силах превозмочь
 Липкий страх, что навалился,
 Стёпа, охнув, опустился
 На трухлявый тот пенёк.
 «Ни фига себе денёк!
 Во, прошёлся по лесочку...
 Ох, видать, не тем грибочком
 Я в обед перекусил.
 Аль случайно покурил
 Конопли вместо махорки?
 Смерть припёрлась на разборки!
 Самолично заявила!
 Может, это мне приснилось?
 Сгинь, видение кошмара,
 Глюк похмельного угара.
 Ой-ой-ой! И впрямь она!
 Как с картинки. Оба-на!»
 Кулаком протёр глаза.
 «Быть должна ещё коса!»
 Есть. В руках её держала
 Гостья в саване. Дрожало
 Пламя адское в глазницах.
 «Да, от этой не отбиться.
 Не удрать, не умолить.
 Тут в штаны б не наложить
 От избытка впечатлений.
 Это сколько ж поколений
 Уложила она в гроб!
 И теперь за мною? Стоп!
 А чего ты привязалась?
 Признаю, схамил я малость.
 Это ж не причина, мать,
 Чтоб мне уши отрывать.
 Хочешь, попрошу прощенья?
 Я ж весь красный от смущенья
 И раскаяньем горю.

Ты ж сто раз в лихом бою
 Мне подмигивала мило,
 Но всё время обходила.
 Так какого беса, мать,
 Нам традиции ломать?
 Может, снова разойдёмся?
 Спирту тяпнем, посмеёмся?..»
 Череп скалится в ответ:
 «Не пройдёт, касатик, нет.
 Глянь, признал, а всё ершится!
 Нет, куда это годится?
 Не пойму тебя никак.
 Ты больной иль впрямь дурак?
 Видел надпись на граните?»
 «Стоп, сударыня, простите!
 О каком граните речь?
 Коль велите в гроб залечь,
 Растолкуйте дурачине,
 По какой такой причине
 Этот ваш крутой наезд?»
 «Ты ж читал, солдатик, текст!
 Кто пойдёт тропой прямою,
 Повстречается со мною!
 И не вздумай отпираться!»
 «Мэм, вы будете смеяться –
 Вышла пошлая ошибка.
 Заработалась ты шибко.
 Стресс, бессонница, усталость –
 Вот чуток и обозналась.
 Я скажу вам по секрету,
 На сто вёрст в округе нету
 Расписных твоих гранитов.
 Так что не сопи сердито.
 Нету камня – нет причины
 Для безвременной кончины!
 В общем, пламенный привет.
 Помирать в расцвете лет,
 Нахожу я, слишком глупо.
 Ну, прощай?» – «Ну что ж, голуба,

Признаю, сглушила малость.
 Старость, знаешь ли, не в радость.
 Не серчай уж за ошибку.
 Не брани старуху шибко.
 Поболтай со мной ещё.
 Да взгляни через плечо!» –
 Засмеялась гостя хлёстко.
 Оп-с! Лежит у перекрёстка,
 Позади шагов на двести,
 На своём законном месте,
 Эта самая плита.
 Только жаром налита
 Да порядком закопчёна.
 «Блин, – сказал Степан смущённо, –
 Кажется, не прокатило.
 Я ж её на крокодила
 Уронил, что полз с провала.
 Как ты, мать, её достала
 Из такой глубокой ямы?
 Это что, и есть тот самый
 Путеводный монумент?
 Стоп, бабаны, один момент!
 С ним всё чисто? Без сюрпризов?
 Заключение экспертизы,
 Качества сертификат
 При тебе? Бьюсь об заклад,
 Документов не имеешь,
 Так чего тогда борзеешь?
 Кто, простите, доказал,
 Что плита – оригинал,
 А не китайская подделка?
 Может, ты шельмуешь мелко
 И булыжник подменила...»
 «Ах, какой ты умный, милый,
 Всё по полкам разложил.
 Аж смеяться нету сил.
 Ша, брыкаться бесполезно!
 Ты кого хотел, болезный,
 Как ребёнка обмануть?

Что, не хочешь в скорбный путь
 В белых тапках отправляться?
 Так никто, могу поклясться,
 Не хотел, да всем пришлось
 В землю лечь. А ты, небось,
 Возомнил себя всех круче?
 Ой, не льсти себе, голубчик.
 Побойчей тебя встречала,
 Всех с могилкой обвенчала,
 Не осталось и костей
 Тех героев-королей.
 А уж как со мной бодались,
 Обойти, схитрить пытались,
 Ни один не победил.
 Вот и ты, сынок, отжил.
 Коль уж я пришла, мужайся,
 Не хамя, не огрызайся.
 Виноват во всём ты сам,
 Не поверил чудесам,
 Влез, балбес, куда не надо.
 Разбудивши злого гада,
 Делать круглые глаза
 Поздно, батенька. Сказать,
 Кто очнулся после спячки
 И из дьявольской зачачки
 Рвётся к солнышку на свет?»
 «Рвался. Я ещё в обед
 Той плитою, словно Сивку,
 По хребтине аль загривку
 Приласкал того варана,
 Раздавив, как таракана, –
 Зло Степан под нос бормочет.
 А Морена, знай, хохочет:
 «Ой, потешник, уморил!
 Думаешь, разлом закрыл,
 Так и всё, беде конец?
 Всё исправил? Молодец.
 Аж до слёз довёл, ворчун.
 Это ж демон Карачун!

Коль проснулся – миру точка!
 Может, дать тебе отсрочку?»
 «Точно, лет на пятьдесят!» –
 Мигом оживел солдат.
 «Нет, сынок, всего полгода.
 Эта тварь такого рода –
 Больше времени не даст.
 Лезет адская напасть
 На поверхность, кушать хочет.
 Ясный день кошмаром ночи
 Вскоре сменится. Погаснет
 Солнце, звёзды в жуткой пасти
 Растворятся, рать скелетов
 С визгом вырвется из склепов,
 Упыри устроят пир.
 Всех поднимет командир
 Адской армии. Вся нежить
 Соберётся, чтоб потешить
 Повелителя. Польёт
 Дождь кровавый. Вороньё
 Обожрётся мертвечиной.
 Мор и войны без причины
 Вспыхнут. Треснут небеса.
 Реки высохнут. Леса.
 Запылают. Горы рухнут
 В тартары. Моря и бухты
 Закипят... коль тварь прорвётся
 В мир живых. Всё обернётся
 Прахом. Близится конец!»
 «Неужель Армагедеу? –
 Вздрогнул Стёпа. – Генерал,
 Помню, матерно орал,
 Навернувшись с русской печки,
 Что как раз на этой речке
 Должен быть финальный бой
 Света с нечистью. Запой
 Был тогда у генерала.
 Часть со смеха помирала,
 Как по штабу он скакал,

Шашкой демонов рубал.
 Ой, кричит, пришёл Калиписис,
 Черти скопом навалились,
 Протрубил последний час.
 Тут уж мы его в санчасть.
 От кошмариков спасая,
 По рукам-ногам бугая,
 Повязали кое-как.
 (Драться был большой мастак).
 Еле справились толпой.
 Слышь, а Клиписис кто такой?»
 «Апокалиписис, долдон!
 Речку ж звать Армагеддон!
 Вон струится за пригорком.
 Между прочим, стала горькой,
 Словно яд, её вода.
 Верный знак – грядёт беда.
 Скорбный начался отсчёт.
 Скоро кровью истечёт
 Мирозданье. На свободу
 Вырвется, начнёт охоту
 Карачун, и всем пропасть.
 Всех поглотит злая пасть.
 Понял, что ты натворил?»
 «Вот проклятый крокодил!
 Не везёт по жизни сроду.
 Не спалось тому уроду!
 Слушай, он не надорвётся,
 Прежде чем на свет прорвётся?
 Ладно, понял. Не дурак.
 А нельзя ли тот бардак
 Как-нибудь предотвратить?
 Если гадину убить,
 Твой Калиписис не случится?»
 «Что? Никак задумал биться
 С Карачуном? Ай, пострел!»
 «А чего? Всего-то дел
 Закабанить гамадрила».
 «Это ж Карачун, дурило!»

«Снова сказка про бычка...
 Я поганого сморчка
 Приголубил раз плитою.
 Выползет – вообще урою!
 Закопаю на века».
 «Цыц!» – костлявая рука
 Как клещами горло сжала.
 Вся от ярости дрожала
 (Или со смеху тряслась?)
 Фея смерти. Пробралась
 В память, в душу цепким взглядом,
 Как безжалостный анатом
 Впилаась. «Неужель не врёшь?
 Аль взаправду в бой пойдёшь
 Прямо в дьявольские зубы?
 Впрочем, все герои глупы...»
 Душу плавил, прожигал,
 Препарировал, кромсал
 Взгляд Морены, как заточка.
 «Решено, даю отсрочку», –
 Прошипел в лицо скелет.
 И мертвенно-синий свет
 Вновь блеснул в пустых глазницах.
 «Хочешь с демоном сразиться?
 Что ж, дерзай. Коль победишь,
 Мир спасёшь и отменишь
 Апокалиписис навечно.
 Если не сожрёт, конечно,
 В заварухе тебя зверь.
 А он схавает, поверь.
 Сложет вместе с сапогами.
 (Твои шансы, между нами,
 Так, один на миллион).
 Словно кролика питон
 Или цапля лягушонка
 Пришибёт. Как кот мышонка
 Закогтит и съест, вестимо.
 Эта тварь неязвима.
 Знаешь, шансов вовсе нет.

Вскоре целый белый свет
 Станет братскою могилой...
 Что-то побледнел ты, милый,
 Глазки выпучил, мычишь.
 Что ты булькаешь, шипишь,
 Как болотная гадюка?
 Аль терзает злая мука
 И предчувствие томит?
 Не головушка ль болит
 С капитального похмелья?
 Сколько ж усосал ты зелья?
 Неужели весь бидон?
 Тяжело дышать? Пардон».

В тот же миг стальная хватка
 Приослабла. «Вот что, бабка,
 Не пугай, авось прорвёмся,
 От змеюки отобьёмся, –
 Хоть невыгоден расклад,
 Храбро просипел солдат, –
 Только, чур, за шкуру гада
 Мне положена награда,
 За победу скромный приз.
 Это ж не бобёр, не лис,
 Не кабан и не куница.
 С ним придётся повозиться.
 Но чем каверзней злодей,
 Тем и скальп его ценней».

«Ладно, балабол, короче.
 Вот уж день клонится к ночи,
 Хватит попусту болтать.
 С ним тебе не совладать.
 Шкуры собственной лишишься».

«Ох, мадам, ну что ты злишься?
 Ну, сожрёт меня собака,
 Где сенсация? Однако,
 Если вопреки прогнозам,
 Я его об землю носом
 И рога поотшибаю?»

«Не хвались. Я точно знаю,

Быть то в принципе не может!»

«Ну а вдруг ему по роже
 Настучу, как в барабан? –
 Снова гнёт своё Степан. –
 Вдруг как чудо совершу?
 Наградишь?» «Что же, награжу.
 Безо всякого сомненья».

«Вот уж сделай одолженье,
 Будь любезна, награди!»

«Что ж ты хочешь? Говори.
 Погребение с оркестром?
 В мавзолее царском место?
 Али воинский салют?
 Хочешь, сто быков забьют
 К пышной тризне? Под курганом
 Похоронят, точно хана,
 При стечении народа.
 На костёр возложат, оду
 Воспоют тебе во славу,
 Золота насыплют, бабу
 Рядом в склеп с тобой возложат.
 О посмертной славе тоже
 Позаботиться могу.
 Чтоб на каждом на шагу
 Памятник тебе торчал.
 Тю, никак ты осерчал?
 Ну и зря, коль разобратся».

«Слушай, хватит издеваться!
 И кончай меня душить.
 К чёрту славу, мне б пожить».

«Фу, как мелко. Я об вечном.
 Жизнь людская быстротечна.
 Сколько бы не длился бал,
 Всё равно один финал».

«То понятно и ежу.
 Слёзно, мать, тебя прошу –
 Философию кончай.
 Лет пяток хотя бы дай
 Погулять по белу свету,

Чтоб над ящером победу
 Я как следует обмыл».

«Хорошо уговорил, –
 Согласилась вдруг Морена,
 Горло выпустив из плена
 Цепкой хватки, –
 Если в схватке
 Карачуна ты убьёшь,
 Обещаю, проживёшь
 Сколь-нибудь ещё на свете.
 Только, как там о медведе?
 Шкуру нечего делить,
 Коли жив. Сперва убить
 Полагается. Не так ли?»

«Ну, ты мне ещё про грабли
 расскажи, – бурчит Степан. –
 Мне теперь пропал иль пан.
 Хошь не хошь, давай брыкайся.
 Так что ты не насмехайся.
 Поори на дурака.
 Ну, отвесь мне тумака.
 Только, чур, не очень больно.
 А мораль читать довольно.
 И прощай, коль всё сказала.
 Ты ж отсрочку обещала.
 Уговор дороже денег».

«Так давай шагай, бездельник, –
 Вновь накинув капюшон,
 Смерть зевнула. – Тянет в сон.
 Скучно стало мне с тобою.
 Что начертано судьбою,
 Не изменишь. Не держу.
 Погуляй, я не спешу.
 Так и так ко мне вернёшься.
 Нынче, завтра ли загнёшься,
 На пиру иль на войне,
 По большому счёту, мне
 Всё равно, тебе признаюсь.
 Что ж, надолго не прощаюсь.

Будь здоров, до скорой встречи».

И, на том закончив речи,
 Сделав ручкой, удалилась.
 Как сквозь землю провалилась!
 Бац, и нет уже старухи.
 Лишь жуки жужжат да мухи
 Там, где только что стояла.
 Так же солнышко сияло.
 Благодать и тишина.
 Не пригрезилась она?
 Показалось на минутку,
 Не бывало с гостьей жуткой
 Никакого договора.
 Тут огромный чёрный ворон
 Опустился на поляну,
 Посмотрел в глаза Степану,
 Зло взглянул, нехорошо,
 Каркнув вдруг: «Отсчёт пошёл!»

Разбойники

Солнце за бугор скатилось,
 Чёрной шалью опустилась
 Тьма на землю. Комары
 Зазвенели. Из норы
 Настороженно лисица
 Выбралась. На миг зарница
 Озарил лес волшебный.
 Соловей как оглашенный
 Трелью звонкой разливался.
 Бледной пылью расплескался
 Млечный Путь в чернильном небе.
 Волколак в голодном гневе
 На луну провыл тоскливо.
 Ночь стояла просто диво:
 Круг луны на небосводе,
 Как снежинки в хороводе,
 Закружились мотыльки.

Звёзд холодных огоньки
 Опрокинулись в болото.
 Кто-то вышел на охоту,
 Кто готовился ко сну...
 Головою об сосну
 С горя вволю постучавшись,
 Наши солдат решил из чащи
 Заповедной выбираться.
 Не сидеть же дожидаться,
 Пока свистнет на горе
 Рак на утренней заре.
 «Знать, теперь к царю дорога.
 Пусть поднимется тревога,
 Исполчаются войска.
 Воевод всех за бока,
 Коль такое приключенье.
 Пусть сзывают ополченье:
 Мол, к оружию, народ!
 Ставят пушки у ворот,
 Заряжают катапульты.
 Всех алхимиков – за пульты
 Или что у них там есть.
 Пусть готовят злую смесь
 От мышшей и тараканов:
 Карачун, чай, из варанов,
 Может, сдохнет от отравы.
 В общем, коли всей оравой
 Навалиться на врага,
 Так намять ему бока,
 Безо всякого сомненья,
 Не составит затрудненья.
 Как-никак, и батюку легче
 Скопом бить. Да путь далече
 И верхом, поди, три дня,
 Я ж пешком, эх, мне б коня
 Раздобыть. Все карты биты.
 Стоп, читал! Где здесь бандиты?
 Конфискация грядёт!»
 И рванул наш обормот,

Направление взял строго,
 Прямо правою дорогой,
 Куды надпись говорила.
 И спустя версту аль милю,
 Угодил, куда и надо –
 В лиходейскую засаду
 Под ракитовым кустом.
 Пять амбалов под мостом
 Злых гопстопников сидели.
 Но, поди, уж три недели,
 Как не шли у них дела.
 Даже живность не брела
 Мимо этих душегубов,
 Дабы не пойти на шубы,
 Стороною обходила.
 Вдруг, оп-ля! Солдат-дурила
 Чешет прямо напролом.
 «Стой! – орут. – Припльл! Облом!
 Мы – крутые атаманы.
 Выворачивай карманы.
 Отдавай нам сапоги.
 Даже думать не моги
 Оказать сопротивление.
 А не то в одно мгновенье:
 Чик – и ты на небесах
 Без копейки и в трусах.
 Скидавай мундир, вояка,
 А иначе будет драка!»
 «Драка? Что ж, братва, изволь!»
 И тотчас начался бой.
 Бесшабашный, рукопашный,
 Блок на нож, подсечка, страшный
 С правой хук и с левой крюк.
 Что, заразы? Взяли в круг? ...
 А коль так, с подсечки? Мало?
 А с ноги, да по сусалам?
 А вот это болевой
 Мне ж, ребятки, не впервой
 В рукопашную сражаться –

ЮНОСТЬ

Как бы вам не облажаться...
О нюансах промолчим:
Дело всё-таки в ночи
Приключилось, но известно,
Что сражение шло честно –
Пятеро на одного –
По понятиям того
Лиходейского вертепа.
Только, получив по репам,
Успокоились братки,
Пошло наложив в портки.
Вмиг закончив тарарам,
Прикорнули по кустам.
Шмыгая разбитым носом,
Занялся Степан вопросом
И изъятием трофеев
Тех побитых лиходеев.
Заглянул он к ним в избушку,
Самогона хряпнул кружку,
Закусил, чем Бог послал,
Пару часиков поспал,
На рассвете пробудился,
В путь-дорогу снарядился.
Прихватил еды и пойла,
Отвязал коня от стойла.
Всем бандитам «на пока»
Дал прощального пинка.
И, приветствуя зарю,
Вскачь помчался ко царю.

Столица

Скоро сказка говорится.
Только прибыл он в столицу
Лишь спустя четыре дня,
Чуть не запалив коня,
Всё без отдыха скакал.
Вёрст, пожалуй, отмахал

Почитай что триста с гаком.
То в галоп, то ехал шагом.
Пожалевши животину,
Объезжал болота тину,
Буераки, лес густой.
Дождь и град, палящий зной,
Предрассветная прохлада.
От восхода до заката
Ехал ночью, ехал днём,
По пути стоптал конём,
Не заметив, людоеда.
На четвёртый день к обеду
Показался стольный град.
Перед ним как на парад
Собралась толпа народа:
Караул стрельцов в три взвода
С бердышами на плечо
Да взвод стражников ещё.
На стене недобро пушки
Жерла щерили, кадушки
С порохом стояли в ряд.
Конных витязей отряд
С пиками наперевес
Поскакал наперерез.
Чуть на копы не подняли.
Но в последний миг признали
«Хлопцы, тю! Так то ж Степан!
Ну, ты словно знатный пан! –
Покатилися от смеха, –
Вот уж уморил, потеха!
Конь – бояре не видали.
Самого ж как кошки драли:
Грязный, в тине и золе,
Без порток, зато в седле!
«Ладно, ладно, зубоскалы.
Мне б воды да ломтик сала,
После дело обсудить.
Руки можно опустить?»
Ну, как водится в России,

Тут же всё сообразили
 Без особого нахальства,
 От греха и от начальства
 Схоронившись в кустах
 На свой риск и, – как там? – страх.
 В миг один, накрыв поляну,
 Встречу справили Степану,
 Как велел обычай их,
 Побратимов боевых.
 Окорок всучили другу.
 Чаша полная по кругу
 Враз пошла, искрясь вином.
 Вспоминали о былом,
 О боях и о наградах.
 Тех, кого уж нету рядом,
 Помянули. Помолчали.
 Песню тихую в печали
 Затянули. Вдруг возник
 Сотник Свен, взревел, но вник.
 Разом хлопнул два стакана,
 Кулаком в плечо Степана
 Ткнул, обнял, махнул рукой:
 «Ладно, ладно. Чёрт с тобой!
 Только чтобы без эксцессов.
 Ночью ждём атаку бесов.
 В семь часов всем быть в строю,
 Дезертиров порублю!»
 Вмиг пробил озноб холодный.
 «К строевой я тоже годный.
 Хоть сейчас копьё и в часть.
 Только что же за напасть
 Приключилась над страной?»
 «Ох, молчи, сынок, не скрою:
 Тяжелы дела в стране»
 «Не иначе быть войне?»
 «Что война? Для нас привычно,
 Знаешь сам. Да необычны
 Начались вчера дела.
 Ночью стража приняла

На копьё трёх вурдалаков.
 С упырём намедни драка
 Приключилась у бабья
 Из-за мокрого белья.
 Жёнки шмотки полоскали,
 Нежить сдуру не признали,
 Думали, бельё крадёт.
 Хорошо, стрелецкий взвод
 Проходил как раз дозором.
 Старший не поверил взору:
 Бабы тузят упыря,
 Гневом праведным горя!
 Что ж, стрельцы дурёх отбили,
 Гада в ключья порубили.
 А потом пришлось понам
 Собирать всё по кускам
 И кропить водой святою –
 Тоже, брат, скажу, не скрою,
 Работёнка ещё та!
 Вот такая суета...»
 «Ничего себе творится:
 Нежить, демоны в столице!
 Сказки, леший подери!
 Вурдалаки, упыри...
 Главное ж – деды живали,
 А такого не видали, –
 Проворчал один боец. –
 И что главное: свинец
 Не желает брать сразу.
 Серебро, конечно, сразу –
 Только где ж его набрать.
 Что за долбаная рать?!»
 Свен вздохнул: «Седые руны,
 Да забытые коцуны
 О пророчестве твердят.
 Будто б был какой-то гад,
 Адской армии начальник.
 Но ему сбил напрочь чайник
 Древний бог аль царь Амон

В изначалье всех времён.
 Тот Амон, то бишь Ярило,
 Как сказанье говорило,
 Сплавил гада на тот свет.
 Но пройдёт семь тысяч лет,
 И спадёт богов заклатье,
 Вырвется на свет исчадье
 Предвещанием конца...
 Ты чего так спал с лица?
 Это ж мифы скальда Брэна.
 Тот всё плёл: сама Морена
 Проявится пред концом
 Среди людей... Тю, вновь лицом,
 Хоть неробкого десятка,
 Побледнел? Не без осадка
 На душе у самого.
 Знаешь, Стёп, оно ж того,
 Хоть паниковать негоже,
 Только как-то уж похоже
 Получается расклад.
 Мифы говорят, коль гад
 Вдруг восстанет после спячки,
 Упыри и вурдалачки
 Внаглую полезут пить
 Кровь живых, чтоб накопить
 Сил для светопреставленья...
 Я всегда и без смущенья
 Встану супротив врага.
 Но коль у него рога?
 Али это труп смердящий?
 Али вурдалак кусачий?
 Что с ним делать? Забодать?
 Колом в бок? Аль покусать?
 Тут пора попа Данилу
 Призывать с его кадиллом.
 Водомёты ставить в строй,
 Закачав святой водой!
 Я царю послал петицию:
 Создавай, мол, инквизицию!

Лезут адские враги,
 А в уставе ни строки!»
 Стёпа слушал оглушённо,
 А потом сказал смущённо:
 «Ладно, слушай, старый брат,
 Я ж во всём и виноват!»
 И поведал Стёпа Свену
 Про злой лес и про Морену,
 Про волшебных рун узор
 И про клятой птицы взор.
 «Нет, друзья, не врёт коцуна
 Про проклятье Карачуна,
 Пробудилась злая тварь,
 И плохи дела, как встарь.
 Вот такая, блин, невзгода...
 И осталось нам полгода
 До кромешного конца.
 Я, конечно, подлеца
 Приложил плитой не слабо.
 Да Морена – злая баба –
 Говорит, что лишь контузил.
 Да ещё какой-то узел
 Страшной мощи волховства
 Развязал из баловства
 Да с хмельного перепою...
 Надо, чтоб сзывал для боя
 Всех немедля царь-отец.
 Мне бы, сотник, во дворец
 Позарез пробиться нужно.
 Чем ходить путём окружным,
 Заявлю царю в глаза:
 Злая, мол, идёт гроза,
 Объявляй мобилизацию,
 Чтоб сберечь здоровье нации,
 Всех сзывай на смертный бой.
 Мне ж пред троном и страной
 За великую провинность
 Хоть башку руби на милость,
 Только делай что-нибудь!»

«Тихо, Стёпа, позабудь
 Про своё ты намеренье, —
 Проворчал в ответ в сомненье
 Сотник Свен с тяжёлым вздохом. —
 Повелением Гороха
 По такой лихой године
 Стольный град на карантине.
 Ну а в терем, я скажу,
 Не проникнуть и ужу —
 Состояние осады.
 Государь мертвячкой-бабой
 Чуть не съеден был надысь.
 Он, защитник наш, кажись,
 Прошлой ночью после пира
 Лично возжелал вампира
 Допросить иль тип того.
 И бесстрашно, мать его,
 Прискакал на водокачку,
 Где, по слухам, вурдалачку
 Видели два казака,
 Выходя из кабака.
 Государственная тайна,
 Только шепчутся охально
 На базаре, что Горох
 Очень бледен был и плох.
 И скакал от водокачки,
 Загоняя лошадь в скачке,
 Вплоть до царского двора.
 А потом издал с утра,
 Безо всякого сомненья,
 Сей указ и повеленье
 (Вишь, бумага и печать):
 Не впускать, не выпускать
 Никого ни в град, ни с града.
 И великая награда
 Обещается тому,
 Кто злодейскую главу
 Отсечёт тому мерзавцу,
 Хоть своему, хоть иностранцу,

Кто устроил сей бардак.
 И куда ж тебе, чудак,
 На приём к царю ломиться?
 Стража у него из фрицев
 И швейцарцев, ёшь их медь.
 Ну придёшь, начнёшь шуметь,
 А они тебе с азартом
 В лоб заедут алебардой
 И порубят вмиг в труху —
 Ведь по-русски ни гугу.
 Да и царь не станет слушать.
 Сгоряча прикажет уши
 Отрубить на холодец.
 «Неужель, всему конец?
 Это ж просто идиотство:
 Карачун вот-вот проснётся,
 А к царю нельзя ходить,
 Он изволит, мол, хандрить.
 Что ж, придётся некультурно
 На приём ломиться штурмом».
 «Тихо, не гони пургу.
 В город я тебя могу
 Провести, хотя б под видом
 Врачевателя Давыда.
 Он к Гороху точно захож.
 Правда, профилем не схож
 Ты с врачом-антelligentом.
 Раскусят одним моментом
 И порубят без суда.
 По науке нам туда
 Просочиться б тихой сапой,
 Переждав, пока осада
 Батюшке не надоест...
 Ай, тудыть, свинья не съест!
 Помогу тебе, пожалуй.
 По коням, орлы! Что ж, мальиь,
 Поскакали до царя,
 И за что мне те горя?»
 На коне, гарцуя гордо,

ЮНОСТЬ

---

*В рваной форме, с наглой мордой
Под прикрытием солдат
Въехал Стёпа в стольный град.
Время даром не теряя,
Пыль копытами вздымая,
Словно то гишпанский гранд, –
Пусть без шпаги и наград,
Без жабо, без шпор, без шпаги,
Без гербованной бумаги,
Без протекций и ларца, –
Всё ж прорвался до дворца!
«Всё, не поминай, брат, лихом.
Я пошёл! Конечно, тихо,
Как тот кот за колбасой.*

*Не волнуйся, Бог с тобой».
Побратиму поклонился,
На собор перекрестился
И рванул к крыльцу бегом.
В дверь вкатился кувырком.
С превеликого куражу
Разогнал взашей всю стражу
И вломился во дворец
С криком: «Всем настал амбец!»
Тут пора остановиться.
Про истерику царицы
И царя крутой указ
Чуть попозже, не сейчас.*

Конец 1-й части

Сергей ДОРОВСКИХ

ГАДАЮЩИЕ НА СПИЧКАХ

Рассказ

*Маленькие дети — это единственная
хорошая разновидность людей.*

Стивен Кинг

*Всё, хватит, дальше нельзя!
Я возвращаюсь в детство...*

Олег Медведев

Парень с девушкой шли вдвоём по тёмным улочкам Тамбова.

— Слушай, ты хоть сам понимаешь, что говоришь? — строго спросила она.

— Конечно.

— Может, тебе лучше пойти и поспать? — девушка с недовольством посмотрела в его помутневшие серые глаза.

— У меня такое ощущение, будто я что-то гадкое сказал, а не «я тебя люблю».

— Просто когда «я тебя люблю» так сильно перегаром отдаёт, удовольствия мало.

— Так ведь я совсем чуть-чуть. Слегка принял на грудь, для куражу. Не более того.

Девушка хитро улыбнулась:

— Готова поспорить, что завтра с утра ты ни о чём не вспомнишь. Так что, Стёп, тебе правда лучше проспаться.

Сергей Доровских родился и живёт в Тамбове. Публиковался в альманахах «Страна Озарение» (Новокузнецк), «Снежный ком» (Рига), в газетах. Автор двух книг прозы — «Единственный выход» (2005) и «Ересь» (2006), вышедших в Тамбове.

Степан не отставал. Нет, такой расклад ему не по душе. Раньше всё получалось по-другому, «священные слова» хотя бы производили впечатление, а тут... Но до этого девушки иного плана попадались, а здесь случай не из лёгких. Не знаешь, с какого боку начать.

У начальника был сегодня день рождения, отмечали с полудня, пили-гуляли, и чёрт дёрнул проводить с работы Марину — красотку из фирмы по соседству.

— Почему не вспомню? А давай вот что сделаем. Возьми губную помаду и на лбу мне напиши: «Я тебя люблю!!!» Большими такими красными буквами. Я с утра встану, посмотрю на себя в зеркало и враз обо всём вспомню. Что скажешь?

— Дурак! Только тебе такая ерунда могла придти в голову.

— А как быть? Нет-нет, подожди, не ускоряй шаг. Прошу тебя! Ну, блин, это уже не признание, а марш-бросок. Маринка!

Девушка не обернулась, а быстро села в автобус. Степан побежал. Что-то кричал, махая руками. Двери почти сразу закрылись, и автобус тронулся. Водитель, похоже, не собирался сажать в салон пьяного безумца в куртке нараспашку.

Кепка сорвалась с головы и упала в лужу. Стёпа остановился и обречённо посмотрел вслед уходящему транспорту, силуэт которого постепенно растворялся в сумерках, оставляя за собой струйку вонючего дыма.

С трудом поднял кепку из лужи, при этом покачнулся и чуть было сам не грохнулся в грязную коричневую жижу.

— Только б на милицию не нарваться! — сказал Стёпа сам себе.

— По Чичканова одни патрули... А ведь она права: какой я дурак!

Фонари до сих пор не зажгли, и он с трудом шёл по пустой тёмной улице, еле-еле различая силуэты домов и стоявших у обочин машин. Домой Степан пришёл только к полуночи. Долго плутал по городу, сам до конца не понимая, где именно. Сделал большой крюк, хотя добраться можно было по прямой гораздо быстрее.

Долго стоял у порога, затем наконец поднял руку и сделал короткий звонок. Дверь открылась почти сразу, и Стёпа увидел раздосадованную мать.

— Ну и где ты шлялся так долго? Спрашивается, не мог позвонить?

Стёпа молча ввалился в квартиру. Нагнувшись, безуспешно попытался развязать шнурки на туфлях.

— У-у-у! — протяжно произнесла мать. — Коль, посмотри: да он,

сволочь, на ногах не стоит!

Из зала вышел отец в трико. Он серьёзно посмотрел на сына сквозь толстые линзы очков:

— Я говорил — спивается! И это в двадцать лет. А что дальше будет? Шура, ты только представь!

Степа продолжал молча стоять, согнувшись в три погибели. Он был похож на человека, кающегося в церкви, который, склонив голову, не смел взирать на иконы.

— Мы тебя для чего рожали? Для того чтоб ты нам такие подарочки приносил среди ночи? — отец заводился.

— Какие подар... подарочки? — наконец Степан поднял голову, и лицо расплылось в глупой пьяной улыбке.

— Нет, я не могу на это смотреть, — мать застегнула верхнюю пуговицу халата и пошла в спальню.

С трудом сняв испачканную куртку, Степан повесил её в прихожей. Потом, шатаясь и напевая что-то под нос, пошёл к себе в комнату. Не снимая свитера и не разбирая кровать, повалился лицом в подушку.

Сквозь пьяную дрёму он слышал, как мать плакала в соседней комнате.

* * *

Наутро ужасно трещала голова. Хорошо, что на работу не надо идти, а то никогда б не поднялся. Всю ночь Стёпу мучили какие-то глупые сны. Сначала снился шеф, держащий в руках рюмку с коньяком, при виде которой у Степана возникало отвращение и начало тошнить.

Вот он будто слышит, как начальник говорит тост, и Степан смотрит в его глаза. Удивляется тому, что они как у совы — большие, светящиеся с продолговато-раздвоенными зрачками. На лице начинают вырастать перья, и шеф, размахивая странными руками-крыльями, начинает летать по офису, протяжно ухая.

Вот идиотизм!

Потом, в следующем сне, Степан видел Марину, одетую в обтягивающий спортивный костюм. Длинные волосы она собрала в пучок красной резинкой, на ногах у неё модные кроссовки. Он идёт к ней, держа в руке свежие розы. А она смеётся, разбрасывает букет по асфальту и говорит: «Не видишь, что ли? Я совершаю марш-бросок». И, слушая музыку в плеере, начинает медленно бежать. Он следует за ней, но чувствует, что задыхается, и кричит: «Маринка, подожди! Я хочу тебе кое-что сказать». Она не слышит — наверное, музыка играет слишком громко. «Ну стой!» — он хватается за живот и, тяжело

дыша, останавливается. Слышит её смех, уходящий куда-то вперёд.

Степан открыл глаза. Сразу возникло впечатление, что в голове роились пчёлы и постоянно жужжали, высасывая нектар из извилин мозга. В горле пересохло, будто на самом деле пришлось всю ночь где-то бегать.

Он поднялся на ноги. Осмотрел серую комнату, в которую не проникал свет через плотно зашторенные окна. На столе лежала записка со знакомым почерком мамы: «Мы с отцом уехали к бабушке на неделю. Еды в холодильнике хватит. Веди себя прилично. Мы на тебя надемся. Мама».

— Вот, вообще остался один, — сказал он сам себе и пошёл в ванную. Умылся. Посмотрел на отражение в зеркале и не узнал себя. Какое-то унылое, опухшее существо из другого мира. Интересно, а что бы он сейчас стал делать, если ко всему прочему и правда добавилась надпись на лбу «Я тебя люблю!!!»?

Подошёл к музыкальному центру и на ощупь сумел кое-как отыскать и запустить диск своего любимого исполнителя Олега Медведева. Давно знакомые переборы, мелодичный, ставший родным голос запел:

*Я снова не туда, не туда!
Шёл, расшибая лоб,
На мху скользя,
Но вот сказал себе:
«Стоп, всё, дальше нельзя!
Я возвращаюсь в детство!»*

Поставив на кухне чайник, Стёпа принялся унылым пустым взглядом смотреть в окно. Шёл мелкий дождь, капли тускло поблёскивали на стекле. Во дворе было пусто и одиноко.

Медведев тем временем запел следующую песню, которая как никогда хорошо вписывалась в унылую серость утра:

*Дождь, дождь от самого края
Мёртвых полей.
Кругом один дождь —
Ни ада, ни рая.
Раз такое дело — водки налей.*

«Ух, только водки не надо!» — Стёпа с отвращением вспомнил

вчерашний день...

Пустая скамейка около подъезда. Та самая скамейка, с которой связано безумное множество хороших тёплых воспоминаний. Кажется, ещё совсем недавно он жил в дивном красочном детстве, где всё было так просто и здорово. Тогда дворовые пацаны играли в футбол и не дружили со Стёпкой. Острый на язык Костик из первого подъезда — рыжий, задиристый — дал ему прозвище Жених.

— Что, Жених, опять к своей невесте припёрся? — говорил он, когда видел Стёпу, который тайком пытался пробраться к своей подружке Ленке.

Насупившись, Стёпка бубнил:

— Куда надо, туда и иду. Тебя не спросил.

В ответ Костик с серьёзным видом морщил лоб. Было видно, что он подражает своему отцу-учёному.

— Ты почему, — говорил рыжий, — так неуважительно со мной разговариваешь? Хочешь получить, это я враз те вдарю!

— Так, Костя! — раздался волевой женский голос. — Опять за своё! Придётся всё рассказать твоему отцу!

Это была мама Лены, которая шла домой. Она работала учительницей начальных классов в школе, и ей очень нравился Стёпа. Ведь тогда он был таким хорошим мальчиком, которого так и хотелось взять и слегка потрепать за пухленькую щёчку.

— Мы с тобой ещё поговорим! — важным голосом сказал Костик и убежал.

— Привет, Стёп. Ты, наверно, к Лене. Пойдём.

Они зашли в квартиру.

— Лена, дочка. Я тебе жениха привела. Встречай.

— Никакой я не жених. Ну что вы все так меня называете? — с наигранной обидой в голосе сказал он.

— Можно подумать, не нравится.

— Конечно не нравится! — попытался поспорить Стёпа.

— Ну не ври, не ври! — весело сказала мама Лены.

Потом они пошли с Леной во двор и долго играли вместе. Теперь Степан и не помнил точно, что это были за игры, но было весело. Очень весело.

Впрочем, помнил. Однажды вечером, когда на город опустился нежный июльский вечер и голуби тихо ворковали во дворе, они сидели вдвоём на скамейке. О чём-то говорили. И тут Лена достала коробку спичек. Стёпа с опаской посмотрел на них:

— Откуда у тебя спички?

— Я взяла их на кухне, когда мама разжигала духовку. Она обычно их прячет от меня высоко. Так, чтобы достать не смогла.

— И ты их украла. Но это же плохо.

— Ну, взяла на время. Я их обязательно верну на место.

— Но зачем они тебе? Мне мама тоже строго запрещает брать в руки спички. Я не знаю даже, почему.

— А я знаю! Взрослые всё время боятся, что мы что-нибудь подожжём.

— Но мы ведь не собираемся с тобой ничего поджигать, правда?

Лена засмеялась:

— Нет, конечно.

— Но тогда зачем ты их взяла?

— А сейчас узнаешь.

Она достала из коробки две спички и вставила их в щели скамейки друг против друга.

— Смотри. Вот спичка — это ты. А эта — я. Мы будем гадать.

— А что такое гадать?

— Ну, это когда при помощи чего-то можно узнать что-то, чего просто так узнать нельзя.

Стёпа задумался и, похоже, ничего не понял.

— Ладно, смотри. Сейчас я их подожгу. Если, сгорев, они останутся стоять прямо, то мы с тобой безразличны друг другу. Если разойдутся в разные стороны, то не любим друг друга. Ну, а если...

И тут она достала ещё одну спичку и, чиркнув, подожгла те, которые вставила в щели. Спички вспыхнули и продолжили гореть, будто свечи в праздничном торте.

Затаив дыхание, мальчик и девочка смотрели, как чёрные тонкие огарки с круглыми головками медленно наклонились друг к другу.

— А это что обозначает? Ты вроде бы не сказала мне... — начал он и не успел договорить.

Она прижалась к нему и поцеловала в уголок рта. Её губы были мягкими и тёплыми, и Степан до сих пор помнил их нежное прикосновение.

А потом она сказала что-то. Вроде бы: «Я побежала возвращать спички, а то мама заметит и будет ругаться», — а может, что-то другое. Он не помнил. Даже не заметил, как она быстро убежала.

Теперь, в это серое дождливое утро, казалось, что всё происходило когда-то очень давно, в совсем другой жизни. В той сказочной детс-

кой стране, где довелось так недолго пожить ему и Лене, всё выглядело другим. Там люди думали друг о друге, а не закрывались, будто раковины, в себе, запутавшись и позабыв, что внутри многих раковин хранятся жемчужины.

В той стране, в той иллюзии существования, где приходилось жить сейчас, все заботились о себе, о своём будущем и ставили свои дела выше людей, которые рядом.

— Всё, хватит, дальше нельзя! Я возвращаюсь в детство! — сказал сам себе Стёпа.

И тут же загрустил, поняв, что это уже невозможно. Связь с детством была потеряна.

А Лена... Лена уехала жить в другой город, когда ей исполнилось семь лет. Они даже не попрощались толком. Не было никаких слов, обещаний и прочего. Да и как могло быть? Они даже не знали адресов для того, чтобы писать письма. Тогда они ещё и не умели писать.

Теперь вся эта история напоминала какой-то смешной и туманный сон, который ушёл навсегда и оставил о себе пусть тёплые, но очень далёкие и нечёткие воспоминания. Да и родной двор изменился. Вроде бы и не произошло никаких перемен, и всё та же скамейка стояла на своём законном месте, только стала совсем другой. Казалось, скамейка умерла и теперь превратилась в груды серых, разбухших от дождя досок. А тогда она как будто могла дышать, во время гадания став частью их самих, впитав в себя простую детскую надежду и наивное ожидание чуда.

Степан был согласен хоть все утро просидеть вот так, оперев локти о подоконник, и со скорбью смотреть на скамейку. Такими грустными глазами, какими обычно смотрят на покойного человека, который ещё совсем недавно мог говорить, чувствовать, смеяться, а теперь вот ушёл куда-то, оставив после себя лишь мёртвое, уже ненужное тело.

— Эта скамейка, — произнёс он сам себе, — как последняя точка в романе. Всё, повествование закончилось, и у книги нет продолжения. Единственное, что возможно — пролистать назад и вспомнить, о чём она...

Телефон вывел его из раздумий. Правда, Стёпа услышал его только после третьего назойливого звонка. Кто бы там ни был, поднимать трубку не хотелось. Настроение от воспоминаний только ухудшилось, принесся какое-то тусклое ощущение пустоты и одиночества, и никого не хотелось слышать. Всё равно голос в телефоне, кому бы он ни при-

надлежал, не скажет ничего хорошего. Почему-то Степан был в этом уверен.

Поднявшись, он выключил чайник, который уже давно закипел, поднял трубку.

— Алло.

— Стёп, привет. Это я, — услышал он знакомый голос.

Вроде бы кто-то из друзей, даже представил, как выглядел человек на другом конце провода, но не смог вспомнить имени. Стёпа промычал что-то нечленораздельное и продолжил молчать.

— Я что звоню. Сегодня же день рождения у Коляна.

Степан напрягся, безуспешно пытаясь вспомнить, кто такой Колян.

— Так вот, приходи к нам.

— А где отмечаете?

— Да у него дома. В общем, я Витьку Калинину позвонил, он тоже придёт.

«Ну, слава Богу, — подумал Степан, — хоть этого знаю».

— Нет, я вряд ли смогу.

— Почему? Ведь сегодня и завтра выходные.

— Да, но... — он хотел сказать правду, но не стал, боясь оказаться потом высмеянным.

Что подумают ребята про него: «Я остался один, дав обещание родителям, что всё будет хорошо и они могут ни о чём не волноваться».

— Всё равно мы тебя ждём. Не прощаюсь, — и малознакомый приятель положил трубку.

Степан снова пошёл на кухню и заварил чай. Доставая чашку, думал о том, что будет вечером.

Так, два выходных дня. Никого дома. То есть ему ничто не мешает, и если он сходит на день рождения и как следует отдохнёт, то очередного скандала не будет, ведь он остался один.

Правда, немного воротило после вчерашнего. Но Стёпа хорошо знал свой организм, и был уверен, что к обеду разойдётся и всё будет в норме. К тому же он терпеть не мог готовить, даже простую яичницу, а поесть точно захочется. Так что надо идти на день рождения к этому, как его... А, неважно, Витёк Калинин знает, а это самое главное. Но не пить. Потому что обещал...

Стоп, ничего не обещал. Только записка с просьбой от мамы. Степан налил дымящийся чай, добавил немного сахара и с чашкой пошёл к себе в комнату. Вновь перечитал просьбу матери: «Веди себя

прилично. Мы на тебя надеемся. Мама».

Заколебался. Но всего лишь на мгновение. Опять зазвонил телефон. Теперь Стёпа сразу узнал голос. Это звонил его хороший друг Витька Калинин:

— Ты рехнулся или как? Там такое намечено, у-у-у! А ты «не пойду, не пойду».

— Да я пока не знаю. Может, и приду.

— В общем, встречаемся на старом месте — в сквере, а потом все вместе на квартиру. Если без пятнадцати семь тебя не будет, то идём без тебя. Не ждём. Ясно?

Степан вернулся на кухню. Посмотрел в окно на ту же самую старую скамейку, но ни о чём уже не вспоминал.

* * *

Скромный столик на кухне без скатерти. Водка, примитивная закуска — большие жёлто-зелёные огурцы, консервы в банках, хлеб ломтями. Табачный смог окутал всё вокруг, как туман. Это называется день рождения.

Да, Стёпа знал, куда шёл. Жаловаться не на что. Тот самый Колян, который сегодня отмечал девятнадцатилетие, ещё до того, как все сели за стол, уже был сильно пьян, но не весел:

— Квашу, начиная с понедельника. День рождения всё ж.

— А что ещё делать? Скучно, — добавил в тон кто-то из гостей.

— Да надоело, — Колян разливает по стаканам водку, а потом говорит нечто похожее на тост: «Ну, за меня», — и, морщась, с неохотой медленно вливает в себя содержимое стакана.

Какой-то пройдоха в клетчатом галстуке пытается строить из себя умного, культурного интеллигента, слегка оттопырив мизинец, маленькими глоточками тихонько выпивает рюмку и говорит с наигранным восторгом:

— Эх, чудненько пошла!

Стёпа смотрит на их лица, и ему противно сидеть рядом с ними. Он уже пожалел, что согласился прийти. О чём можно поговорить с ними?

— Эх, а ты обратил внимание, какие у неё были классные буфера! Эх блин, вот бы... — сказал один.

Другой его будто не слышал:

— Из института скоро отчислят. Два месяца не появляюсь.

А тот, кто хотел казаться интеллигентным, теперь больше напоми-

нал захмелевшего борова, на которого зачем-то нацепили галстук:

— Сейчас ещё накерним и пойдём шалав ловить.

Степан выпил две больших рюмки на голодный желудок и почувствовал, как зашумело в голове. Он прислушался к разговорам, и его затошнило. Будто огромный поток грязных отходов мутной струёй сливался в свиное корыто.

— Ты куда? — спросил Витька Калинин, когда Степа поднялся из-за стола и начал прощаться. — Мы ведь только начали.

— Да пойду, пожалуй. Пора.

Когда Степан обувался в прихожей, к нему вплотную подошёл Витёк и пристально посмотрел в глаза. В его голосе слышалось негодование и осуждение:

— Так, или остаёшься, или...

— Или что? — перебил Стёпа и понял, что с этой минуты они больше не друзья. Да и были ли когда-нибудь друзьями?

— Витёк, ну ты где там? Мы уже начислили. Сколько можно ждать?

— послышался ленивый голос Коляна.

— Иду, — ответил Калинин, а потом снова обернулся к Степану.

— Ну и пошёл ты! Нам больше достанется...

Стёпа не ответил и вышел прочь из прокуренной и грязной квартиры.

* * *

На улице по-прежнему моросил дождь. С самого раннего утра грустное небо изливало свою печаль, будто за что-то обиделось на весь свет, но не могло отомстить и теперь беспомощно плакало.

Степан двигался домой. Его качало. Хотя он выпил не так уж много, но этого было достаточно. Всё из-за пустого желудка.

На душе скребли кошки, и мутные печальные мысли путались в клубок. Зачем ему нужна такая глупая идиотская жизнь, по сути лишённая всякого смысла? Не было друзей. Не было любимого человека. Никого рядом, только бесконечно одинокое небо.

Подуло холодом, и Степан застегнул молнию куртки до самого горла, но это не помогло, и ветер пронизывал его насквозь.

«Эх, если бы ветер умел думать, — мелькнула мысль в нетрезвой голове, — он наверняка не стал бы вести себя так. Наоборот, успокоился бы, зная, что именно из-за него мне холодно, плохо, и постарался бы сделать всё возможное, чтобы хоть на минуту повеяло теплом и согрело других и меня. Однако он не умеет думать, не способен чувствовать. А люди умеют, но всё равно ведут себя, как ветер».

Визг автомобильных шин и резкий сигнал вывели его из раздумья. Подняв глаза, Степан с ужасом увидел, что, погрузившись в себя, он пошёл через дорогу на красный свет. И теперь большой серо-зелёный уазик, чем-то похожий на буханку хлеба, на большой скорости ехал прямо на него.

На мгновение Стёпа увидел лицо шофёра. Должно быть, ещё мгновение назад оно было совсем другим — заспанным, уставшим. Но теперь в глазах застыл ужас, руки судорожно выкручивали руль в сторону, нога твёрдо уперлась в педаль тормоза, но это уже не могло ничего изменить.

Степан ещё до конца и не понял, что произошло. Будто большая тяжёлая рука, сначала сильно ударив в бок, подхватила его и понесла вслед за собой. Потом вдруг отнесло в сторону, протащило несколько метров лицом по асфальту, растерев его, как морковь на тёрке.

Не было ни криков, ни шума, ни прохожих, падающих в обморок при виде подобной картины: вечерняя улица уже давно опустела. Степан смотрел помутневшими глазами на чёрное небо, и по разбитому лицу били капли дождя. Окровавленные руки на мгновение сжались в кулаки, но потом вновь ослабли.

* * *

Степан провалился в какую-то пропасть. Он попал в иной бредовый мир. Видел мутные предметы, потом призрачные лица людей.

Сначала вроде бы Маринка подошла к нему и сказала:

— Стёпа, ты пьян и болен. Извини, я спешу.

А потом подошёл Витька:

— Да не нужен ты ей. Пойдём лучше посидим, поговорим вдвоём, я угощаю.

И кладёт руку на его плечо, и Стёпа пытается её сбросить, но не может. Силится, пытаясь преодолеть чудовищную боль, и понимает, что рука приятеля сделана из чего-то тяжёлого и с её помощью Калинин хочет его раздавить.

Стёпа поднимает на него глаза, умоляюще смотрит:

— Не надо, прошу тебя!

— Ты, кажется, спрашивал меня, что будет, если ты не останешься с нами?

Витёк смеётся, и его рот превращается в чёрную воронку, которая засасывает в себя пространство. Стёпа пытается сопротивляться, но чувствует, как ноги отрываются от земли. Его лицо вдруг покрывает-

ся потом, и голова сама по себе устремляется в большой рот, из которого воняет перегаром и тухлыми яйцами. Он беспомощно оборачивается, рассчитывая на помощь Марины, которая, как он надеялся, стоит где-то рядом, но её там не оказывается. Огромная бездна-рот поглощает его целиком, а там, внутри, не было ничего. В необъёмном теле призрачного Калинина царил холод и гулял ветер, который не умел думать. А то пространство, которое вдруг поглотило его, не знало, что такое свет, что такое краски.

Всё это видел он в кошмарном бреду, лёжа на мокром асфальте...

* * *

Марина сидела на привычном рабочем месте, и, необычайно довольная тем, что начальник вышел с новым и важным партнёром, достала из сумочки косметику и принялась налаживать макияж, хотя с виду казалось, что у неё всё в порядке и выглядела она ослепительно красиво, как никогда. Затем нехотя убрала косметику и решила вместо работы залезть в Интернет — посмотреть, о чём пишут на форуме одного женского журнала.

Потом вдруг закрыла Интернет-страницу, увидев, что начальник вернулся. Испугалась, что сейчас будут проблемы — он, похоже, заметил, что она отвлеклась и стала заниматься посторонними делами в рабочее время. Однако тот улыбнулся.

Преуспевающий тридцатилетний директор небольшой коммерческой фирмы «Венеция-М» был чем-то доволен. Даже, казалось, немного волновался, и на его лысеющей голове блестели маленькие капли пота. Он засмеялся щербатым ртом:

— Отлично. Похоже, нам удастся подписать один хороший контракт. Ну, если получится, тогда можно на многое рассчитывать.

— Конечно, Виталий Алексеевич.

— Мариночка, брось! — в его узких глазах заблестел огонёк. — Я же говорил тебе: когда мы с тобой остаёмся вдвоём, можешь называть меня просто Виталий. Ведь я не такой старый, правда?

Она хищнически улыбнулась, как удав, который готовится загипнотизировать доверчивого кролика, прежде чем сожрать его, и легонько поправила волосы на голове.

— Нет. Ты отлично выглядишь, правда.

— Спасибо. Слушай, я тебе давно хочу сказать...

Она приготовилась услышать то, что давно ожидала.

— Мариночка, знаешь, ты такая красивая.

Тут он немного покраснел. Сразу было видно, что начальник из тех людей, которые всю свою жизнь отдали работе, благодаря чему добились хорошего карьерного роста, но с женщинами, особенно такими красивыми, как Марина, терялись. Она не ответила и лишь лёгкой приветливой улыбкой поблагодарила за комплимент.

— Так вот, ты не сердись на меня. Ведь я в последнее время часто был к тебе строг.

— Это правильно. Ты же начальник.

— Да, я тоже так думал. Но я не только твой начальник. Я ещё и человек, мужчина. Теперь вот, когда я твёрдо уверен, что дела моей фирмы пойдут вверх, я могу ни о чём не беспокоиться. Было тяжело в последнее время, и ты это хорошо знаешь. Ну никакой личной жизни...

Марина благосклонно слушала его.

— Поэтому, — продолжал, воодушевляясь, он, — у нас сегодня праздник. Можно сказать, что с этого дня для «Венеции-М» начинается новый этап. Всех сотрудников я отпущу пораньше. А тебе бы я хотел предложить... — он замялся. — Давай отметим наш успех вдвоём. Ты можешь сама выбрать любой подходящий ресторан, в какой тебе хочется. Я твой слуга.

— Всё бы хорошо. Только одна деталь: Степан... — она замолчала на секунду, пытаясь вспомнить его фамилию, и не смогла. — В общем, тот самый, который наборщик текстов где-то здесь, в соседней фирме.

Виталий качнул головой, поняв, о ком идёт речь, и его брови сошлись на переносице.

— Он ведь мне прохода не даёт. Я его сегодня не видела, но наверняка опять провожать собирается.

— Стоп. Так ты ничего не слышала?

— Нет, а что?

— Его на выходных машина сбила. Шёл пьяный откуда-то, от друзей, что ли.

Её лицо на мгновение изменило цвет, но только на мгновение.

— Ну и что? — ответила она.

— Ничего. Я думал, ты знаешь. Это каким-то образом меняет наши планы?

Она подошла к нему ближе и положила свою тонкую ладонь поверх его. Виталий покраснел ещё больше, глядя на её длинные, покрытые красным лаком ногти. Он не привык к женской ласке, и Ма-

рина твёрдо знала, что крупная рыбёшка уже взяла приманку в рот и теперь надёжно сидит на крючке. Она медленно облизнула губы:

— Вовсе нет. Надо и правда отметить наш успех.

И сделала наигранно грустное лицо, пытаясь показать, что она вовсе не бездушное существо, а человек, и умеет сопереживать. Но у неё, правда, ничего не получилось, и слова вылезли из горла фальшивой фразой:

— Да, мне жалко Стёпку, он хороший парень. Но чем я могу ему помочь?

— Вот правильно, ничем. Так что, поедем прямо сейчас? Уже четыре часа.

* * *

Степан лежал на больничной койке и унылыми глазами смотрел на белый потолок. Его лицо было почти целиком перебинтовано, оставались только узкие щели в районе глаз и рта. В эту минуту он чем-то напоминал живую мумию. Хотелось плакать. Он думал об одном: как будет больно маме и тяжело отцу, когда они вернутся домой через два дня. На мгновение Стёпа представил, как мама войдёт в палату, посмотрит на него и... Её сердце не выдержит!

Боже, зачем он пошёл туда? Впрочем, только теперь понял, что нечто подобное должно было случиться. Потому что тот путь, по которому он шёл, неизбежно вёл в тупик. И кошмары, что посетили его, прежде чем он провалился в полное беспамятство, не давали покоя. Как только Стёпа вспоминал об этом, по искорёженной больной спине пробегала дрожь. Будто кошмар открыл ему глаза на самого себя.

В последнее время он стал много думать.

Друзья. Нет, это были не друзья, а нечто ужасное. Они, сами падая куда-то, крепко держали его за руку, желая лишь одного: чтобы и он провалился вместе с ними в эту яму. А Стёпе этого не хотелось. Пусть он пока совсем маленький человечек в этом странном мире и работал наборщиком текстов, получая грошовую зарплату, но знал, что будущее может принести ему многое, если он будет стараться. А те, кого он называл друзьями, делали всё возможное, лишь бы произошло наоборот. Нет, им, конечно, было всё равно, просто раз уж Стёпа к ним подвизался в компанию, то пусть и идёт следом.

В тартарары.

«Нет, я не хочу этого!» Из его воспалённых, покрытых красными венами глаз потекли слёзы. Бинты на лице тут же стали влажными...

А Марина. Она была ослепительно красивой, но если увидеть, что прячется за этой красотой, то станет страшно и захочется кричать. Сбросив верхнюю оболочку, которая всего лишь обманка для глупых мужчин, можно увидеть оборванную старуху с длинными руками и большими кривыми ногтями, которые хватаются за всю на своём пути, а из покорёженного рта торчат два зуба. Только два, как у змеи, содержащие в себе смертельную дозу яда... Ему стало ещё хуже.

Тут в палату зашёл лечащий врач и отвлек его от раздумий:

— Степан, как вы себя чувствуете?

— Не очень, — ответил он.

— Вы не переживайте, мы вас вылечим. На самом деле звучит странно, но, можно сказать, вам повезло.

— Да? — Стёпа попытался улыбнуться, но у него не получилось.

— Интересно, в чём?

— Во-первых, вы остались живы и вас вовремя доставили к нам. Конечно, лечение будет долгим и, хочу сразу же предупредить, весьма болезненным, но мы поставим вас на ноги. Обещаю, вы будете ходить.

— Спасибо, доктор. Хотя мне не очень хочется ходить. Знаете, я бы многое отдал, лишь бы не возвращаться в тот мир, откуда меня привезли.

— Ну, не надо так пессимистично. Вот такой настрой правда может помешать успешному лечению, это я точно говорю. Лучше скажите: как вы отнесётесь к тому, чтобы принять посетителя? К вам пришла девушка, но я решил, прежде чем пустить её сюда, посоветоваться с вами.

— Кто она? — Степан вдруг испугался того, что это может оказаться Марина.

— Я не знаю. Так что мне ответить ей?

И тут Стёпа что-то почувствовал. Сам не понял до конца, что именно, но решил: рядом находится нечто, что очень ему дорого. Будто вторая часть души рвалась навстречу.

— Хорошо, пусть... пусть заходит, конечно... пропустите.

Доктор вышел, и следом появилась девушка — такая тихая, с большими грустными глазами. Она хотела улыбнуться, но у неё не получилось, и она заплакала.

— Лена, ты?!

Она кивнул:

— Я вернулась, как видишь. Буду теперь здесь учиться в институ-

те. Я как приехала, сразу же к тебе пошла. Стучу — никого нет, а соседка баба Нюра выходит и говорит, что...

И тут она не выдержала и совсем разрыдалась.

А Степан, наоборот, улыбнулся и вдруг испугался: а нужен ли он ей такой? Во всех смыслах. Мало того, что работает на позорную зарплату, так ещё и выпивает, компания дурная. Хотя это в прошлом, и важно другое. Теперь его лицо изуродовано, и он стал инвалидом на всю жизнь.

Но, посмотрев в её добрые глаза, которые дрожали, с любовью и лаской смотрели на него, откинул прочь все сомнения: пусть пока будет плохо и тяжело, но он выберется и встанет на ноги.

— Моё детство — это ты. Ты помнишь, как всё было здорово? А там, куда мы уехали, было плохо и тяжело. Я не выдержала и вернулась. И всё время думала про тебя, моего самого лучшего друга. Я помогу, веришь? Всё будет хорошо.

— Слушай, а ты помнишь, как мы гадали на спичках?

Она засмеялась:

— Когда поднимаешься на ноги, мы с тобой снова попробуем.

* * *

Тёплый августовский вечер. Баба Нюра, одетая в помятый домашний халат и тапочки, развешивает бельё, и с белых простыней на землю капает вода. Даже лужица целая уже под ним появилась. Из открытого окна доносится тихая мелодия — дед Андрей опять, уже, наверно, в миллионный раз, включил свою любимую песню, и из старинного патефона с глухим треском и поскрипыванием льётся во двор старая советская песня:

*Хорошо над Москвою-рекой
Услышать соловья на рассвете.
Только нам на душе непокой —
Мы снова по времени дети.*

Идёт парень, опираясь на костыль. Справа — милая, обаятельная девушка, поддерживает его. Лицо парня все изрезано, покрыто глубокими красными бороздами, но он улыбается и вовсе не выглядит страшным, уродливым. Наоборот, он чем-то похож на ветерана войны, который вернулся домой пусть не совсем здоровым, но победителем.

Они садятся на скамейку и прислушиваются к знакомой песне.

— Ух ты, как здорово! — говорит она. — Дед Андрей и тогда постоянно её крутил.

— Да, помню. Многие ругались, кричали: «Выключи, немодно, устарело!», — а он продолжал каждое утро начинать с неё.

— И правильно. Дай Бог ему ещё сто лет заводить свой патефон. Тем временем приятный бас продолжал петь:

Надо верить, любить беззаветно...

— Ну что, давай попробуем снова?

Она вынула из сумочки коробок. Но не стала доставать спички, а просто засмеялась.

— И так все понятно, — сказал Степан и обнял её.

— Да, они сойдутся.

— А ты поцелуешь и убежишь.

— Нет, уж на этот раз не убегу!

Баба Ньюра повесила всё своё бельё и, взяв под мышку огромный эмалированный таз, направилась к подъезду. Остановилась возле скамейки:

— Сидите, голубки? Ну прям картинка! Только долго не надо, а то простудитесь.

Потом пошла дальше, но остановилась в дверях:

— Вы как нацелуетесь, ко мне зайдите, пирогами угошу. Только только спекла. Румяные, поджаристые вышли. Эх, молодёжь!..

Кажется, она вспоминала что-то. Может, те времена, когда ей самой было двадцать. Потом крикнула деду Андрею:

— Ну выключи, сколько можно крутить одну шарманку!

Но тот, похоже, её не расслышал: глуховат стал. И потому, наоборот, сделал ещё громче... И голуби ворковали во дворе...

И та самая скамейка, на которой они сидели опять, будто ожила, вернее, наконец очнулась после неприятного и долгого сна. Проснулась оттого, что вновь почувствовала тепло, нежность и ласку, которые опять, всё с той же, а может, и гораздо большей силой исходили от детей.

От детей, которые снова вернулись к ней.

ЮБИЛЕИ

Борису Константиновичу Панову – 85

Николай НАСЕДКИН

ТРУДНЫЕ ГОДЫ БОРИСА ПАНОВА

В конце 2003-го, юбилейного для писателя Бориса Панова (ему исполнилось тогда 80) года, в Тамбове вышло переиздание главного его литературного труда — трилогии «Посреди степей». Вернее, две первые книги выходили и ранее в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве, а вот теперь — в полном виде: с заключительной частью и под одной обложкой. Солидный получился том! Правда, тираж несравним с прежними, но те, кто любит творчество тамбовского прозаика, получили возможность прочесть его главный роман наконец-то в полном виде хотя бы в библиотеке.

А вообще всё, что Борис Панов написал и издал за свою долгую жизнь, всё его собрание сочинений вполне может уместиться в два тома. Конечно, не так уж много. Хотя кризисов он практически не испытывал никогда — всегда писалось в охотку. Работал быстро, профессионально: к примеру, такое объёмное и достойного художественного уровня произведение, как «Конец Губана», было создано всего за несколько дней.

Николай Наседкин родился в 1953 году в Сибири. Окончил Московский университет им. М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. С 1982 года живёт в Тамбове.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Нева», «Урал», «Подъём», «Южная звезда», «Российский колокол» и др.

Автор книг «Осада», «Криминал-шоу», «Алкаш», «Меня любит Джулия Робертс», «Люпофь», «Самоубийство Достоевского», «Достоевский: Энциклопедия» и других, вышедших в издательствах Москвы, а также Польши и Черногории.

Председатель правления Тамбовской писательской организации.

А дело в том, что Б. Панов всю свою жизнь разрывался надвое — между журналистикой, газетной текучкой и собственно творчеством, прозой. Притом долгие годы был не просто газетчиком, а редактором. Возглавлял различные «районки» в тамбовской глубинке, а последние четверть века перед пенсией — в Мичуринске. Можно только удивляться, что Б. Панов умудрился при такой «плотной» жизни всё же создать роман-трилогию, несколько повестей и книгу рассказов. Для непосвящённых поясню, что редактор районной газеты, по крайней мере в те, советские, времена, не только руководил коллективом, сам писал каждый день статьи и заметки, но и мотался в качестве уполномоченного райкома компартии по командировкам.

Конечно, как прозаик Б. Панов далеко не реализовал себя. Вероятно, он сгубил свою творческую судьбу, отдав столько сил, времени и нервов газете. Хотя, с другой стороны, немало ярких и приятных воспоминаний связано у него именно с редакторством «районки». Мичуринская газета «Знамя Октября» славилась при нём не только на Тамбовщине, о ней был снят и дважды показан по Центральному телевидению фильм, она была представлена на ВДНХ, редактор её, то есть Борис Константинович Панов, награждён был медалью и орденом...

Но главным в жизни его должна была стать литература. И то, что она оставалась для него как бы на втором плане, не могло не сказаться на творческой биографии прозаика. Два-три раза судьба давала писателю с Тамбовщины такие потрясающие шансы, что, казалось, вот ещё чуть-чуть, ещё усилие и — выход на всесоюзного читателя, слава, прорыв на литературный Олимп. Но, словно наказывая его за предпочтение газетной рутине, в последний момент судьба словно отворачивалась от Б. Панова.

В первый раз такой шанс представился в ту далёкую пору, когда он только что выпустил первый свой тонюсенький сборничек прозы «Мартовским днём» в существовавшем тогда Тамбовском книжном издательстве. С этой книжечкой карманного формата (термина «пocket-бук» в те времена у нас не знали) в полста страниц и парой рукописей неопубликованных рассказов Борис Панов поехал на семинар молодых прозаиков в Москву. И вот там его рассказ «На переезде», отвергнутый незадолго до того «Тамбовской правдой» по причине его якобы чрезмерной мрачности (главный герой — сумасшедший фронтовик, который «сторожит» небо от вражеских самолётов и никогда уже не поймёт, что война давно кончилась), этот рассказ попадает в поле внимания тогдашних мэтров литературы, включая председателя

правления Союза писателей России Леонида Соболева. Рассказ публикуется в столичной «Литературной России», и «классики» настоятельно советуют автору: бросай газету, твоё дело — литература.

Не бросил, не решился — всё же верный кусок хлеба, а уже семья, дети... Литература же как и сейчас кормит в России единицы, так и тогда обеспечивала гонорариями далеко не каждого писателя.

Второй раз судьба поманила Бориса Константиновича в 1970-м, когда его повесть «Хозяин» вдруг (именно — вдруг: тогдашняя руководительница Тамбовской писательской организации Майя Румянцева отправила рукопись без ведома автора) заинтересовала редакцию журнала «Октябрь». Можно представить, что чувствовал Б. Панов, когда к нему в Мичуринск приехал сотрудник столичного «толстого» журнала, чтобы вместе с автором подшлифовать одобренную рукопись. Потом писатель пару раз и сам ездил в Москву на доработку повести, с самим Кочетовым, редактором «Октября», встречался, с Бондаревым беседовал...

Но произведение провинциального автора в журнале так и не появилось: кому-то из влиятельных членов редколлегии показалось, что «Хозяин» написан не в духе социалистического реализма — основополагающего и единственного тогда направления в советской литературе: ну никак не мог богатый мужик, «кулак», сочувствовать коллективизации...

Ещё одним намёком фортуны можно считать тот эпизод в творческой биографии Бориса Панова, когда он в начале 1970-х попал на Всероссийский семинар очеркистов в Орле и произвёл там впечатление. Его проблемные очерки после этого появляются в центральных журналах «Сельская новь», «Журналист», «Москва», он награждается премией Союза журналистов СССР. Зато дома от родных тогдашних властей Б. Панов получил строгое внушение — зачем-де сор из избы выносишь? Писатель проблемы-то поднимал российского и даже всесоюзного уровня, но сугубо на местном, тамбовском материале...

К слову, в третьей, заключительной части эпопеи «Посреди степей», где события происходят уже в 1970-е годы, те очерки, вызвавшие гнев ответственных товарищей, в творчески переработанном виде стали частью повествования.

И это неудивительно: Б. Панов как прозаик — в чистом виде реалист. Он всю жизнь писал о том, что пережил сам или очень хорошо знает. А знает он хорошо именно жизнь чернозёмного села, проблемы деревенские — «районные будни», по выражению В. Овечкина.

Он и стал летописцем этих районных будней, и его «Посреди степей» — это история и повседневность одного района Тамбовщины и тамошних жителей. И этот роман как бы вобрал в себя большинство рассказов и очерков, написанных Б. Пановым прежде. А некоторые из них напрямую включены в текст романа. Так, в «Прологах» к первой книге «Посреди степей» можно распознать, к примеру, сюжеты рассказов «В окружении» и «В морозную ночь». Творчество писателя производит впечатление единого целого, так как материалом ему служила и служит собственная жизнь и сравнительно небольшой по географическим меркам, но необъятный по разнообразию жизни мир родного района, малой родины.

Если читать произведения Б. Панова в хронологическом порядке с первой, тамбовской, книжки, затем последующие, которые выходили уже в Воронеже, и наконец опять тамбовские (в последние годы, помимо переизданных «Посреди степей», вышел в Тамбове сборник повестей и рассказов «Прошлое живёт долго»), то легко можно заметить, что мастерство прозаика неуклонно росло, его голос крепчал. Хотя и в первой книжечке-брошюрке среди таких «газетно-районных» рассказов, как «Мартовским днём», «Слабый характер», «Сердце девичье» и «В Лысом логу» уже обращает на себя внимание сильный рассказ «На Отраде» — о человеке, который всю жизнь ждал любви, мучился от равнодушия жены, ушёл от неё под старость и решил начать жить заново, обретая наконец счастье взаимопонимания, счастье любви...

Немало строк в творчестве Б. Панова посвящено войне. Естественно — Великой Отечественной. В военных биографиях некоторых его героев просматриваются кусочки его собственной жизни: тут и контузия во время бомбёжки ещё по дороге на фронт, и Дальний Восток, и учёба в военном училище, закончить которое не успел — пришла Победа... Упомянутая историко-приключенческая повесть «Хозяин» посвящена становлению Советской власти на Тамбовщине. «Я хотел, — рассказывает писатель, — показать приход самостоятельного мужика в революцию, приход не ради материальных благ, а по идейным соображениям...» Но всё же основной пласт времени, который исследовал и изображал Борис Панов в своих произведениях — послевоенная эпоха в жизни российского крестьянина.

И вот тут самое время подчеркнуть такой момент: время обнаружило значительные изъяны в произведениях даже некогда самых авторитетных столпов соцреализма — прозаиков-летописцев истории

Советской власти. Увы, не весь трагизм времени отразился в эпопеях, допустим, Панфёрова, Вирты, позже — Иванова, Проскурина... Конечно, и у Б. Панова всей правды о трудных эпохах нашей жизни не найдёшь, но что не отнять, то не отнять: идеализированных героев в его произведениях почти не встретишь, славословий в честь «достижений развитого социализма» не найдёшь. Короче, в прозе тамбовского писателя есть та правда, есть тот подлинный реализм, который при сегодняшней осведомлённости читателя о советском прошлом страны не мешает ему читать те же «Посреди степей» с интересом и уважением к позиции автора.

Напомню образ только одного из ключевых героев романа — Фёдора Стребкова. Как убедительно выписан этот наглый, нахрапистый недоучка, попавший на должность, заделавшийся начальником, представителем власти. Сколько таких стробковых водилось у нас на Руси и при Советах, а сколько развелось сейчас, при «демократах», и жиреют они за счёт народа, дискредитируя хоть советскую власть, хоть демократическую. В жёсткости при создании подобных образов, в творческой смелости при отображении реальной жизни российско-чернозёмного села в эпоху «развитого социализма», думаю, и проявился талант писателя-реалиста Бориса Панова.

А главное положительное начало в его книгах, в образах его героев — это труд и любовь к своей земле, своей малой родине. Такие люди, как директор совхоза Туровцев из повести «Трудный год Владимира Туровцева», замполит крупной машинно-тракторной станции Кротов из рассказа «Сердце болит», трактористы, доярки, председатели колхозов, секретари райкомов партии (единственной тогда — Коммунистической) из романа «Посреди степей», как говорится, вкалывают на совесть и не мыслят себя вне стен родного дома — в этом смысл их жизни, смысл жизни (по Панову) вообще.

Когда того же Кротова решили взять на повышение в обком и, услышав отказ, начали, как водится, наседать и давить, Кротов объяснил первому секретарю обкома, что он, Кротов, «нелепо, неловко чувствует себя, когда ему предлагают перебраться в другой район или в областной центр. Это для него всё равно что услышать примерно такое: “Слушай, Кротов, мы знаем: у тебя неплохая, нормальная семья. И жена, и дети подходящие. Но что если тебе предложить семейку поперспективнее, покрупнее? Как смотришь на такое дело?”...»

Можно соглашаться или не соглашаться с подобной философией героя, но то, что её полностью разделяет автор, что это его личное и

ЮБИЛЕИ

глубокое убеждение — не вызывает сомнения. Писатель большую часть жизни прожил на одном месте, рядом со своими героями и не жалеет об этом.

Сейчас... Сейчас Борис Константинович, несмотря на преклонный возраст, продолжает активно писать и публиковаться. Как уже упоминалось. В последние годы в Тамбове вышла его книга повестей и рассказов, появилось несколько публикаций в коллективных сборниках, в предыдущем выпуске «Тамбовского альманаха» напечатана повесть «И двинулся новый век», а в издательство Тамбовского Литфонда ветераном сдана рукопись книги избранного, которая должна выйти к читателю в канун юбилея...

Борису Константиновичу Панову в декабре этого года исполнится 85 лет.

Патриарх тамбовской литературы остаётся в строю!

Елена БОРОДА

О ПОЭЗИИ БЕЗ ПАФОСА

Чем далее от заданного историей хронологического рубежа, тем определённое лицо эпохи. Может, подобное утверждение опрометчиво, но, кажется, после хаоса и всех пост-, и пост-пост- и пост-пост-постмодернизмов что-то всё-таки начинает проступать, подобно объёмной картинке.

Если вкратце и упрощённо, то у нас в России привнесённый по обыкновению с Запада постмодернизм совпал с затянувшимся периодом раскрепощения после эпохи соцреализма. Восторг открытия, новые горизонты, возможность творить в других измерениях — с одной стороны; и тотальная усталость, всеобщий духовный кризис — с другой. В результате, когда весь мир стонал: «Можно всё. Но зачем?», Россия восклицала: «Зачем это всё? Но ведь можно!» Совершенно подростковый экстаз со всеми отсюда вытекающими: повышенным эгоцентризмом, вседозволенностью, эпатажем. Отсюда хаос. Отсюда инфантилизм отечественной поэзии.

Одним из фактических событий, отражающих современный литературный процесс, стал очередной, 7-й по счёту, Форум молодых писателей России в Липках (Подмосковье).

Елена Борода (Владимирова) — кандидат филологических наук, работает преподавателем в колледже.

Автор двух поэтических сборников: «Двойные двери» и «Улыбка клоуна». В 3-м номере «ТА» она была представлена поэтической подборкой.

Сегодня Елена делится впечатлениями о Всероссийском форуме молодых писателей в Липках (2007 г.), участницей которого была.

Как обычно, Липки-2007 стали местом концентрации идей, которые эфемерно существуют где-то в пространстве разрозненной и разнородной поэтической среды. Подобной идеей, горячо обсуждавшейся на мастер-классах и вне их, была мысль Иосифа Бродского о диктате Слова. Развивать эту тему не имеет смысла, о ней нужно отдельно, да и не о том, собственно, речь. Но...

Хорошо уже то, что в поэзии наблюдается уверенное движение в сторону нового измерения, причём не абстрактно-умозрительного, а смыслового. Движение в качестве основы или альтернативы — это мы ещё узнаём. Вообще-то подобная новизна, строго говоря, относительна, поскольку к смыслу возвращаются всегда. Принципиально нового в этом ничего нет, однако каждое такое возвращение неповторимо, ибо литературу диктует эпоха, а её повторить невозможно.

В начале прошлого века Н. А. Бердяев высказывал мысль о том, что искусство лишено цели и ценности, если в основе его нет человека. При этом человека, вероятно, можно понимать как микрокосм, способный вместить в себя реальность. Обобщённо говоря, Бердяев утверждал смыслоцентризм. Однако история показывает, что уход в сторону беспредметности и чистого искусства необходим, чтобы прийти до лона искусства ещё, так сказать, до зачатия, то есть до соприкосновения с жизнью. Это нужно, чтобы до конца понять саму природу творчества, в высшей степени бескорыстную и лишённую смысла в утилитарном понимании.

Относительно же диктата Слова... В похожем направлении ещё до Бродского рассуждал П. А. Флоренский, правда, более деликатно называя его (Слово) необходимым наложенным и влияющим на нас условием. В мастер-классе Алексея Алёхина и Андрея Василевского предпочитали оперировать понятием «приращение смысла» (термин, активно используемый известным культуртрегером Дмитрием Кузьминым).

Думается, о самоопределении эпохи свидетельствует также попытка молодого воронежского критика Александра Житенева (мастер-класс И. О. Шайтанова, Е. А. Ермолина) предложить единую систему критериев художественности. Разумеется, теория подобного размаха потребовала испытания своей жизнеспособности. Поэтому критерии, предложенные Житеневым, тут же опробовали на подвернувшихся поэтах. Дискуссия была бурной.

Конечно, можно говорить об утопичности подобных попыток, об изобретении велосипеда и т.д. Но когда в качестве критерия выдвига-

ется «мера авторской ответственности» (А. Житенев) — это уже серьёзно.

К концу Форума было что-то вроде эстетического пресыщения. Это когда сохраняешь способность ценить, но теряешь возможность наслаждаться. И почему-то именно здесь, несмотря на праздник, не покидало осознание того, что литература — это работа, такая же обыкновенная, тяжёлая и ответственная, как и другие. Сейчас в этой связи вспоминаются слова Алексея Алёхина, сказанные мастером в рабочем порядке, но вполне подходящие для итога: «Поэт всегда занят только одним: он переживает мир. Больше, глубже, ярче, чем другие. Но это — на всю жизнь». И его же замечание о том, что литература — это пространство такого рода, что там нет слова БЫЛ, а только слово ЕСТЬ, и, проникая в него, мы вступаем в диалог не только со своими современниками, но и с Гомером и Пушкиным, Данте и Шекспиром, Толстым и Сервантесом.

Хороший повод подумать о мере авторской ответственности. Это и критерий, и масштаб, и голая правда. И никакого пафоса.

Елена ЛУКАНКИНА

ПРОЗА КАК ПОЭЗИЯ

(О рассказе М. Знобищевой
«Имена»)

Разве кто-нибудь и когда-нибудь сомневался, что поэзия — это свет?.. Хотя с оговоркой: не всякая. А настоящая. Стихи — это заоблачье. Стихи — это заночье. Стихи — это всё что ЗА пределами обыденной реальности и понимания. Все эти рассуждения не новы, но когда читаешь ТАКИЕ стихи, хочется продолжать постижение этой магии. Хочется найти хотя бы один крохотный пробел в этом полотне слов и образов и протиснуться в суть, внутрь этой тайны.

Стихи Маши Знобищевой, молодой тамбовской поэтессы, вне всякого сомнения, — та самая ЗАпоэзия, уносящая всякого, кто имел счастье прикоснуться к ней, в мир непостижимого. Однако проза Марии оказалась не менее волшебной и звонкой. В предыдущем, 4-м, номере «Тамбовского альманаха» Маша вынесла на суд читателей рассказ «Имена». Рассказ, в котором чудесным образом сплелись слово, звук и цвет.

Мария умело жонглирует не только метафорами, но и всеми другими средствами языка. Её слова танцуют и поют, рисуют и скользят. В них нет тяжести, хотя они глубоки. Только лёгкость и бесконечный полёт...

Елена Луканкина окончила ТГУ им. Г. Р. Державина, работает журналистом, но основное дело её жизни – литература. Она автор трёх поэтических и одного прозаического сборников, её стихи и проза публиковались в столичных журналах «Московский вестник», «Российский колокол», «Поэзия», в воронежском «Подъёме». Активно пробует свои силы Елена и в критике.

Член Союза писателей России с 2005 года.

В «Именах» нет ничего лишнего. Язык не поворачивается назвать автора начинающим прозаиком. В этом произведении сквозит зрелость. По одному этому рассказу уже можно говорить об авторском стиле Маши, отличительной особенностью которого являются детальность, лиризм и образность. Каждая деталь здесь работает на содержание и сюжет, но в первую очередь она работает на фантазию. Ведь авторский текст мёртв и пуст до тех пор, пока не будет возведён в степень воображения читателя.

Рассказ молодой писательницы (так и хочется написать — волшебницы!) невероятно тонок, как изящная паутинка на ветру. Читать его надо осторожно, по капле, по нотке, по краске, смаковать и наслаждаться, не упуская из вида и вкуса ни одной снежинки, даже если она тает на глазах и на губах. Нет никаких сомнений в том, что этот рассказ и есть субстанция души самой Маши — ювелирная, нежная, ранимая, светлая и вместе с тем такая прочная.

Настоящий писатель — это и рана и броня, и слабость и сила, и крик и шёпот, и душа и разум. Слово к слову, образ к образу — всё в «Именах» так плотно: ни одной бесполезной петли. Всё подчинено одному — поэзии! Марии Знобищевой удалось спрятать ранимую поэзию в надёжной прозе. Не случайно внутри рассказа звучат-цитируются Блок и Фет, а из-за занавеса любовных сцен выглядывает Шекспир. Поэзия входит в мир людей и становится частью этого мира.

Две истории — две путеводных звезды персонажей. Он (Александр) и Она (Кристина) — Инь и Ян. Она когда-то любила Олега, Он — любил Любу. Два имени — две линии. И то и другое Мария Знобищева развела, как мосты, которые однажды сходятся. Для главной героини Кристины имя Олег произносилось «как вздох», будто, произнося его, «падает лёгкая упругая капля в самой глубине лесного сумрака». А Любочка для главного героя была чем-то необъяснимо влекущим и чистым. Эти имена — и есть совершенный образ, каким задумал нас Господь; каким Ромео видит свою Джульетту; каким на нас смотрят только влюблённые глаза.

Герои Маши по-разному пришли к осознанию своего детского и трепетного чувства. Они по-разному любили, переживали, боролись и понимали эту высшую эмоцию. Они становились безупречнее и выше в этой любви, они продолжались в отражении своих любимых. Но в одном эти юные личности были одинаковы — в своей искренности и чистоте. Время развело их по разным городам и судьбам. Однако остался тот свет, которым они продолжают лучиться изнутри.

В их жизни появились новые люди, чувства и открытия. Да и жизнь стала другой. Но желание любить двигало ими. Кристина и Александр не были знакомы, до этой судьбоносной встречи каждый из них жил со своей историей. Но вот они пересеклись на карте судеб и теперь решают, как назвать будущего своего ребёнка. Сомнений в выборе нет: мальчика — Олегом, дочку — Любой.

Юной писательнице, безусловно, близки персонажи. Они юны, но в них зреет новое понимание жизни. Наверняка в каждого из них Маша вложила частичку себя. А в нежной и тихой Кристине, те, кто знают автора, конечно же, узнают саму Марию. Отчего сопереживать влюблённой и ранимой Кристине хочется ещё больше.

Две сильные юношеские любви, как две Тютчевские грозы в начале мая — в начале взрослой жизни. Они прогремели на небе каждого и оставили свой неповторимый след. И уже неважно, что эти молодые люди теперь не вместе. Судьба развела их по разным параллелям, но остались жить те истории. Остались жить там — за школьной партией, в парке на скамейке, в этих магических именах, где-то глубоко в сердце.

Финал открыт и радостен: у семейной пары рождаются двойняшки. Это дети света. Рождение и созидание — вот чем «дышит» рассказ. Этим воздухом дышит и читатель. Здесь всё рождается и цветёт, в рассказе нет ни одной тёмной строчки и мысли. Здесь только свет. Даже волнения, которые одолевают героев, светлые.

Рождение детей — это всегда прекрасно! Хотя при этом, глотая последние строчки рассказа, немного грустно. От чьей-то истории остались одни воспоминания, однако следующие уже наготове. Конечно же, малышам нужно дать имена. Но это уже новые люди с новыми судьбами. Так должно быть. Так и есть. У каждого — своя биография. Дети — это воплощение любви, но не памяти и опыта. Им предстоит строить свою жизнь, создавать свой мир ощущений. Им уготованы другие имена. К примеру, Наташа и Ваня. А почему бы нет! У каждого имени — неповторимая магия.

Четыре персонажа, как четыре опорные точки рассказа, движутся в разные стороны. Если соединить их, получится крест, который никогда уже не станет реальностью. Вертикаль — Кристина и Олег, горизонталь — Саша и Люба. Однако, дорогие читатели, не спешите обнулять свои улыбки, не всё так сумрачно, никакой тяжёлый крест им нести не придётся. Ведь если прибавить к этой четырёхконечной форме ещё две линии (Кристина и Саша и их двойняшки) — то вый-

дет снежинка. Читая рассказ Маши, кажется, что подобных невидимых снежинок между строк так много, что Герде и Каю даже не снилось.

В наше время тяжело писать сказки, потому что правда сейчас живёт в других жанрах. Однако у Маши всё не так. Она сама сказочница, что задумает — то и наворожит. А выходит у неё всё просто чарующе...

Правда, кроме волшебной палочки, Мария знает и вкус неволшебной жизни. Это знание, судя по всему, уже известно молодой кудеснице. Знает она, что прошлое не только щекочет нашу память, но кусает её зачастую. Но со временем минувшее всё же становится прочным фундаментом, на котором и дом построить легко, и сад посадить. Вот тогда можно подумать и о ребёнке. Так поступают герои Машиного рассказа.

А имена... Их за нас уже выбрали. Где-то ТАМ — ЗА нашим пониманием.

И никак иначе!

Будни и праздники

В областной библиотеке им. А. С. Пушкина при аншлаге состоялась презентация 3-го номера «Тамбовского альманаха» и коллективного сборника «Вчера и сегодня: Родной город в изображении тамбовских прозаиков и драматургов». Перед гостями вечера выступили авторы этих изданий поэты Е. Начас, Т. Курбатова, В. Марков, Л. Котова, М. Знобищева; прозаики Ю. Расстегаев, Н. Веселовская и др. Вёл презентацию председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России главный редактор «Тамбовского альманаха» Николай Наседкин.

* * *

На прошедшем в конце марта общем собрании тамбовских писателей были приняты в Союз писателей России прозаики Михаил Гришин и Александр Зотов.

* * *

В 2008 году творческие стипендии администрации области в размере от 10000 до 50000 рублей присуждены большинству членов Тамбовского отделения Союза писателей России. Это: А. Акулинин, В. Аршанский, Л. Асеева, В. Дорожкина, И. Елегечев, Н. Замятин, М. Знобищева, З. Королёва, А. Косневич, Л. Котова, В. Кравченко, Т. Курбатова, Е. Луканкина, Ал. Макаров, Н. Наседкин, Е. Начас, Б. Панов, Л. Перцева, Л. Полякова, Ю. Расстегаев.

Новые книги

Тамбовский рассказ / Сост. Н. Наседкин. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2008. 220 с. 600 экз.

...И хочется в полёт. Поэзия молодых / Сост. В. Дорожкина. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2008. 256 с. 600 экз.

Елегечев И. Голгофа. Роман-трагедия. В 2-х кн. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2008. Кн. 1. - 348 с., Кн. 2. - 596 с. 500 экз.

Косневич А. Билет до Парижа. Рассказы. Тамбов: «Тамбовполиграфиздат», 2008. 236 с. 100 экз.

Мещерякова Т. Ближе к небу. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2007. 120 с. 300 экз.

Абросимов В. Своя колея. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2007. 184 с. 300 экз.

Наседкин Н. Достоевский: Энциклопедия. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Эксмо, Алгоритм, Око, 2008. 800 с. 4000 экз.